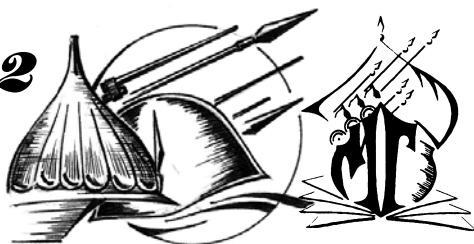

Россия, Русь! Храни себя, храни!

11-12
2015

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей АБИЧЕВ. Слово о верховном главнокомандующем	3
Сергей ЕЛИШЕВ. Вскормившие нацизм	19
Эмма МЕНШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни	87
Денис МИРОНОВ-ТВЕРСКОЙ. Сквородка	110
Сергей ЛЕБЕДЕВ. Сахалин	137

ПРОЗА

Эдуард АЛЕКСЕЕВ. Пасека. Рассказ	38
Леонид НАЛИВАЙКО. Короткие рассказы	118
Иван ЧУРКИН. Рассказы	158
Надежда СЕРЕДИНА. Зеркало. Новелла	177

ПОЭЗИЯ

Геннадий ПОПОВ. Душою слышу глас небесный. Стихи ...	80
Вера КУЗЬМИНА. Кого люблю. Стихи	127
Елена САПРЫКИНА. До края истины. Стихи	184

РУССКИЙ МИР

Геннадий КОЛДАСОВ. Роль князя Владимира в создании Русского мира	192
Сергей СОКУРОВ. Россия — имя нетленное	199
Сергий КАРАМЫШЕВ. Агония Европы	205
Николай ОРЛОВ. Спасите Донбасс!	208

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Кирилл ФРОЛОВ. Святой князь Владимир против «ереси украинства»	213
---	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Михаил ДЕЛЯГИН. Смертельная эффективность	227
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	237
Николай ЮРЛОВ. Читая классику	255

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Жертвенная любовь к России	262
Вячеслав ЛЮТЫЙ. «И я пойду дорогой возвращения...»	277
Содержание журнала за 2015 год	284

СЛОВО О ВЕРХОВНОМ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ

Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории развеет её всю, без остатка.

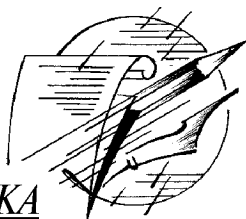
Иосиф Виссарионович Сталин

Сталин не ушёл в прошлое. Он растворился в будущем.

Шарль де Голль

Начну с первичного ответа на вопрос подзаголовка, который далее попытаюсь обосновать более или менее развёрнуто: это время вплотную приблизилось; отчасти оно уже и наступило.

Не подлежит обсуждению тот исторический факт, что тема сталинской эпохи в советский период отечественной истории дважды использовалась как идеологический таран по Единому Отечеству. «Десталинизация» в версии Н.Хрущёва его основательно расшатала. «Десталинизация» в версии М.Горбачёва и А.Яковлева увенчалась распадом СССР в 1991 г. Это было геополитической катастрофой XX века, что подчёркивалось и президентом В.Путиным. Но от бывшего СССР осталось ядро единой Российской Федерации.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Оно далеко не так монолитно, как СССР не то что в сталинскую эпоху, но и в брежневскую. И оно подвергается массивным идеологическим атакам.

Они пытаются взять на вооружение «третью десталинизацию». Её основной идеей является посадка на одну скамью подсудимых суда истории тоталитарного режима А. Гитлера в Германии и тоталитарного режима И.В. Сталина в СССР. Стереотип Гитлера и Сталина как двух сапог в паре, равноответственных за Вторую мировую войну, становится всё более популярным в умах и душах не то что нового поколения российской молодёжи, но и россиян даже моего, первого послевоенного поколения. Психотехнология «ненавязчивого вдалбливания» делает своё дело. Западные теоретики и практики холодной войны знают в психотехнологиях толк и работают профессионально.

Особо подчеркну: было бы роковой ошибкой полагать, что холодная война закончилась в 1991 г. вместе с распадом СССР. Единая великодержавная Россия веками ценностно «не устраивает» Запад ни в форме православной Империи, ни в форме Советского Союза, ни в постсоветской форме. И после 1991 г. холодная война не только не закончилась, но и вступила в кульминационную фазу. Её цель извечная — расчленение Российской Федерации и колонизация её обломков. После 1991 г. в информационном и культурном пространстве далеко не суверенной России вышла на оперативный простор программа А. Даллеса по идеологическому и морально-психологическому разрушению России изнутри. Особенно — в среде новых поколений российской молодёжи. А однополярный «новый мировой порядок» на основе глобального долларového колониализма США, по словам З. Бжезинского, должен строиться против России, за счёт России и на обломках России.

Надо чётко понимать, что современный этап идеологической и психологической войны Запада против России — это «Сталинградский рубеж», когда «за Волгой для нас земли нет». Новейшая украинская военно-политическая авантюра Запада, судя по всему, оборачивается для него «эффектом бумеранга». Россия пошла в идеологическое, дипломатическое, экономическое и политическое контрнаступление на долларový глобальный колониализм США. Будем надеяться, что оно с идеологического «Сталинградского рубежа» станет столь же необратимым и победным. Но оно может захлебнуться, если за нынешней патриотической консолидацией российского общества не последует его дальнейшая идеологическая консолидация.

Как показал опыт постсоветской Украины, идеологическая война за отечественную историю — это главный фронт войны за умы и души людей, особенно — молодёжи нового поколения. Из тех, кто воспитан на идеологически извращённой и оболганной истории советского периода, массово рекрутируются активные и даже откровенно бесноватые разрушители основ всякой государственности и элементарного правопорядка. Всё это мы недавно воочию видели на киевском майдане. Но киевский майдан — это заготовка для будущего московского майдана, который должен положить конец Единой России по подобию бывшего разрушения Советского Союза. И злостные искажения отечественной истории советской эпохи в этом деле также играют ключевую роль.

В эпоху этой нынешней кульминации идеологической борьбы Запада против России жизненно важно не допустить «третьей десталинизации». Если она состоится, то Единая Россия как великая держава рухнет окончательно и бесповоротно. Народ, который позволяет себе кощунственно глумиться над своей трагической, но и героической недавней историей, лишится статуса великого народа. Это уже будет смертным приговором Божиего суда над Россией.

Для ветеранов Великой Отечественной войны нет ничего более кощунственного, чем постановка в один ряд И.В. Сталина и А.Гитлера, Советского Союза и третьего рейха. Но для всё большего числа россиян послевоенных поколений это, увы, становится нормальным. О молодых россиянах, воспитанных в 90-х гг. на соросовских учебниках истории, и говорить не приходится. Они уже в массовом порядке не знают даже того, кто с кем во Второй мировой войне воевал, и того, что СССР вынес на себе основную тяжесть войны с гитлеровской Германией! И если это в менталитете россиян не переломить срочно и самым решительным образом, то новейшее контрнаступление России вскоре захлебнётся и вернётся в Россию своими гибельными майданами. Только за Россию, в отличие от нынешней Украины, некому будет вступиться.

И в первую очередь надо определиться в исходном вопросе полярной противоположности режима Гитлера в Германии и режима Сталина в СССР. При поверхностном анализе — сплошные сходства: однопартийность, культ личности вождя, вопиющие нарушения цивилизованных правовых норм, безраздельное господство утопической государственной идеологии, тотальный государственный контроль над СМИ, форсированная милитаризация экономик. Но государственные идеологии в тоталитарных обществах — это самое глав-

ное, их «живые души», без которых всё остальное обречено на быстрый распад. А они, как подчёркивал в 1944 г. С.Н. Булгаков, были полярно противоположными. Воинственно-интернационалистическая идеология коммунизма была наивысшим развитием нерелигиозного гуманизма Нового времени. Зоологический расизм гитлеровского режима был пределом его вырождения. Это в наше время в России надо понять всем и как можно скорее.

Надо также чётко понимать, что идеологический враг у современной России не только внешний. Есть и внутренний, который, как всегда и везде, неизмеримо более опасен. В современной России имеет место беспрецедентно мощная пятая колонна её потенциальных разрушителей — злонамеренных и одураченных, вольных и используемых втёмную. И основную массу составляют потенциальные разрушители именно второго рода — одураченные и невольные. В «момент Х» их остаётся только активизировать политическим спектаклем по типу «Горбачёв-путча» в августе 1991 г. или самого новейшего киевского майдана.

Историческая фигура И.В. Сталина в таких условиях снова становится ключевой в идеологической борьбе за державное возрождение России и против него.

К сожалению, большинству тех, кто дерзает судить об этом Первом лице Советского государства, остро не хватает духовного подхода. А в его свете человеческое общество, по слову апостола Иоанна Богослова, всё во зле лежит. В XX в. это удостоверяется также научной глубинной психологией личности и общественной психологией. Классик русской религиозной философии С.Н. Булгаков подчёркивал, что большевики в основной своей массе пребывали в полном непонимании человеческой природы, в детском неведении метафизического зла в человеке и в обществе. Отсюда проистекала утопия безбожного и «совершенного коммунистического человечества». Но Сталин как человек с незаконченным духовным образованием прежде всего не питал иллюзий на этот счёт. Он всегда чётко понимал внешнюю и внутреннюю политику как искусство возможного, в котором выбирать приходится не между добром и злом, а только меньшее из зол.

Есть великая методологическая истина в пословице «большое видится на расстоянии». Люди последующих поколений в своих оценках истории обладают великим преимуществом. То, что их предки пытались предвосхитить, они могут констатировать и анализировать как свершившиеся исторические факты. И в нашу эпоху у нас несравненно больше

исторических резонов для адекватных оценок роли Сталина в истории Отечества, чем у большинства его современников.

Прежде всего теперь понятно, что либерализм по-русски — это для страны не просто великое общественное зло, а зло пагубное. Сопоставляя в конце XIX в. политические идеологии российских либералов и будущих российских коммунистов, К.Н. Леонтьев отмечал: «У последних всё просто, всё ясно, всё исполнено особого рода преступной логики и свирепой последовательности. У либералов всё смутно, всё спутано, всё бледно, всего понемногу. Система либерализма есть, в сущности, отсутствие всякой системы, она есть лишь отрицание всех крайностей, боязнь всего последовательного и всего выразительного. Эта-то неопределённость, эта растяжимость либеральных понятий и была главной причиной их успеха в нашем поверхностном и впечатлительном обществе».

Февральская революция 1917 г. была таким подлейшим ударом в спину Отечества в канун трудной победы России в Первой мировой войне, что о нём стыдливо помалкивали даже российские либералы ельцинского призыва после своего контрреволюционного реванша в 1991 г. Ничего более пагубного для страны и придумать невозможно, как учинить политическую революцию во время войны. А после своей «победы» — начать с Приказа №1 Временного правительства по воюющей армии об отмене принципа единоначалия! В катализирующих условиях военного времени дорвавшиеся до верховной государственной власти либералы к октябрю того года развалили в стране всё, что можно было развалить. В октябре 1917 г. на фоне почти того же, что сейчас на наших глазах происходит в Киеве, большевикам оставалось лишь подобрать власть, валявшуюся на земле.

В сборнике «Из глубины» (1918 г.) А.С. Изгоев даёт такую оценку «основательности» концепций либерализма по-русски у руля высшей государственной власти: «Основная причина нынешнего нашего беспримерного государственного разгрома в том, что интеллигенция совершенно не понимала ни природы человека и силы движущих им мотивов, ни природы общества и государства и условий, необходимых для их укрепления и развития. О человеке, об обществе и государстве наша интеллигенция составила себе фантастические, лживые и ложные представления. Она пользовалась ими как орудиями борьбы с самодержавием. Пока самодержавная власть была сильна, эта борьба происходила на поверхности, не проникая в толщу народа... Монархия рухнула с поразительной быстротой. Русская интеллигенция в лице её политических партий вынуждена была немедленно из оппози-

ции перестроиться в органы власти. Тут-то её и постигло банкротство, заставившее забыть даже провал монархии. Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа. В роли критиков выступили не те или иные литераторы, а сама жизнь. Нет высшего авторитета. На критику жизни нет апелляции. Большевики и их господство и воплотили в себе эту критику жизни».

Этот сугубо разрушительный и пагубный для страны «почерк» российского либерализма показал себя и в либеральной контрреволюции 1991 г. Саморазгром Советского Союза силами пятой колонны, грубое внешнее управление из США «реформами» 90-х гг., разгром через ту же купленную извне пятую колонну отечественной промышленности, сельского хозяйства, военно-промышленного комплекса, науки и образования. Всё это не изжито по сей день, но до начала президентства В.Путина всё это к концу 90-х гг. поставило на грань распада и Российскую Федерацию. Надо чётко понимать, что вторая чеченская война 1999—2003 гг. под его руководством была уже победоносной малой Отечественной войной за сохранение Единой России.

Февральская революция 1917 г. высвободила в стране адские деструктивные силы, которые дремлют в любом обществе и лучше или хуже, но сдерживаются государством и правом. (Достаточно упомянуть «птенцов Керенского» — амнистию уголовников с уничтожением соответствующих архивов криминальной полиции.) И революция большевиков была, в сущности, контрреволюцией по отношению к пагубной революции февралистов. У партии В.И. Ленина тогда не было чёткой конструктивной программы державного возрождения Российской Империи в форме Советского Союза. Для этого пришлось пройти через Гражданскую войну 1918—1921 гг. При этом действовать приходилось жесткими и бесчеловечными методами военного времени, но другого после февраля 1917 г. просто не было дано. На дальнейшее государственное, экономическое и культурное строительство Февральская революция оставила большевикам только выбирать между великим социальным злом и злом, пагубным для страны. С понимания этого должно начинаться сколь-нибудь объективное и по-научному беспристрастное исследование советской эпохи отечественной истории.

Да, Советский Союз сталинской модели был по-русски атеистической пародией на православную Российскую Империю. Она всесторонне исследована классиками русской

религиозной философии, которые после 1922 г. оказались в изгнании. Да, его век был недолгим. Но советский период отечественной истории, безо всяких сомнений, был меньшим злом по сравнению с реальной возможностью необратимой потери Единой России уже в 1917 г. И не будь советского периода отечественной истории, большинству современных искателей её Высшего смысла просто не суждено было бы на свет Божий родиться и, по слову Ф.И. Тютчева, посетить сей мир в его минуты роковые.

В гениальном исследовании «Истоки и смысл русского коммунизма» Н.А. Бердяев подчёркивал: «Весь стиль русского и мирового коммунизма вышел из войны... Именно война с её навыками и методами переродила тип русской интеллигенции. Методы войны перенесены были вовнутрь страны». Этот злой рок советского государственного, экономического и культурного строительства не был каким-то субъективистским злонамеренным произволом большевиков. Это была социальная объективная реальность. То есть нечто определявшее менталитет коммунистической партии и образ её действий. А в военных и военизированных условиях, как известно, моральные оценки человеческой деятельности зачастую неуместны «по определению». На государственных деятелях при этом не только грехи Отечества, но и большая кровь. Так, увы, в обществе заведено от века, и правившие большевики здесь не были исключением.

Ленинское возрождение Российской Империи в форме Советского Союза — это особая большая тема. Какое общество получили большевики в наследство от В.И. Ленина? Разорённое Гражданской войной. Разделённое на всех уровнях, начиная подчас с семейного. Озлобленное. Разочаровавшееся в большевистских лозунгах Октябрьской революции и Гражданской войны. В подавляющем большинстве своём малообразованное и бесконечно далёкое от марксистского обществоведения как основы новоявленной государственной идеологии. Оказавшееся в наспех сколоченном многонациональном Советском Союзе с федерализацией по национальному признаку, провоцирующей сепаратизмы, плюс с конституционным правом союзных республик на свободный выход из него. А в самой монополично правившей коммунистической партии — расколотое между былыми соратниками по принципиальным вопросам дальнейшего развития страны. И при этом неприемлемо конфликтовавшим фракциям подавай высшие государственные полномочия вершить судьбы страны!

Представляется, что отправным пунктом в адекватной картине советского периода истории Отечества должно служить

понимание того, что Февральская революция 1917 г. положила начало Гражданской войне в России, которая имела очень разные формы и которая в своеобразной холодной форме продолжается поныне. Но в таких условиях первые лица государства принимали на себя грехи Отечества в существенно иных формах, нежели в эпоху мифических «кошмаров царизма и крепостничества». И.В. Сталину выпало провести страну через горнило особо экстремальных испытаний 30—40-х гг. и вывести её в качестве недолговечной сверхдержавы. И всё это в условиях Гражданской войны, которая только в 1918—1921 гг. была классической горячей войной с «физическими» фронтами и полями сражений. Вновь особо подчеркну, что на первых лицах государства в военных и военноподобных условиях уже по определению этих условий не просто грехи Отечества, но и большая кровь.

Да что первые лица государства! В военных условиях уже лейтенант полномочен распоряжаться жизнью и смертью своих подчинённых, по которым есть кому лить материнские, вдовьи и сиротские слёзы. Жестоко, бесчеловечно — спора нет. Но такова извечная объективная реальность общественной жизни, с которой спорят разве что пацифисты и сентиментальные приверженцы толстовской концепции непротivления злу насилieм. И именно на этом сентиментальном интеллигентском морализаторстве, в сущности, замешан весь антисталинизм в качестве мощнейшего идеологического тарана против Единой России.

И.В. Сталин с 1929 г. стал входить во всю полноту верховной государственной власти. Он отчётливо понимал, что воссоздание Российской Империи в форме Советского Союза сорвало очередную попытку мировой закулисы (по выражению И.А. Ильина) сокрушения Российской Империи, её развала и колонизации её обломков. Он отчётливо понимал, что такое не прощается, и в близкой исторической перспективе будет предпринята новая очередная попытка даже ценой новой мировой войны. И сразу же с приходом к власти Гитлера в 1933 г. Сталину стало ясно, что в лице его режима начинается форсированная подготовка ударной военной силы Запада против Советского Союза.

С этого момента до предела обострился конфликт линии Сталина с линией основной массы членов партии и её высшего эшелона, которую именуют ленинской гвардией. Эти большевики были «заточены» на мировую революцию. Собственно, Октябрьская революция и самим В.И. Лениным понималась как «бикфордов шнур» цепной реакции пролетарских революций в экономически передовых странах За-

падной Европы в условиях всех измотавшей, обескровившей и деморализовавшей Первой мировой войны. На ленинском этапе советской эпохи строительство социализма только в Советской России не предусматривалось. Далее её социально-экономическое развитие, согласно этой концепции, должны были «взять на буксир» экономически передовые западноевропейские страны.

Вопреки советской идеологической мифологии чуть ли не прозорливого Ленина как основателя коммунистической партии и Советского государства «на незыблемых научных основах», вся внутренняя и внешняя политика большевиков на ленинском этапе была сплошными импровизациями по обстоятельствам разразившейся Гражданской войны и её ближайших последствий. Как известно, сам Ленин после Гражданской войны был вынужден признать, что теорию социализма надо разрабатывать заново во всех аспектах, начиная с экономического. Сам он в этом деле успел только ввести НЭП, который имел серьёзные исторические шансы увенчаться либеральным контрреволюционным реваншем. С 1922 г. началось обвальное разрушение здоровья В.И. Ленина с элементами умственного и психического вырождения.

Вновь подчеркну, что тема роли В.И. Ленина в советской эпохе истории Отечества является большой и особой темой. Если объективное православно-историософское осмысление феномена Сталина в истории Отечества только начинается (и то — с каким трудом!), то по адресу Ленина по сию пору — сплошные проклятья и анафематствования. И здесь представляется необходимым отметить, что подлинным «демоном революции» надо считать не его, а Л.Д. Троцкого. Последний, как известно, был прислан в Россию из США с их новообразованием ФРС и под личным контролем президента США. Со своей концепцией «перманентной мировой революции» он был не более чем ставленником Мирового финансового олигархата — одним из «идиотов-исполнителей», по терминологии притчевых «Протоколов сионских мудрецов». Это для Троцкого Россия была не более чем пресловутой охалкой хвороста в пожар мировой коммунистической революции. Ленин же был заслан из Германии, стравленной с Россией этим самым «закулисным» финансовым олигархатом к обоюдному разрушению двух европейских империй в Первой мировой войне. И в борьбе с троцкистской оппозицией Ленин по факту стал основателем Советского Союза, а не довершителем дела окаянной Февральской революции по окончательному и необратимому разрушению и расчленению Единой России. Это православным искателям высшего смысла

Советской эпохи истории Отечества надо понимать — чётко, исходно и систематически.

По мере отстранения угасавшего Ленина от власти наиболее последовательным адептом «мировой революции» и её воплощений в жизнь становился Л.Д. Троцкий — один из главных строителей Красной армии. В линии Троцкого наиболее ярко проявилось то, на что указывал Н.А. Бердяев: советский социализм — детище Первой мировой войны и Гражданской войны, которое по необходимости было до мозга костей пропитано военно-мобилизационным духом в делах внутренней и внешней политики. Троцкисты исходили из перспективы Мировой социалистической революции через новую мировую войну. Сталин же понял, что мировая социалистическая революция если и состоится, то неизвестно когда и как, а геополитические цели тех, кто реально начал подготовку новой мировой войны, не имеют ничего общего с целями мировой социалистической революции. И главной их целью по-прежнему является сокрушение Советского Союза и колонизация его обломков.

Отсюда и сталинская версия форсированной индустриализации страны вопреки всем законам экономики, ценой колоссальных издержек, прежде всего в развитии производства средств потребления и в решении крестьянского вопроса в стране. Это была индустриализация по внеэкономическим, военно-мобилизационным правилам, когда государство тотально и жёстко управляет экономикой, а колоссальные издержки и потери фатально неизбежны.

Этой линии сталинского экономического строительства противостояла линия экономического либерализма Н.И. Бухарина. Её сторонники исходили из долгосрочности процесса индустриализации, из приоритетности развития производства средств потребления, из принципа участия государства в развитии экономики, но наряду с частным предпринимательством, из возрождения столыпинских реформ сельского хозяйства на основе кооперации между фермерскими хозяйствами и их свободными объединениями. Сам П.А. Столыпин, начиная свои крестьянские реформы, рассчитывал на несколько десятилетий их развития. Но Первая мировая война не дала России Николая II этих десятилетий. Реализуя «добровольно-принудительную» колхозную коллективизацию сельского хозяйства, Сталин понимал, что и Советскому Союзу не дадут требуемых десятилетий на экономическое строительство по Бухарину.

Таким образом, в первой половине 30-х гг. в высшем партийном руководстве линия Сталина столкнулась с попыт-

ками троцкистской и бухаринской оппозиций получить высшую политическую власть в стране и направить её развитие по своим стратегическим сценариям. Столкнулась, что называется, насмерть — как обычно в вопросе о том, кто должен всевластно вершить судьбы страны. Из истории ВКП(б) известно, что троцкисты блокировались с бухаринцами против сталинской генеральной линии. Но это был временный союз по типу «дружбы против Сталина». Если бы им удалось свергнуть Сталина, то они немедленно сцепились бы насмерть между собой.

Записные «разоблачители сталинизма», особенно в эпоху «десталинизации по-горбачёвски», взхлёб живописали сталинскую «беспринципность»: мол, со всеми-то он поочередно блокировался на пути к своей безраздельной власти, а потом сталкивал соратников по партии между собой, подло предавал и ставил к стенке. Но такова была объективная жестокая логика внутренней политики в преддверии неизбежной новой мировой войны, нацеливаемой против Советского Союза. Сталину приходилось в ней выбирать меньшее из зол: либо продолжать свою мобилизационную социально-экономическую подготовку страны к близкой и неизбежной великой войне, либо быть свергнутым своими непримиримыми оппозиционерами, которые неизбежно погубят страну.

Свершившаяся история «не знает сослагательного наклонения» и «дана в единственном экземпляре». Это бесспорно: на машине времени туда не вернёшься и уже ничего там не переиграешь. Но бесспорно и другое: когда история вершится, от её критических развилок, которые теперь именуется бифуркациями, она может пойти по самым разным сценариям. В 30-х гг. роковое сворачивание истории СССР на троцкистский или бухаринский сценарий было более чем возможно.

В этом вопросе мы имеем великое преимущество перед нашими соотечественниками 30-х годов. То, чего не понимали непримиримые противники Сталина (но что хорошо понимал он сам!), мы теперь можем просто констатировать на историческом материале свершившейся истории СССР. В горбачёвской «перестройке» была принята к исполнению именно линия Н.И. Бухарина (хотя «прорабам перестройки» по уровню интеллекта и компетентности было далеко до Бухарина и, тем более, до Столыпина). И если бы линия Бухарина была принята к исполнению в 30-х гг., СССР по горячим следам Гражданской войны распался бы сам собой за год-два. Так что «закулисным» зачинщикам Второй мировой войны и режим Гитлера не надо было бы взращивать как ударную военную силу Запада против СССР. Имперское возрождение

Германии им было так же ненавистно, как и возрождение Российской Империи в форме Советского Союза.

Если бы взяла верх линия троцкистской оппозиции, то СССР стал бы зачинщиком Второй мировой войны как «самого эффективного средства» мифической мировой революции. Гитлеровский нацизм и японский милитаризм стали бы его главными союзниками. У СССР было более чем достаточно и природных, и интеллектуальных, и людских ресурсов для развития соответствующей научно-технической и промышленной кооперации, для военного союзничества с ними. А Вторая мировая война при этом уже на практике могла бы стать химической и бактериологической, каковой она и предвосхищалась военными теоретиками во всём мире. Германия и Россия в Первой мировой войне приобрели опыт использования химического оружия массового уничтожения, а Япония в войне с Китаем в 1940 г. приобрела опыт массового уничтожения искусственной чумой. Самого этого доядерного оружия массового уничтожения уже в 30-х гг. было накоплено достаточно для убийства сотен миллионов людей.

Так что не будем рядиться в тогу судей по поводу репрессивных действий И.В. Сталина по отношению к ленинской гвардии большевиков. В основной своей массе она была представлена людьми нетворческими, не способными изменить своей «заточенности» в ленинскую эпоху на мифическую мировую революцию. И эта ленинская гвардия даже после прихода Гитлера к власти в основной своей массе была убеждена в том, что «немецкие рабочие никогда не поднимут руку на советских братьев по классу». И она инкриминировала Сталину его мобилизационную индустриализацию и коллективизацию, его концепцию построения основ социализма в одном Советском Союзе, его возрождение традиционного русского патриотизма как предательство дела Ленина. Современное понимание пагубных для страны последствий в случае возвращения ленинской гвардии к верховной государственной власти позволяет с должным пониманием отнестись даже к сталинскому репрессивному дезавуированию результатов голосования на XVII съезде ВКП(б), на котором ленинская гвардия пыталась отстранить Сталина от власти демократическим путём. А уж тем более — после убийства С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. и после пресечения попытки военного государственного переворота в мае 1937 г. Это было в русле перманентной и многоликой Гражданской войны в стране, а на войне как на войне. Морализаторские оценки политически спасительных для страны действий Сталина в таких экстремальных условиях совершенно неуместны.

Выше подчёркивалось, что «разоблачители сталинизма», в сущности, руководствовались и руководствуются сентиментальной и антихристианской толстовской моралью непротивления злу насилием. Наряду с этим «разоблачения сталинизма» отечественными авторами, в сущности, остаются в концептуальном поле советских постсталинских идеологических мифов о социалистическом обществе, которое, якобы, является гармоничным и неантагонистическим, принципиально исключая острые социальные конфликты.

Мол, Гражданская война 1918—1921 гг. и её ближайшие последствия — это понятно. Но уж после 1936 г., к которому были созданы экономические основы социализма, никаких антагонистических классовых противоречий в нём, мол, в принципе не могло быть. Эта постсталинская советская идеологическая схоластика неявно довлела и довлеет даже над умами тех аналитиков, которые своим антисталинизмом пытались и пытаются стопроцентно очернить советский строй и советскую эпоху отечественной истории. Сталин же, как известно, настаивал на том, что по мере дальнейшего развития советского общества классовая борьба в нём будет обостряться, принимая всё более сложные и изощрённые формы. При этом он имел в виду также и особенно информационно-психологическую борьбу во всеоружии радиовещания и новоявленного телевидения. Развитие СССР в 1953—1991 гг. опытно показало, что он был стопроцентно прав.

Следует сказать также о полнейшей несостоятельности идеологического мифа о какой-то сталинской диктатуре, о его единоличной неограниченной власти, о его всевластном личном произволе чуть ли не с 1929 года. «Рулить» таким образом можно было только в какой-нибудь «банановой республике» размером в Рязанскую область. А великодержавной машиной Советского Союза можно было только управлять, хотя и авторитарно. Никакой абсолютной власти у Сталина не было даже в 1939 г., не говоря уже о послевоенном периоде, когда он с подорванным военными перегрузками здоровьем фактически отстранялся от власти им же взращённой кастой «номенклатурной» партократии.

Следует также сказать о массовых политических репрессиях 30-х гг. Их массовость определялась не столько горькой внутриполитической необходимостью сталинского насильственного отсечения от высшей государственной власти ленинской гвардии, сколько мощным народным обеспечением.

Но перманентная Гражданская война приняла свою новую форму. В молодости в русскоязычной передаче Би-би-си

на СССР я услышал чеканную формулировку этой формы Гражданской войны: массовые сведения советскими людьми всевозможных личных и групповых счётов методом политического доноса. Добавлю: и при круговой поруче повального малодушного попустительства творящимся беззакониям. Как можно возлагать вину за всё это лично на Сталина? В конце концов, советский народ той эпохи на всех уровнях социума, как всегда, представляли деятельные и сознательные человеческие личности, которым было вольно поступать или не поступать по чести-совести!

В СССР 20—30-х гг. разразилось стихийное народное продолжение Гражданской войны уже без «физических» фронтов и полей сражений. Да, Сталин умело управлял этим стихийным процессом, сталкивая своих противников и целые оппозиционные социальные группы друг с другом. Это можно вульгарно интерпретировать как его «лов рыбы в мутной воде» на пути к своей власти. Только власть Сталину была нужна не для упоения ею и не для властных привилегий, и не он в феврале 1917 г. свалил Россию в «мутную воду» многоликкой перманентной Гражданской войны.

И по мере возможного (а государственная политика в любой форме — это искусство возможного) Сталин сдерживал эту социально деструктивную народную стихию. И небезуспешно, а иначе в обществе воцарился бы кровавый хаос гоббсовской «войны всех против всех». Сталин остановил стихийное превращение коллективизации в новое массовое гражданское кровопролитие. Сталин поставил на место властного Хрущёва, который посетовал ему на отставание Украины по уничтоженным врагам народа: «Уймись, дурак!» Стихию массовых репрессий ежовского НКВД 1937—1938 гг. Сталин пресёк репрессированием их организаторов и главных исполнителей, а вновь назначенный им глава НКВД Л.П. Берия первым делом начал с пересмотра результатов ежовских репрессий и с реабилитации тысяч их действительно невиновных жертв.

Высочайшая компетентность И.В. Сталина как выдающегося военного стратега и Верховного Главнокомандующего в Великой Отечественной войне засвидетельствована в мемуарах высших советских военачальников, руководителей отраслей промышленности, главных конструкторов авиации и военной техники. Её констатировали также отнюдь не просоветски настроенные высшие военачальники стран-созниц СССР во Второй мировой войне — У.Черчилль, Д.Эйзенхауэр, Ш. де Голль и др. Наконец, высшее политическое и военное руководство гитлеровской Германии прекрасно понима-

ло, с кем им пришлось иметь дело в лице Сталина. И все признавали незаурядные дарования Сталина как военного стратега. При этом высшие военачальники Красной армии в своих мемуарах единодушно констатировали сталинский демократизм при обсуждении военных операций. Как Верховный Главнокомандующий, Сталин свою миссию воспринимал как сугубо координаторскую и не считал себя вправе давить своим авторитетом на военных специалистов высших рангов.

Но авторитетное сталинское руководство Великой Отечественной войной было существенно шире функций Верховного Главнокомандующего. Не имеющая аналогов эвакуация промышленности на восток и развёртывание там «с колёс» военно-промышленного потенциала страны, внешняя разведка, идеологическое обеспечение войны, принятие к производству новой военной техники и др. — всё это держалось под личным и в высшей степени компетентным контролем И.В. Сталина. А чего стоила сталинская дипломатия военного времени! Она предотвратила войну СССР на два фронта. Она предотвратила военный союз Англии и США с Германией против СССР и сделала эти страны союзниками. Она предотвратила сепаратный мир этих стран с Германией в конце войны, что обыграно в знаменитом советском телесериале «Семнадцать мгновений весны».

В качестве Первого лица Советского государства И.В. Сталин в конечном историческом итоге стратегически переиграл не то что руководителей гитлеровской Германии, но и подлинных закулисных, сатанински циничных и бесчеловечных стратегов и зачинщиков Второй мировой войны, которые ожидали от неё совсем другого исторического результата. Эта его роль ныне очевидна. Она просто не должна подлежать обсуждениям. Поистине победителей не судят.

Но эта великая историческая миссия И.В. Сталина не была бы выполнена, если бы он в 30-х гг. не провёл СССР через Гражданскую войну без «физических» фронтов и полей сражений. Надо чётко понимать, что в ней у него не было выбора между «добрыми» и «злыми» сценариями развития страны. Ввергнув страну в феврале 1917 г. в перманентную и многоликую Гражданскую войну, ниспровергатели традиционной Российской Империи оставили ему выбирать только между великим социальным злом и злом, пагубным для страны. Сталин и здесь оказался победителем.

Настоящий, идеологически не извращённый суд истории над деятельностью И.В. Сталина в период 1929—1939 гг., в сущности, только начинается. И для начала представляется необходимым изгнать из него слово «осуждение». Оно пред-

полагает, что есть уже всё необходимое для вынесения такого вердикта истории, но это далеко не так. Одно дело — тезис о недопущении сталинских методов управления Россией в настоящем и будущем. Но совсем другое дело — инкриминировать Сталину большую кровь государственного и экономического строительства в его эпоху. В сущности, это то же самое, что инкриминировать высшему генералитету Красной армии большую кровь соотечественников в Великой Отечественной войне.

Что же касается популярных ныне представлений типа «Гитлер и Сталин — близнецы-братья», то их пропаганду в любой форме пора объявить в России идеологическим преступлением — наряду с разжиганием межнациональной или межрелигиозной вражды. Хватит с нас двух «десталинизаций» — хрущёвской и «перестроечной»! Вторая была несравненно злее первой и увенчалась частичным распадом Единой России. Этот «лейтмотив» потенциальной «третьей десталинизации» откровенно кощунственный, ложный, поистине сатанинский. Вместо «третьей десталинизации» срочно необходимо очищать историческую память о И.В. Сталине от тех завалов злостной идеологической лжи, которые он предвидел.

Приступая к беспристрастному освоению темы сталинской эпохи, современный россиянин должен начинать с такого вопроса: а доволен ли я, что вообще родился на свет Божий? Логика ответа на этот вопрос проста: без подготовки по-сталински к неизбежной Великой Отечественной войне и без сталинского авторитетного руководства войной не было бы Победы в той войне, а без этой Победы не суждено было бы родиться на свет и большинству россиян моего, первого послевоенного поколения, не говоря о последующих поколениях.

ВСКОРМИВШИЕ НАЦИЗМ

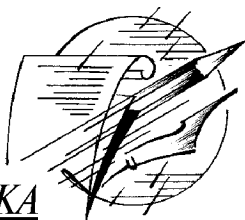
*(Гитлеризм как геополитический проект
англосаксонской элиты)*

В 1933 году к власти в Германии, как известно, пришёл Адольф Гитлер. Хотя «пришел» — это не совсем верно сказано. В действительности его на протяжении нескольких лет буквально за уши тянули и тащили на вершину политического Олимпа Веймарской республики.

Фактически, привод к власти Гитлера являлся своеобразным геополитическим проектом англосаксонских политических и экономических элит. Проектом и одним из эпизодов «Большой игры» — глобального противостояния англосаксонского и Русского мира, продолжающегося с переменным успехом, начиная с начала XIX века по наши дни.

«Большой игрой» представители англосаксонской политической и экономической элит называли политику сдерживания России во всех сферах её жизнедеятельности, стремясь на протяжении всего этого времени добиться расчленения и исчезновения нашего государства с политической карты мира.

Следует отметить, что сам термин «Большая игра» является крайне распространённым в англосаксонской историографии и публицистике и гораздо

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

менее употребляемым у нас в науке и публицистике. Впервые этот термин употребил офицер британской разведки Артур Конолли, но широкое распространение он получил благодаря известному британскому писателю и поэту, певцу британской колониальной системы Редьярду Кипплингу, популяризовавшему его в своем романе «Ким». «Большой игрой» стали именовать различные аспекты противостояния между Великобританией и Российской Империей на всём протяжении XIX века вплоть до 1907 года.

Почему именно до 1907 года? 1907 год — год подписания Англо-русского соглашения (от 18 (31) августа) о разграничении сфер влияния в Азии, а также оформления Блока Антанты. Однако, анализируя ход последующих событий, можно с уверенностью сказать, что «Большая игра» в 1907 году, естественно, не закончилась и продолжалась, как в последующие 10 лет существования Российской империи, так и в советский и постсоветский периоды российской истории. Только после 1945 года ведущей державой англосаксонского мира стала уже не Великобритания, а США.

«Большая игра» — это дипломатические, экономические, информационные войны и противоборства, вооруженные конфликты, операции спецслужб по противодействию и осуществлению государственных переворотов и различных «революционных» сценариев в различных государственных образованиях.

В основе «Большой игры», как справедливо отметил М.Левонтьев, первоначально лежал страх англичан потерять колониальные владения в Индии — «жемчужине британской короны»: «Британия была просто уверена — Россия обладает таким могуществом, что в принципе не может не претендовать на Индию. Собственно, это и было единственным основанием британских страхов, временами доходящих до паранойи».

Впоследствии, Россия и Германия, как ведущие континентальные государства Евразии, стали с легкой руки основоположника британской школы геополитики Дж.Х. Маккиндера, восприниматься как основные конкуренты Великобритании и англосаксонского мира в борьбе за геополитическую гегемонию. Поэтому в основе внешнеполитического курса Великобритании, взятого впоследствии на вооружение США и блоком НАТО, на взгляд Х. Маккиндера, должно лежать стремление всеми силами не допускать возникновения русско-германского союза, как и усиления позиций России в странах Азии и Европы. Как этого достигнуть? Ответ был достаточно прост: столкнуть в кровопролитной войне друг с другом двух своих опасных конкурентов: Россию и Германию. А затем, предельно ослабив их, добиться

осуществления своих стратегических целей и задач. Как показали события XX века, сделать это англосаксам удалось дважды: в 1914 и в 1941 годах.

Каким образом англосаксы способствовали приходу А. Гитлера к власти? Каковы глубинные причины и подоплёка развязывания II Мировой войны?

Многие ученые и публицисты увязывают события 1933 года в Германии с катастрофическими для неё и целого ряда стран последствиями Первой мировой войны.

В результате Первой мировой войны с политической карты мира исчез ряд могущественных держав: Российская империя, Германия, Австро-Венгрия, Турция. Возник новый расклад в системе международных отношений: США, наиболее выигравшие от участия в Первой мировой войне вкупе с Англией, а также их союзницей Францией стали ведущими державами мира, кроющими политическую карту Европы по своему усмотрению.

Одной из важных задач, стоящих перед державами-победительницами, являлась задача не дать воплотиться на практике угрозе-кошмару для англосаксонского мира — союзу двух континентальных держав: России и Германии. А значит, необходимо было не только поссорить их между собой, но и, для верности, взять под контроль политическую и экономическую системы и происходящие процессы в этих странах, ведь руководства Советской России и Германии постоянно предпринимали попытки по налаживанию взаимоотношений между собой.

Не допустить возрождения сильной российской государственности англосаксы попытались посредством организации гражданской войны в России (напомним, что активная её фаза началась с мятежа чехословацкого корпуса, подчиняющегося Антанте), а также интервенцией против Советской России. Англосаксонские политические и экономические элиты, реализуя в отношении России «стратегию Анаконды», стремились отторгнуть от России её береговые пространства и расчленив на ряд мелких, подконтрольных им государственных образований.

Как явствовало в 1919 году из программы американского президента Вудро Вильсона, «Россия слишком велика и однородна, её надо свести к Среднерусской возвышенности. Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертает судьбу русских народов».

Не добившись осуществления этой задачи по ходу Гражданской войны и интервенции, англосаксонские элиты сделали ставку на поддержку «внутрипартийной оппозиции» в

СССР, противодействуя попыткам И.В. Сталина построить социализм в отдельно взятой стране. Осуществление на практике концепции «экспорта революции» лидера «внутрипартийной» оппозиции Л.Д. Троцкого, ставленника англосаксонских элит и спецслужб, закономерно привело бы к использованию российских ресурсов как базы для осуществления «перманентной революции», что в послевоенных условиях и состоянии разрухи неминуемо привело бы «первое государство рабочих и крестьян» к краху.

Однако в ходе внутрипартийной борьбы победил И. Сталин, добившись в 1929 году высылки Л.Д. Троцкого из СССР. Именно с 1929 года начинается единоличное правление И.В. Сталина в СССР. Придя к власти, он тут же взял курс на индустриализацию страны, превращение СССР в промышленно развитую державу — конкурента ведущих индустриальных стран Запада. Так что здесь реализовать свои замыслы в полной мере англосаксам не удалось.

В Германии все обстояло иначе. По результатам Версальского мирного договора Германия лишилась всех своих колоний — около 13,5% стратегически важной и богатой ресурсами континентальной территории с проживающим на них немецким населением. Германия была практически полностью разоружена. Численность сухопутной армии с небольшим количеством вооружения была ограничена 100 тысячами человек, численность ВМФ — 15 тысячами человек. При этом численность надводного флота была ограничена до минимума. Германии запрещалось иметь Генеральный штаб, ВВС, танки, подводный флот. Армия (рейхсвер) становилась исключительно профессиональной, и была упразднена всеобщая воинская повинность. Все это было направлено на то, чтобы не дать Германии в случае чего осуществить мобилизацию и развернуть боеспособную армейскую группировку против войск Антанты.

При этом Германия оказалась в крайне неблагоприятном внешнеполитическом окружении: после перекройки англосаксами всей политической карты Европы, практически все её новые государства-соседи имели с ней определенные территориальные или иного рода споры и разногласия.

По условиям Версальского мира на Германию была наложена обязанность на протяжении нескольких десятилетий выплачивать державам-победительницам огромные репарации, которые, естественно, страна, разоренная войной, с гиперинфляцией, падением ВВП, ростом безработицы и максимальным повышением уровня бедности, выплатить была не в состоянии. Вынужденно приняв условия Версальского мирного договора, немцы оказались в состоянии жесточай-

шего национального унижения, и с подобного рода положением смириться, конечно же, не могли.

Французский маршал Ф.Фош, прочитав текст Версальского мирного договора, справедливо отметил: «Это не мир, а перемирие на двадцать лет». Схожую оценку условиям Версальского мира для Германии дал и У. Черчилль: «Экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными. Германия была принуждена к выплате баснословных репараций».

Будущая мировая война, таким образом, уже легко прогнозировалась, но державы англосаксонского мира приложили все усилия, чтобы Германия в будущем воевала во имя их интересов. Для этого они предприняли ряд шагов, в результате которых уже к началу 20-х годов XX века экономическая и политическая системы Веймарской республики оказались полностью подчинены англосаксонскому капиталу.

И в этом не было ничего удивительного. Тяжелая экономическая ситуация, необходимость выплачивать огромные репарации (а значит, и большие налоги) толкали немецких предпринимателей на смену юрисдикции своих предприятий. А это еще более усугубляло положение Германии: невыплата части репараций, например, привела в 1923 году к оккупации французами и бельгийцами на некоторое время Рурской области. К тому же, кредитуя Веймарскую республику в соответствии с навязанным ей Планом Дауэса (принятом на Лондонской конференции 16 августа 1924 года в целях оздоровления экономики Германии и выплаты ею репараций), англосаксонский капитал, пользуясь моментом, одновременно прибрал к рукам ключевые отрасли немецкой экономики.

План Дауэса предполагал предоставление Германии крупного займа в сумме 200 млн. долларов, в основном из частных англосаксонских банков. Платой за предоставление данного займа явилось установление контроля со стороны англосаксонских банкиров за немецким бюджетом, денежной и кредитной системами, а также выплатой репараций. Возник знаменитый «абсурдный веймарский круг», когда немцы золотом платили репарации США, получали взамен часть денежной «помощи» по плану Дауэса, тут же направляли её в качестве репараций Англии и Франции (которые возвращали её в США, в качестве выплаты своих долговых обязательств), а затем под большие проценты получали оставшуюся часть «помощи». Таким образом, Германия стала фактически жить в долг, став должником банкиров с Уолл-стрит, полностью завися от их воли, поскольку требование кредиторов выплатить долг закономерно привело бы к краху её экономики.

Как отмечает Ю.В. Рубцов: «Общая сумма иностранных вложений в германскую промышленность за 1924—1929 гг. составила почти 63 млрд. золотых марок (30 млрд. приходилось на займы), а выплата репараций — 10 млрд. марок. 70% финансовых поступлений в экономику Германии обеспечивали банкиры США, большей частью банки Дж.П. Моргана. В итоге уже в 1929 г. германская промышленность вышла на второе место в мире, но в значительной мере находилась в руках ведущих американских финансово-промышленных групп».

Большая часть немецких концернов и отраслей промышленности оказались под фактическим контролем англосаксонских концернов и компаний. «И.Г. Фарбениндустри», основной поставщик германской военной машины, на 45% финансировавший избирательную кампанию Гитлера в 1930 г., находился под контролем рокфеллеровской «Стандарт Ойл». Морганы через «Дженерал электрик» контролировали германскую радио- и электротехническую промышленность в лице АЭГ и «Сименс» (к 1933 г. 30% акций АЭГ принадлежали «Дженерал электрик»), через компанию связи ИТТ — 40% телефонной сети Германии, кроме этого им принадлежали 30% акций авиастроительной фирмы «Фокке-Вульф». Над «Опелем» был установлен контроль со стороны «Дженерал моторс», принадлежавшего семье Дюпона. Генри Форд контролировал 100% акций концерна «Фольксваген». В 1926 г. при участии рокфеллеровского банка «Диллон Рид и Ке» возникла вторая по величине после «И.Г. Фарбениндустри» промышленная монополия Германии — металлургический концерн «Ферейнигте штальверке» (Стальной трест) Тиссена, Флика, Вольфа, Феглера и др.». В скором времени под контролем англосаксов оказалась и банковская система, например, такие гиганты, как «Дойче Банк», «Дрезднер Банк» и «Донат Банк».

В политической же сфере жизнедеятельности Германии ментально устранялись политики, придерживавшиеся иной внешнеполитической ориентации. Так, 24 июня 1922 года группой заговорщиков-националистов убит министр иностранных дел Германии Вальтер Ратенау, подписавший Раппальский договор с СССР о восстановлении дипломатических отношений между странами и отказе сторон от выплат каких-либо контрибуций друг другу. Это был наглядный пример для всех политиков Веймарской республики: В. Ратенау был сторонником дальнейших шагов по сближению с СССР.

Таким образом, к 1929 году, англосаксонская элита уже полностью контролировала политическую и экономическую системы Веймарской республики. В 1929 году пораже-

ние «внутрипартийной» оппозиции в СССР и высылка Л. Троцкого на фоне разразившегося вслед за этим Всемирного экономического кризиса способствовали запуску в Германии нового геополитического проекта по приводу к власти А. Гитлера.

К власти буквально за уши тащили англофила и русофоба, который, оказавшись у руля, начнет войну с СССР, зримо превращавшимся в могучую индустриально развитую державу — конкурента англосаксонских государств. Именно благодаря поддержке англосаксонской элиты в Германии возник первый в мировой истории нацистский режим — правый вариант тоталитаризма.

Нацизм представляет собой абсолютную противоположность классическому консерватизму. Идеология нацизма носит ярко выраженный расистский характер, нетипичный для традиционных обществ, во многом противопоставляющий себя им. Культивируя и возводя в абсолют идеи расизма, нацизм стремится не к обновлению старого строя путём реформирования и приспособления его к новым политическим реалиям, чего, в частности, желают консерваторы, а к построению нового тоталитарного строя.

Нацизм не стоит путать с фашизмом. В любом государстве, обладающем государственным суверенитетом, нацистов никогда не допустят к власти. В государствах, где к власти приходили представители фашистских движений (Португалия, Испания и др.), нацистов к власти также, естественно, не допускали. Нацисты впервые в мировой истории смогли прийти к власти в Веймарской республике — государстве, явно не обладающем всей полнотой государственного суверенитета. Нацистские проекты могут быть реализованы только при активной поддержке извне (например, то, что мы сейчас наблюдаем на Украине).

В Веймарской республике всё это было возможно. Выходец из социальных низов, не гражданин Германии до 1932 года, фактически гастарбайтер-мигрант, «приходит» к власти в стране, где среди его конкурентов были весьма видные государственные и политические деятели, превосходящие его на голову. «Приходит» для того, чтобы развязать войну, одержать окончательную победу в которой он будет не в состоянии, а уже потом от него можно легко избавиться. Например, посредством организации военного заговора и последующего устранения «мавра», сделавшего своё дело. В этом контексте становится понятным высказывание другого ставленника англосаксонского капитала — Л. Троцкого: «Без Сталина не было бы Гитлера!».

Англофильскую и русофобскую ориентацию Гитлера наглядно иллюстрируют следующие его цитаты из «Майн Камф», в которых он анализирует особенности осуществления внешней политики кайзеровской Германией, причины поражения Германии в Первой мировой войне, а также внешнеполитические ориентации будущего третьего рейха:

«Политику завоевания новых земель в Европе Германия могла вести только в союзе с Англией против России, но и наоборот: политику завоевания колоний и усиления своей мировой торговли Германия могла вести только с Россией против Англии... Однако наша дипломатия не подумала ни о союзе с Россией против Англии, ни о союзе с Англией против России; как же, ведь в обоих этих случаях война становилась неизбежной».

«Но так как у нас и слышать не хотели о планомерной подготовке к войне, то предпочли вовсе отказаться от завоевания земель в Европе и, избрав путь колониальной и торговой политики, отказались от единственно целесообразного союза с Англией. При этом ухитрились еще сделать так, чтобы одновременно порвать и с Россией, несмотря на то, что политика борьбы с Англией логически должна была бы привести к союзу с Россией. В конце концов, мы влезли в войну, оставленные всеми...».

«Кто под этим углом зрения взвесит возможности, остающиеся для Германии, тот неизбежно должен будет прийти вместе с нами к выводу, что нам приходится искать сближения только с Англией».

«Рассуждая совершенно хладнокровно и трезво, мы приходим к выводу, что при нынешней обстановке лишь два государства в первую очередь сами заинтересованы, по крайней мере до известной степени, в том, чтобы не подрывать условий существования немецкой нации. Эти два государства — Англия и Италия».

«Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

«Нам достаточно того факта, что Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе. С чисто военной точки зрения война Германии — России против Западной Европы (а вернее сказать, в этом случае — против всего остального мира) была бы настоящей катастрофой для нас. Ведь вся борьба разыгралась бы не на русской, а на германской территории, причем Германия не могла бы даже рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны России».

«Англия представляет собою величайшую мировую державу», «союз с такими государствами создал бы совсем другие предпосылки для борьбы в Европе».

Еще одно высказывание А. Гитлера: «Посмотрите на англичан, которые при помощи 250 тысяч человек, из которых вооружённые силы составляют около 50 тысяч, управляют 400 миллионами индийцев...»

После этих цитат становится понятно, почему Гитлер устранивал представителей англосаксонской элиты и почему именно на него была сделана ставка на этом очередном этапе «Большой игры».

К сожалению, в отечественной публицистике и науке до сих пор тиражируется миф о приходе к власти нацистов посредством демократических выборных процедур. На самом деле это не совсем так. Начиная с 1929 года, нацистам действительно были созданы все условия для победы на выборах. Для прихода к власти посредством участия в выборах любой партии, в том числе и НСДАП, нужны были большие денежные вливания и, соответственно, спонсоры. Это аксиома существования той политической системы, которую англосаксы навязали Веймарской республике. И деньги эти нашлись, но, фактически, основным спонсором НСДАП стал англосаксонский капитал. Денежные средства на осуществление своих избирательных кампаний НСДАП активно брало за границей.

Политическая нестабильность в Веймарской республике также, казалось, облегчала нацистам дело: за 14 лет существования Веймарской республики с 1919 по 1933 год состоялось 10 выборных кампаний в рейхстаг, выборы президентов, выборы в земельные парламенты и муниципальные структуры, сменилось 14 глав правительств. Но, несмотря на это, прийти к власти в Германии посредством выборных процедур нацисты не смогли, хотя и достигали определенных успехов.

Если в 1928 году у НСДАП было всего 12 депутатов в рейхстаге, то уже к 1930 году, после получения большой финансовой подпитки, их количество достигло 107 депутатов, а в 1932 году — 230 депутатов. В ноябре 1932 года нацисты фактически достигли своего «потолка», исчерпав свой электоральный потенциал: если на выборах в рейхстаг 31 июля 1932 года они набрали 37,4% голосов избирателей, то уже через несколько месяцев 6 ноября 1932 года нацисты потеряли 4,3% голосов, набрав только 33,1% голосов. По результатам выборов в рейхстаг 6 ноября 1932 года Гитлер, естественно, не стал канцлером Германии. Но даже если бы набрал 50,1% голосов, тоже не стал бы, поскольку рейхсканцлера Веймарской республики с 1930 года мог назначить лишь президент республики П. Гинденбург. И начиная с ноября 1932 года до 30 января 1933 года на престарелого Гинденбурга было оказано беспрецедентное давление, и его буквально заставили назначить Гитлера канцлером Германии.

К слову сказать, на выборах в рейхстаг 1 марта 1933 года, уже после прихода А. Гитлера к власти и активного становления тоталитарного режима, нацисты смогли набрать только 43,9% голосов избирателей. Так что привод Гитлера к власти в Германии был осуществлен не посредством выборных процедур, а посредством закулисных переговоров и махинаций, прежде всего со стороны господ англосаксов.

Как справедливо отмечает Ю. Рубцов, «4 января 1932 г. состоялась встреча крупнейшего английского финансиста М. Нормана с А. Гитлером и фон Папенем, на которой было заключено тайное соглашение о финансировании НСДАП. На этой встрече присутствовали также и американские политики братья Даллесы, о чём не любят упоминать их биографы. А 14 января 1933 г. состоялась встреча Гитлера со Шрёдером, Папенем и Кеплером, где программа Гитлера была полностью одобрена. Именно здесь был окончательно решён вопрос о передаче власти нацистам, и 30 января Гитлер становится рейхсканцлером».

По поводу подконтрольности политической системы Веймарской республики англосаксонской элите, не лишним будет вспомнить описание того, как Гитлер смог выйти сухим из воды в ноябре 1931 года, когда разразился так называемый «боксгеймский скандал». Из-за разногласий внутри НСДАП в руки властей и в прессу попали документы НСДАП, в которых содержалась информация, что НСДАП готовит государственный переворот с последующими репрессиями против своих политических противников и инакомыслящих. Данная информация произвела эффект, подоб-

ный взрыву бомбы. Вот как описывает эту ситуацию Э. Ханфштангль, политтехнолог, приведший к власти Гитлера, друг детства президента США Ф. Д. Рузвельта, куратор Гитлера от англосаксонской политической элиты и спецслужб:

«Партийная пресса все ещё имела небольшое влияние, а все остальные газеты требовали крови нацистов. Мы были в Берлине в то время, и я собрал на пресс-конференцию иностранных журналистов в отеле «Кайзерхоф», который Гитлер стал использовать в качестве своей штаб-квартиры. Он пришел и говорил блестяще, ясно, аргументированно и с абсолютной убежденностью. Репортажи зарубежных корреспондентов произвели такой эффект, что немецкие оппозиционные газеты были вынуждены сами перепечатать их под огромными заголовками. Это был настоящий прорыв: раньше они либо изрыгали потоки клеветы, либо хранили гробовое молчание во всем, что касалось Гитлера...»

Проанализируем ситуацию. К властям и в прессу попали документы, свидетельствующие о подготовке одной из политических партий, возглавляемой мигрантом-гастарбайтером, государственного переворота. Мигрант-гастарбайтер на созванной им пресс-конференции утверждает, что это клевета. Затем вся зарубежная пресса, пресса Англии, США, Франции и их союзников встают на его сторону и воспроизводят его точку зрения, фактически занимаясь его раскруткой и реализуя операцию прикрытия. Правоохранительные органы моментально закрывают возбужденное уголовное дело, власти не приостанавливают деятельность НСДАП, никого не привлекают к ответственности. Разве так бы вели себя государственные органы и структуры, если бы Веймарская республика обладала всей полнотой государственного суверенитета? Конечно же, нет. Но не лучше себя ведут и иные партии — конкуренты НСДАП. Вместо того, чтобы добивать своего политического противника, требовать от властей полномасштабного расследования по данным обстоятельствам, они, себе во вред, не используют данную ситуацию, показывают свою полную подконтрольность зарубежным структурам и, фактически, также способствуют дальнейшей раскрутке Гитлера.

Кстати, именно Э. Ханфштангль дает А. Гитлеру деньги на издание нацистской газеты «Фолькишер беобахтер». Он же помогает издать «Майн кампф», пишет музыку для нацистских маршей, подсказывая Гитлеру идею факельных шествий штурмовиков, по аналогии с шествиями футбольных болельщиков в Гарварде. И он же вводит его в высший свет немецкого общества, обеспечивает налаживание взаимоотноше-

ний с Б. Муссолини и пытается свести его с У.Черчиллем. И именно Э.Ханфштангль стремится донести до Гитлера одну «простую» мысль:

«Если случится еще одна война, ее неизбежно выиграет тот, на чьей стороне будет Америка. У нее есть деньги, у нее есть огромный промышленный потенциал, игнорируя её, вы становитесь на гибельный путь. Единственной правильной политикой для вас является поиск дружбы с США». «Если Америка окажется в стане врагов, то вы проиграете любую будущую войну, еще до ее начала».

Теперь же рассмотрим хронологию становления III рейха.

1933 год — привод А.Гитлера к власти. Организованный нацистами поджог рейхстага (как повод) и наделение А.Гитлера диктаторскими полномочиями. Создание первого тоталитарного нацистского режима. Автоматическое перерождение диктатуры в тиранию. Отсутствие плюрализма, террор в отношении инакомыслящих. Появление концлагерей.

Гитлер, оказавшись у власти в 1933 году, полностью прекратил выплаты репараций. Однако никакой реакции со стороны Англии, США, Франции, Лиги Наций на это не последовало. С режимом Гитлера с их стороны шла явная игра «в поддавки». Отказавшись выплачивать репарации, Гитлер получил необходимые денежные средства для совершения своих «экономических чудес», на милитаризацию экономики и строительство автобанов. Хотя денежные средства на милитаризацию экономики Гитлеру активно поступали и извне. В мае 1933 года, например, США выделили III рейху новые кредиты на общую сумму в 1 млрд. долларов. В июне 1933 года уже Англией Германии был дополнительно предоставлен кредит в 2 млрд. долларов. Как видим, англосаксонский капитал активизировал осуществление своих программ по милитаризации подконтрольной им экономики Германии.

1934 год — попытка нацистского государственного переворота в Австрии и убийство канцлера Э. Дольфуса, собиравшего на Гитлера компромат о его этническом происхождении. Б.Муссолини, верный союзническим обязательствам перед Австрийской Республикой и канцлером Э.Дольфусом, выдвигает войска к австрийской границе, чтобы предотвратить попытку нацистского переворота и аншлюса Австрии. А.Гитлер, напуганный перспективой войны с Италией, сдает назад. Нацистский путч провален, аншлюс Австрии в 1934 году не состоялся. Э.Ханфштангль стремится сгладить напряженные отношения между нацистской Германией и фашистской Италией.

В июле 1934 г. III рейх и Великобритания заключили между собой крупнейшее трансфертное соглашение о сотрудничестве. В августе 1934 г. американская «Стандарт Ойл» приобрела в Германии 730 тыс. акров земли и построила крупные нефтеперерабатывающие заводы, которые снабжали нацистов нефтью. Тогда же в Германию из США было тайно доставлено самое современное оборудование для авиационных заводов, на котором начнётся производство немецких самолетов. От американских фирм «Пратт и Уитни», «Дуглас», «Бендикс Авмэйшн» Германия получила большое количество военных патентов, по американским технологиям строился «Юнкерс-87». К 1941 г., когда повсюду бушевала Вторая мировая война, американские инвестиции в экономику Германии составили 475 млн. долл. «Стандарт Ойл» вложила в неё 120 млн., «Дженерал моторс» — 35 млн., ИТТ — 30 млн., а «Форд» — 17,5 млн.».

1935 год — передача 1 марта, благодаря позиции Англии и Италии, III рейху Саарской области, выведя ее из-под управления Лиги Наций, после проведения там 13 января 1935 г. организованного нацистами плебисцита о дальнейшей судьбе этих территорий. 11 марта — односторонний отказ А. Гитлера от исполнения статей Версальского мирного договора по ограничению численности и вооружению армии Германии. Осуществление им действий по восстановлению обязательной воинской службы, существенному увеличению численности вооруженных сил, перевооружению армии, воссозданию ВВС и ВМФ. В июне 1935 года было также заключено англо-германское морское соглашение, позволившее А. Гитлеру пока еще в определенной пропорции воссоздавать ВМФ на легальных основаниях.

1936 год — проведение в гитлеровской Германии сразу в один год летних и зимних Олимпийских игр. В Олимпийских играх, высоко поднявших международный престиж А. Гитлера и III рейха, принимали участие спортсмены США, Англии, Франции и других европейских стран, за исключением Советского Союза.

7 марта 1936 года, еще раз нарушив условия Версальского мирного договора, 30-тысячный контингент немецкой армии вошел в Рейнскую зону. Как описывал эту операцию генерал-полковник А. Иодль, «мы находились в положении игрока, который поставил на карту все. Германская армия в тот момент достигла своей максимальной слабости, ибо 100 тыс. человек рейхсвера были рассыпаны в качестве инструкторов по множеству мелких подразделений и больше не представляли собой организованной силы». Столкновение на тот момент с французской армией закономерно бы привело к по-

ражению III рейха. Однако игра «в поддавки» с III рейхом продолжилась: никакой реакции со стороны Англии, США, Лиги Наций не последовало. Франция также не предприняла никаких решительных шагов для того, чтобы остановить А. Гитлера.

В этом же году А. Гитлер стал оказывать активную помощь националистам в начавшейся гражданской войне в Испании, рассматривая этот театр военных действий как полигон для обкатки своих армейских частей (прежде всего ВВС — знаменитый легион «Кондор») и испытания новых вооружений.

1938 год — Аншлюс в марте 1938 года Австрии, от защиты которой последовательно отказываются, а затем и признают свершившимся фактом аншлюс, англосаксы, Франция и Б. Муссолини. Ультиматум А. Гитлера Чехословакии по поводу Судет, последовавший за тем «Мюнхенский сговор» и, как результат политики «умиротворения агрессора», передача Судетов III рейху, раздел Чехословакии.

Как свидетельствует известный отечественный дипломат и историк В.М. Фалин, *«Формальным инициатором сходки четырех держав — Англии, Франции, Германии, Италии — выступал Рим. Официально в повестке дня значилась сдача Прагой немцам Судетской области с преимущественно немецкоговорящим населением. Польше перепадал Тишинский анклав. Как справедливо отмечали наблюдатели, высокомернее всех в шантаже Чехословакии вели себя польские представители. До расчехления оружия дело не дошло, хотя на случай односторонних советских акций в поддержку ЧСР Берлин и Варшава обговаривали возможность синхронных военных действий — рейхсвер оккупировал бы Чехию, а польские войска вторгались бы в Словакию, образовав общий фронт с Венгрией.*

Позже сам Чемберлен назовет мюнхенский диктат «косвенной агрессией», не раскрывая, правда, того, что, овладев Чехословакией, третий рейх заполучил оружия и других военных трофеев в количестве, достаточном для вооружения свыше 40 дивизий полного состава. Потенциал военно-промышленного комплекса рейха увеличился примерно на треть за счет высокоразвитой оборонной промышленности ЧСР. Не забудем, в то время Чехословакия занимала первое место в мире по экспорту новейших вооружений.

Послы США, да и госдеп в целом изрядно поусердствовали в изничтожении Чехословакии. За неимением объективных аргументов они не меньше англичан стращали Прагу советской угрозой. Президент Фр. Рузвельт маневрировал, скорее вилял, и своих подчиненных не одергивал, если даже у него возникали озабоченности».

Фактически страны англосаксонского мира и их союзники отдавали А. Гитлеру страну за страной, укрепляя мощь III рейха, максимально способствуя милитаризации экономики Германии (а значит, получению от этого существенных прибылей), а также продвижению границ III рейха к границам Советского Союза.

Сложно не согласиться с выводом Н.В. Старикова о том, что «невероятные успехи Гитлера на мировой арене определялись не его выдающимися талантами как дипломата или государственного деятеля, а заранее согласованной с ним сдачей своих позиций Англией, США и Францией».

В этом же году журнал «Тайм» назвал Адольфа Гитлера «Человеком года», хотя его фотография и не была размещена на обложке журнала. То есть Гитлер на протяжении всех этих лет, несмотря на преследования инакомыслящих, нарушения условия Версальского мирного договора, агрессивную внешнюю политику, преступления и свои нацистские убеждения, оставался вполне «рукопожатным» политиком для государственных и политических деятелей англосаксонского мира и их союзников. «Плохим парнем» он стал в 1939 году, когда был заключен Советско-германский договор о ненападении, который подчиненные англосаксам СМИ окрестили «пактом Молотова—Риббентропа».

Но к 1939 году уже многое, что произошло. Например, численность вермахта выросла в 42 раза: со 100 тысяч человек в 1933 году до 4 млн. 233 тысяч в 1939 году. Была сильно милитаризована германская экономика. Как отмечает Н.В. Стариков: «Бюджетные расходы на вооружение с 1933 по 1939 год выросли почти в 10 раз (с 1,9 млрд. марок до 18, 41 млрд.). В процентах бюджета рост не менее впечатляющий: с 24 до 58%. Для сравнения: главная мировая «опасность», готовившаяся якобы захватить весь мир, — коммунистический СССР — тратил в 1934 году на военные нужды 9% своего бюджета, Франция — 8,1%, Япония — 8%, Англия (собиравшаяся, как всегда, воевать чужими руками) — 3%».

Тем не менее к 1939 году А. Гитлер осознал, что, толкая его на войну с СССР, англосаксонские кураторы отводят ему роль мавра, который должен *сделать дело*, а уж потом... Поэтому он решил сыграть свою игру: не поглощать предложенную ему англосаксами в виде наживки всю территорию Чехословакии (ограничившись Судетами, Богемией и Моравией). Он не стал включать в состав III рейха Словакию, а также не реализовал активно муссировавшийся в подконтрольной англосаксам прессе и предлагаемый ему к реализации проект создания «Закарпатской Украины», что автома-

тически приводило Гитлера к конфронтации с СССР, чего и добивались англосаксы. Гитлер поступил хитрее, отдав эти территории Словакии и Венгрии, тем самым сделав их своеобразными буферами между Германией и СССР.

Англосаксонские «кураторы» Гитлера, естественно, оказались недовольны его «своевольным» решением. Им не нужна была «великая Германия»; им была нужная война Германии с СССР для реализации своих планов и продвижения своих интересов. Поэтому, с целью давления на Гитлера, чтобы показать ему его место, англосаксы принудили полностью подконтрольное им польское правительство сделать ряд недружественных, агрессивных шагов в сторону Германии в нарушение действовавшего германо-польского договора. Вследствие этого буквально одномоментно Польша из союзной III рейху державы превращалась в его агрессивного и бескомпромиссного противника.

Фактически спровоцировав германо-польский конфликт, англосаксонские элиты стремились либо заставить Гитлера, осознав «свои ошибки и заблуждения», продолжить выполнение предписанной ему роли и начать войну с СССР в соответствии с известным ему сценарием, либо ожидали перерастания германо-польского конфликта в советско-германское противостояние, так как СССР вряд ли бы стал ждать выхода нацистов к своим границам и, по мнению англосаксов, закономерно перенес бы боевые действия на польскую территорию.

Первый вариант англосаксонского разрешения германо-польского конфликта Гитлера явно не устраивал. Как он мог начать войну с СССР, не решив вопроса с таким потенциально неудобным «союзником», как Польша, имеющая территориальные претензии к Германии? Это была бы очевидная и скоротечная авантюра. Второй вариант он попытался отложить на нужное для себя время и поэтому пошел на заключение 23 августа 1939 года советско-германского договора о ненападении.

Этот договор, более известный как пакт Молотова—Риббентропа, был выгоден как Советскому Союзу, так и III рейху. Он не был выгоден только англосаксам, поскольку путал им карты, затягивая начало войны СССР и Германии и заставлял их нести гораздо большие расходы на поддержку военной мощи III рейха, чем было запланировано.

Тем не менее по поводу самого Гитлера англосаксы особенно не беспокоились, поскольку ситуация с Германией была, по их мнению, у них «на контроле». Стремясь снова сделать его управляемым, чтобы «успокоить» А.Гитлера, они

сдали ему Польшу, не оказав ей обещанной поддержки. И хотя формально, через два дня после начала II Мировой войны, 3 сентября 1939 года Англия, Франция и ряд их союзников объявили Германии войну, боевых действий против гитлеровской Германии их войска вести не стали. Чтобы сохранить лицо перед поляками, началась всем известная так называемая «Странная война» или «Сидячая война», когда, имея на момент начала этого «противостояния» трехкратное преимущество в живой силе над сухопутными войсками противника, в два раза большее количество самолетов и в 1,6 раза больше танков, Англия и Франция ничего не сделали для нанесения поражения гитлеровской Германии. Расчет был, видимо, на то, что, вплотную приблизившись к границам СССР, Гитлер всё же начнет войну с Советским Союзом, а англосаксы и их союзники в будущем получают от этого все дивиденды.

Однако здесь англосаксонские элиты слегка, что называется, заигрались. А Гитлер начал военную кампанию не против СССР, а против Англии и Франции, а также ряда других держав. 9 апреля 1940 года Германия осуществила вторжение в Данию и Норвегию, а 10 мая 1940 года — в Бельгию и Голландию, оккупировав данные страны. Выйдя к Ла-Маншу, гитлеровские войска отрезали от основных в районе Дюнкерка часть французско-бельгийских войск и английский экспедиционный корпус. Однако Гитлер не стал уничтожать войска англичан и дал им возможность эвакуироваться, надеясь на восстановление дружеских отношений с ними. Затем вермахт нанес военное поражение брошенным англосаксами на произвол судьбы французским войскам. И 22 июня 1940 года после подписания французами акта о капитуляции в Компьенском лесу перестает существовать Третья Французская республика. Значимая часть Франции оказалась оккупирована гитлеровской армией. Остальная часть Франции под руководством маршала Петена и правительства Виши вышла из состояния войны с Германией. Англия, опасаясь, что военный флот Франции попадет к немцам и итальянцам, 3 июля 1940 года осуществляет операцию «Катапульта» и практически полностью уничтожает весь французский флот.

Гитлер сразу же попытался заключить мир с Англией, но получил отказ. После чего пытается давить на Англию, вынужденно планируя нереалистичную операцию вторжения в Англию (операция «Морской лев»). Для начала её реализации необходимо было сперва взять под контроль воздушное пространство: началась знаменитая воздушная «Битва за Англию», которую III рейх с треском проиграл.

Несмотря на последующие успехи немцев в Греции и Югославии, достигнуть победы над англосаксами Гитлер был не в состоянии. А они не шли ни на какие переговоры, словно намекая ему на выполнение сперва определенного условия, при котором это станет возможным. По-видимому, Р. Гессу, когда он прилетел в Англию в мае 1941 года, а через него и А. Гитлеру, так и было обещано, в силу чего Р. Гесс впоследствии так и не вышел из тюрьмы на свободу. Одновременно разведка англосаксов пугала Гитлера якобы имевшими место агрессивными планами И.В. Сталина в отношении III рейха.

Англофил А. Гитлер с его нацистскими убеждениями и русофобией слишком желал во все это поверить. Поэтому все-таки пошел на поводу у англосаксов и развязал 22 июня 1941 войну с Советским Союзом.

Интересно, как прокомментировали это событие некоторые видные представители англосаксонской элиты. Например, сенатор США, будущий президент США Гарри Трумен (в интервью газете «Нью-Йорк таймс» от 24 июня 1941 года): «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях». Рандольф Черчилль, сын Уинстона Черчилля: «Идеальным исходом войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мёртвым рядом».

И такое отношение к нам не изменилось даже тогда, когда мы уже официально стали союзниками. Как свидетельствует В.М. Фалин: «В 1942 году комиссия Хэлла, разрабатывавшая американскую послевоенную политику, заключает следующее: «После войны мы должны привести в движение небо и землю, мы должны встать перед немцами на колени, чтобы они стали нашими союзниками в борьбе против Советского Союза». То, как долго союзники тянули с открытием Второго фронта и открыли его из опасения, что Красная Армия без них освободит всю Европу, является еще одним свидетельством негативного отношения к России англосаксонской элиты, а также того, что Гитлер по факту играл на их стороне как орудие для ослабления/уничтожения России.

Тем не менее 22 июня 1941 года стало отправной точкой завершения геополитического проекта англосаксонской элиты под наименованием «Адольф Гитлер». Именно ради событий этого дня его буквально за уши привели к власти, укрепили новую немецкую государственность, играли с ним «в поддавки» и толкали к осуществлению прописанной для него

в сценарии Второй мировой войны роли «мавра» — агрессора. Не допустить к власти, остановить реализацию его агрессивных замыслов они могли на протяжении многих лет, на любой из стадий. Но этого сделано не было. Когда же у него появилась боеспособная армия, сделать это стало сложнее, хотя свою роль в этом эпизоде «Большой игры» он все же отыграл. Тем не менее мужество и героизм русского народа и других народов СССР не позволили ни ему, ни англосаксонской элите оставить этот раунд «Большой игры» за собой. После уничтожения гитлеризма стартовал следующий раунд «Большой игры» в виде всем известной «холодной войны», которую многие ученые и публицисты называют третьей мировой, или информационной войной.

ПАСЕКА

РАССКАЗ

После деда осталась пасека. Семь ульев с пчелами. А улья мне ни к чему: к меду я равнодушен. Когда его много — не хочется. Мёд — это же не суп, его же не будешь хлебать ложкой... Ну, к чаю, конечно, да, можно поставить. Но сколько его можно съесть с чаем? Да несколько, ежели на столе сахар стоит. С молоком тоже годится — но только с деревенским, а не с городским, которое только по цвету похоже. С молоком да со свежим хлебом, который еще не засох, — это да, можно и стакан мёду съесть... Ну, хороший квас можно сделать, ежели вместе с клюквой, чтобы не так сладко: намять клюквы стакан, да стакан мёду — такой квас очень хорош, например, к бане, это так. Ну, конечно, с кофе очень неплохо — тоже понятно. Ложку мёда на чашку кофе — это мне нравится. Тем более, что кофе я пью чашек по десять в день — так хоть какой-то прок от этого кофе.

А дедовы улья стоят под хорошими яблонями, и по осени непросто там яблок нарвать. Хотя яблоки на тех яблонях — самые, пожалуй, вкусные со всего сада. И не нарвать. Обидно! И по саду летом не

ПРОЗА

погулять — того и гляди, какая-нибудь пчела ужалит. А жалят они так, что ходишь потом с фингалом под глазом — и на люди не выйти. Пчела-то, когда кусает, — сразу волдырь!

Ну что делать с этой пасекой, если она мне не нужна? И бабке не нужна, она мед пользует редко, только когда простынет. А за пчелами ведь нужно ухаживать! По весне рои снимать, летом рамки менять-подставлять, чтобы им там места было достаточно... Вроде бы и дел-то немного, но... В общем, думал-думал я, что с ульями делать — и ничего придумать не мог: их же не разоришь, пчел не выгонишь, пчелы-то живые! К тому же, трудяги. Разве рука у кого поднимется пчел уничтожать?.. А сами они никуда не улетают. Если даже за ними никак не ухаживать, ничего там не делать, как делал дед, — все равно пчелы будут нектар с цветов в улья таскать, в мёд перерабатывать и сторожить его от незваных гостей. А незваные у них все — никого близко не подпускают, даже дед накомарник на себя надевал, чтобы к ним подойти, «поухаживать».

Но это ж не так просто — ухаживать за пчелами. Они же, бывает, и кусают! Особенно, если в одежде прорехи. А прореху — хотя бы маленькую дырку! — они быстро находят! Или когда без одежды — просто так смотришь, наблюдаешь, не началось ли роение... Ведь приходится не просто смотреть — а вкалывать, когда надо! Наденешь поплотнее штаны и что-нибудь сверху, чтоб не прокусили, — и весь в поту. Кругом жара — а ты весь мокрый, да еще и суетишься, чтобы не успел прогореть дымарь. А какая-нибудь пчела прореху в одежде нашла — за ней все остальные. Подруги. Тогда беги куда-нибудь под баню — и дай бог тебе ноги. Бежишь, как лошадь. Топот стоит такой, будто стадо бежит. А всего-то пять-шесть пчел, увязавшихся следом. Пять-шесть — а после них фингалы на лице, будто тебя отдубасили жердью.

В общем, первые два года, когда я приехал на лето к бабке, к ульям я особо не подходил, пчел не трогал, не ухаживал за ними, как полагается, — но мед по осени всё же понемногу откачивал: дед в свое время учил меня помогать ему, и я мало-мало знал, как к ульям с дымарем подходить, рамки внутри раздвигать и вытаскивать, тащить их потом в хату, закладывать в медогонку и крутить ручку, откачивать свежий мёд... В общем, как с ними управляться — я знал.

Но если рамки летом не приводить в порядок, то к осени внутри ульев все рамки между собой так склеиваются, что только топором их можно расцепить, чтоб вытащить. И половина ломается, падает вниз, мёд стекает и весь — там, внизу, в грязи и липкости... Обидно! Обидно, что можно было

раньше, в середине лета всё это в чистом виде взять и сейчас не пачкаться.

И нужно еще всю первую половину лета рои собирать, когда пчелиные семьи увеличиваются и молодые пчелы вылетают, чтобы поискать лучшего места под солнцем. Оно, конечно, и пусть бы летели, но... Они же забирают много мёда с собой! А вроде бы жалко. Столько дармового меда — и... Потом они в чей-то чужой улей залетят — и там будет весь этот мед... Да что говорить — обидно. Да просто несправедливо! Это ж такая несправедливость — вроде бы своё, а... Главное, ладно бы улетали сразу — а то вначале собираются все рядом с ульем, на какой-нибудь ветке! И дразнят, висят клубком, пока не соберутся все до единой с духом. Чтобы в одном направлении лететь, а не в разные стороны. А куча такая, что невозможно смотреть — их же там тысячи! Тысячи, не сотни. И все — свои, из твоего улья. Жалко, если не стряхнуть их в корзину и не высыпать вечером опять в улей — в новый, как делал дед; или хотя бы в старый: зарешетить на ночь летки, чтобы там, внутри, пчелы разобрались меж собой, кто из них главный, а кто второстепенный...

Так что на третий год, как я ни хотел, пришлось немного поухаживать. Весной собрал несколько пчелиных отводков, в июле откачал пару ведер, в августе еще три... А куда его деть? Куда деть пять ведер меда, если мне для кофе и полведра на зиму хватает!

Раздарил всем по банке — себе ведро оставил.

Так и пошло — понемногу, но приходилось мне возиться, ухаживать за пчелиными семьями, чтобы кофе с мёдом пить. Но так не хотелось с ними возиться! Каждый раз, когда надо было идти к ульям, я шел туда, как на казнь. Как на каторгу. Ведь каждый раз надо одеваться, нахлобучивать на себя накомарник — а на улице жара, не продохнуть! И непременно хоть две-три пчелы — но ужалят, найдут нужную дырку в одежде.

Но однажды...

В общем, есть у меня приятель. Самовлюбленный эгоист до мозга костей, сам говорит — никого не слушает; всем советы дает, хотя его никто не спрашивает, на всех смотрит свысока, как учитель в школе для недоразвитых. И везде командует, лезет со своей инициативой, со своим носом вперед. Подходит, а впереди — его нос. Посмотришь со стороны — вначале нос, потом рот до ушей, уши, а посередине — наглые, как у нашей деревенской кошки, которой всегда всё мало, — глаза. Противный парень. Но — друг детства, никуда не деться. И вот, принес я ему как-то банку меда. «Вот тебе

мед, — говорю, — у меня его много. Не знаю, куда деть. Бери, это подарок, денег не надо».

Приятеля моего зовут Мишкой. Фамилия — Кныш. Фамилия такая же противная, как и ее хозяин. Кныш! Будто вместо этого Кныша — фи́га перед твоим носом.

Поведал я своему другу детства о своей беде, рассказал об ульях и о том, как противно открывать на ульях крышки, когда надо залезть внутрь, чтобы мед забрать.

Мишка задумался. Обычно Мишка не думает — сразу совет дает. А тут — задумался.

— А мёду там у тебя, в деревне, коко? — спросил он, когда подумал. Вместо «сколько» Кныш всегда говорит «коко».

— Семь ульев, — сказал я. — Но к весне обычно остается два-три с живыми пчелами, остальные не выживают. А весной роятся — и если новые рои собирать, то к лету опять все ульи с пчелами.

— А коко мёду в каждом?

— Примерно по ведру, если за пчелами следить и немножко ухаживать.

— Не понял. Чего за кого ухаживать? Вместо них самому по полям летать, что ли?

Я тоже стал думать. Не дурак Кныш, иногда дельные слова говорит. Действительно, вместо пчел по полям летать не нужно. Перерабатывать нектар в мёд — тоже сами всё делают. Выходит, что только поднимать крышки с ульев да вытаскивать рамки с мёдом — чтобы откачивать. Ну, конечно, промеж делом, весной, в начале лета, можно немножко поухаживать, поснимать рои, которые на ветках сидят, позаталкивать их назад, в улья...

— Миша, летать вместо них по полям, естественно, не нужно. Но так просто тебе не объяснить то, о чем ты спрашиваешь.

— Конкретно: косить траву, как русские крестьяне косят для своих коров, — надо?

— Нет. Косить тоже не надо, — сказал я. — Это ж пчелы, а не коровы.

— А утром выгонять в поле?

— Да нет, сами летят.

— Значит, выгонять в поле не надо, косить тоже. — Мишка чуть приподнял голову вверх и оттуда посмотрел на меня, как на крестьянина, который летом может не выгонять своих коров в поле и не косить им траву на зиму, а просто лежать на печке, ничего не делая. — Так, откладываем в уме: косить не надо, — сказал Мишка и опять задумался. — А кормить каждый день, как все деревенские, с бывшей Украинины, кормят своих поросят, чтобы добыть к осени сало, —

это нужно? Кормить твоих пчел хряпой требуется по пчелиной программе?

— Не знаю, что такое по твоему мнению хряпа, но скажу тебе: нет, хряпой кормить не надо, — сказал я, начиная не понимать, что же мне, в самом деле, не нравилось летом у деда, когда надо было немножко помочь ему поухаживать за его пчелами.

— И ты говоришь, у тебя беда? — Мишка опустил голову долу и посмотрел на меня, как школьный завуч в школе для ненормальных смотрит на одного из своих недоразвитых учеников. — Не знаешь, куда деть мёд?

— Да, я не знаю, что делать с этими пчелами, которых не надо ни кормить, ни поить и вообще.

— Дурак.

Слово «дурак» — второе любимое Мишкино слово после «коко». Когда он чего-то не понимает или просто не знает, как ответить, он хлестко и тяжело — будто прихлопывает сургучную печать к конверту, говорит: «Дурак».

— Кто дурак? — на всякий случай уточнил я.

Мишка не ответил. Дал мне время, чтобы я сам сообразил. Потом задал еще один конкретный вопрос, от которого уже точно некуда деться:

— Когда в следующий раз уезжаешь в свою деревню на лето?

— На лето я в свою деревню в следующий раз уезжаю следующей весной, — честно, без обиняков сказал я.

— Поеду с тобой. — Мишка произнес это так, будто подарил мне хороший подарок. — Мне в этом году некуда деть время. На море надоело, на курорты тоже, так что поеду в деревню, посмотрю, как говорится, на русскую природу. Поеду к тебе и посмотрю всё там сам. Научу, как качать мед из ульев.

— Ты разве умеешь работать с пчелами? — искренне удивился я. — Никогда не знал, что ты такой...

— Дурак. — Мишка выпятил нижнюю кубу вперед и поглядел мне под ноги. — Пчелы — единственная домашняя живность, на которую не нужно работать. Ты меня понял?

— А как же ты будешь...

— Надо купить пособие, — уверенно, как обычно, сказал Мишка. — Пособие по откачке меда из ульев. Понял? Экзамены в школе сдавал? Знаешь, что всё, чего нужно, уже кем-то для кого-то написано? Остается только купить книжку или пособие — и прочитать. А там всё уже есть — читай, если не дурак, и реализовывай! На этом построен весь мировой бизнес, вот так. Ты понял? По-русски читать не разучился? — Мишка шлеп-

нул нижней губой о верхнюю, выкатил глаза и стал похож на птицу марабу — такая большая, важная птица, которая водится в южных странах и гуляет, глядя выпученными глазами на окружающий мир. — Коко дашь мёду, если я сам всё откачаю? Мёд мне, конечно, не нужен, я могу его и купить. Но сейчас такое время... В общем, везде только бизнес, хороших товаров нет, кругом подделка. И мёд, и кофе, и сигареты, и всякие там лекарства... В общем, везде подделка — а у тебя хороший мед. Настоящий. Ты же не насыпаешь в него сахару?

— Да ну. Зачем?

— И я тоже думаю: зачем тебе подсыпать в мёд сахару, если ты и так не знаешь, куда его деть. Правильно? А твоя деревня — в глухомани, там всё чисто, даже людей нет.

— Да, людей в наших деревнях уже не осталось. Только в городах, где бизнес.

— Значит, мёд настоящий, без подделки. А настоящий мёд — это лучшее лекарство для организма, я об этом читал. Понял? Особенно в наше время, когда все лекарства делают у Брынцалова на даче. Чужое лекарство купить можно, а своё личное здоровье — нет.

— Думаешь?

— Уговор такой: ты можешь лежать в деревне на печке, как все вы там... А всё, что нужно, я буду делать сам. Договорились?

Деваться мне было действительно некуда. В том смысле, что вряд ли этим летом будет для меня хороший отдых. Вместо отдыха придется Мишке помогать: мёд откачивать. А ведь там, у деда, — там и два озера, полные рыбы, и лес с ягодой... А в конце июня, когда колосится рожь, — в конце июня всегда появляются грибы. Грибы! Потом их собираешь, отвариваешь, засаливаешь — и ставишь на стол. Для закуски. Но... Но Мишка, гад, проходимец, хоть в чем-то, но прав: читать-то по-русски он еще не разучился, умеет. И всё, что нужно про пчел, всё прочтёт и потом приедет ко мне и всё там сделает так, как ему надо. А мне даже на кофе ничего не останется.

— Когда выезжать? — спросил Мишка. — Я лично готов в июне. У меня в июне записан отпуск по графику — я уже вписал моему шефу в его расписание, пока все остальные думают, ничего не делают. Пойду в отпуск в июне. Поеду в деревню.

— Миша, слушай, ты, может, не знаешь: пчелы-то иногда кусают! — на всякий случай сказал я. — Читал про это или еще нет?

— Глупый ты. — Мишка нагнул голову, чтобы плюнуть на пол, подчеркнуть свое отношение к моей глупости. Но мы

были не в моем доме, а в его. И потому Мишка не стал плевать. — Пчелиный яд — это же высшее целебное лекарство! — сказал он, восторженно поднимая руки. — Причем, естественное. Люди в специальные лаборатории бегают, им там нужные люди специально пчелиные укусы организуют! Берут пчелу пинцетом — и к больному органу приставляют. И клиенты, знаешь, хорошо платят за это. Понял? Это я так, к слову. Чтоб ты понял, о чем речь. Потому что вы уже настолько все обленились там, у себя в деревне, что просто противно.

— Ладно, — сказал я. — Если всё там будешь делать сам... И дымарь разжигать, и крышки с ульев снимать, и рои, если еще будут в июне, обирать и сажать в улья...

— А мёд, вообще-то, долго хранится?

— А ты про египетских фараонов книжки читал? Знаешь, что мумии мёдом обмазывали? И до сих пор тот мед не загнил.

— Так, с фараонами мне понятно. Значит, всё буду делать сам. И рои собирать: нужно, чтобы все улья работали! Все семь. Понял? Все! А помощи от тебя мне не нужно. Договорились?

— Договорились.

— А мёду мне коко дашь, если только я буду там всё за тебя делать? — Мишка выпятил нижнюю губу. — Ведь тебе мёд, говоришь, не нужен?

— Да бери, сколько тебе... — начал я, но вовремя спохватился. Мишка же всё возьмет, мне ничего не оставит! А хотя бы полведерка мне надо. На кофе. — Половину того, чего наберешь — твоё! — неуверенно сказал я. — Половину всего тебе, половину всего — мне.

Мишка начал думать.

— В общем, бери, сколько утащишь, — уточнил я. — Сколько утащишь за раз — всё твоё. Но уговор: я тебе помогать не буду, понесешь сам. Дороги у меня там нет, деревня глухая, ближайший автобус, чтобы добраться до поезда — километр. Если ехать на машине, то оставить ее там где-нибудь поблизости негде — упрут или раскурочат. Сейчас такое время. Рыночная экономика. Так что придется тебе на поезде ехать.

— Договорились. — Мишка Кныш раздвинул рот к ушам и протянул мне руку. — Значит, говоришь, можно ведро собрать с каждого улья? Коко их у тебя? Коко всего ульев?

— Я же сказал: семь.

— Значит, ежели семь ведер, то, по минимуму... — В мозгах у Мишки захрустело. — Значит, ежели по минимуму.. По

минимуму получается, что моих три. И еще одно — мне в подарок. С подарком будет четыре. Это же бизнес: мнелагается процент за потерю моего времени. Коко кило мёду на базаре стоит?

— Не знаю. Есть и по сто пятьдесят за кило, а есть и по триста пятьдесят, — сказал я. — На московской распродаже.

— Понятно.

— Миш, а как ты за раз четыре ведра утащишь?

— Это моё дело. У тебя эмалированные есть? Которые по двенадцать литров.

— Есть. Но заниматься пчелами будешь только ты, — твердо сказал я. — Мне лень. И к автобусу тебе ведра не поволоку. Понесешь сам, они тяжелые. Сколько унесешь — все твои.

— Ну, уж до автобуса-то я... — Мишка ухмыльнулся. — Коко там, у тебя, по расстоянию? Коко топать до остановки?

— С километр, — сказал я. — И такси там не ходит.

— Отволоку. Как говорят в народе, своя ноша не тянет.

Что ж. Наступила весна, я уехал в деревню. Но погода что-то не заладилась: деревья распустились только в мае, а дожди пошли еще с апреля — и не заканчивались. А солнца нет — и тепла нет. Так что роиться дедовы пчелы начали лишь к июню, когда закончилась непогода. К июню, когда приехал Мишка. Кныш Мишка приехал — и сразу дожди закончились, солнце светит, с утра небо чистое, как на море, куда мы ездили с Кнышем лет несколько назад, когда учились в институте.

— Про погоду специально наврал, чтобы я не приехал? — посмотрев на небо, спросил Мишка, когда мы проснулись на первое утро после его приезда. — Погодка, смотрю, тут отличная. Не хуже, чем у Черного моря. Пожалуй, тут отдыхать удобнее, чем на курорте. Не надо в столовую ходить, деньги им там, дуракам, за ничто платить... А какая красота вокруг — посмотри! — Мишка глотнул полной грудью, как кружку пива с подноса! — свежего деревенского воздуха. — Слушай, какая же здесь благодать! Не хуже, чем на Канарах!

— Естественно, — сказал я. — Если нет дождей. И когда комаров мало.

— Не о комарах речь. Коко, говоришь, выжило у тебя пчел после зимы?

— Три улья, — сказал я. — Остальные погибли.

— Значит, надо ловить новые рои, чтобы было семь ульев в работе.

На небе не было ни облачка. И тепло. Градусов под двадцать пять. А в такие дни, если до того шли дожди, пчелы тотчас начинают роиться.

И верно: сразу после одиннадцати в дедовом саду зашумело. Я посмотрел через окно: над крайним ульем быстро и резко метались взад-вперед пчелы — верный признак того, что сейчас все поднимутся вверх и будут искать себе место, куда сесть. Потом посидят на ветке — и улетят. И поминай как звали.

— Пойдем на улицу, — сказал я Мишке. — Надо посмотреть, куда они сядут. А то потом не найдешь. Тебе надо надеть дедовы холщевые штаны — чтобы не прокусили пчелы. А сверху — телогрейку. Варежки тоже есть.

Старая бабка топила печку: надо ж в обед покормить гостей!

— Говоришь, телогрейку? — Мишка выволок из-под кровати свой чемодан и вытащил из него белый, хлопчатый костюм. С капюшоном. Специальный костюм для работы с пчелами: колпак-капюшон с широким ободком, впереди — удобная сеточка для глаз. Чтобы смотреть.

— Понял? — не глядя на меня, спросил Кныш. — Я же всё прочитал, чего надо. — Он опять сунул руку в свой чемодан и выволок оттуда маленькую книжечку. — Видишь? — Он потряс перед моим носом книжкой. — Это называется пособием по уходу за пчелами. Тираж — два миллиона. Бестселлер. За два миллиона можно много денег хапануть! Во, как умные люди делают бизнес: списал с учебников — написал нужное людям пособие! А вы тут на печках валяетесь. И в этом пособии всё написано! Про то, что надо и чего не надо. Первое дело — нужный костюм. Понял? — Мишка стал напяливать поверх своих тренировочных штанцов нужный костюм.

Я переодеваться не стал: не мне же работать.

— Корзина для роёв, надеюсь, у тебя есть? — спросил Мишка, засовывая брошюрку в передний карман и шаркая по хате, как водолаз по палубе.

— Естественно, — сказал я. — Дедова роевня всегда под рукой. Даже две.

— А где дымарь? Не мешайся мне тут под ногами, тащи дымарь, хоть какой-то прок будет с тебя.

— Дымарь сегодня не обязательно, — сказал я. — Собрать рой можно и без него.

— Ты пособие читал? — Мишка достал из переднего кармана брошюрку — и полистал. — Дымарь нужен всегда, когда идёшь к пчелам. Нужный инвентарь должен всегда быть под рукой!

Мы вышли во двор, я принес гнилушки, разжег дедов дымарь.

— Ну, теперь можешь возвращаться на свою печку. — Мишка попробовал, хорошо ли дымит инвентарь. — Иди, я управлюсь один. — Он накинул на голову капюшон с полупрозрачной сеткой и затянул молнию под подбородком.

Я хмыкнул.

Мы вместе обошли дом и сели на траву напротив ульев — со стороны дороги, по ту сторону изгороди. Изгородь почти развалилась, редкие жерди свободно провисали на невысоких столбиках, и отсюда хорошо просматривалось всё, что происходило перед пчелиными домиками. Ульи стояли метрах в пяти от изгороди, в тени под яблонями.

— Хорошее место выбрал, — похвалил меня Мишка. — Сколько я ни учу тебя уму-разуму, обычно до тебя сразу не доходит, ничему тебя не научишь. А тут — сразу сообразил, хорошее место для обзора выбрал. Сам, без моей подсказки.

— Сейчас начнут, — не без удовольствия, предвкушая дальнейшие события, сказал я. — Готовься.

Позади ульев поблескивали окна дедовой хаты, из одного оконца востро поглядывала на нас бабка. С высокой березы трещала сорока, посвистывали птахи в кустах. Красивый день начинался — настоящий летний.

— А ты чего в одной рубашечке? — Мишка окинул меня взглядом с ног до головы. — Иди домой, надень на себя чего-нибудь. Если уж взялся мне помогать. Но — заметь! — это твоя инициатива. Я лично тебя ни о чем не просил. Я могу всё делать сам.

— Мне не надо одеваться, — сказал я. — Я же не участвую в предварительном мероприятии. Моё дело — получить мою долю после откачки.

— Надень, говорю, а то кусают. — Мишка направил дымарь в свою сторону и пустил из него густую струю дыма.

Мы сидели напротив ульев — и тьма пчел, выписывая зигзаги, металась перед нами, занимаясь своим делом: готовилась к роению. И сейчас им было не до нас: все были при деле.

— А ты говорил, что кусают. — Мишка посмотрел на меня, чуть подумал, расстегнул молнию на подбородке и откинул накомарник на спину. — Да, жарко сегодня, — сознался он. — Ладно, тащи роевню, чтобы хоть какой-то прок был с тебя.

— Подожди, еще не сели. Вот сейчас сядут...

Мощный гул не дал мне договорить: тысячи пчел одновременно поднялись над яблоней — и их шум заглушил все звуки вокруг. Вылетевший рой, казалось, заслонило солнце — на землю легла легкая тень. Стрекоза, бойко порхавшая вдоль

забора, ткнулась в облако пчел и, как маленький бильярдный шарик, отскочила в сторону.

Большой рой. Первак. Каждый раз, когда такое видишь, всегда поражаешься масштабу происходящего. Шум стоит, как на небольшом аэродромном поле. Пчелы мечутся взад-вперед с такой скоростью, будто заштриховывают пространство. Солнце просвечивает сквозь них, как сквозь легкое кучевое, наполненное влагой облако. Сколько их там, этих пчел, которые вышли из одного улья и поднялись в воздух? Тьма! Поднялись, чтобы спустя три-четыре минуты снова опуститься вниз, на одну из яблонь, — и собраться в одном месте, на одной ветке, в небольшую кучку, в живой комок! И зависнуть там, как большая летучая мышь. Зависнуть и, не издавая более ни звука, молча дожидаться своих пчел-разведчиц, которые улетели утром в те места, которые уже подобрали для нового дома и вот-вот вернуться, чтобы поднять весь вылетевший рой и указать направление, куда всем нужно лететь. И когда разведчицы прилетят — уже поздно будет что-либо делать здесь, внизу, на земле. Лишь еще раз воздух наполнится шумом, похожим на шум взлетающего самолета, рой поднимется вверх — и исчезнет. В мгновение ока от него не останется и следа. Будто и не было.

— Ну, чего они не садятся? — вжимая голову в плечи, прокричал Мишка. — В пособии написано, что они должны... — Мишка опять полез в карман за брошюрой.

Пчелы быстро, одна за другой, начали обмётывать большую яблоню над ульем, из которого вылетели. Я встал, чтобы углядеть место, куда они будут садиться. Пока ищешь, могут и улететь! Времени теперь в обрез — надо успеть залезть к ним на дерево, куда сядут, — и стряхнуть весь комок в роевню. Хотя, иногда они могут сидеть и по часу и больше. Никогда не угадать, сколько.

Я вытащил сигарету из кармана, закурил, молча перешагнул через жердь на заборе, прошел мимо ульев и встал под той яблоней, над которой кружились пчелы. Если сядут высоко — надо длинную лестницу, а если низко, то можно и так, без лестницы обмахнуть...

— Эй, ты что! — закричал Мишка. — Уходи оттуда! И выбрось сигарету, а то они сейчас тебя...

Когда пчелы роятся, они редко жалят: они заняты только собой. Хоть с сигаретой тут стой, хоть еще с чем. Мишка это не знал. В пособиях-то ничего об этом не пишут! Во всех пчелиных пособиях — как и во всех остальных, которые выходят миллионными тиражами! — пишут обо всём, кроме того, что нужно... Я спокойно стоял рядом с ульем, под деревом,

где гудели пчелы, покуривал и смотрел, куда они сядут. Ни одна пчела не жужжала рядом со мной.

— Эй! — крикнул сзади Мишка. — Ты что, с ума сасол? — Гул заглушал его голос. — Сейчас заедят — а я не доктор! Заедят — я тебя лечить не буду. Весь мёд достанется мне!

Я не спеша докуривал.

— Сейчас же выброшь сигарету! — скомандовал Мишка. — Что мне все время приходится тебя учить! Читал пособие? Знаешь, что пчелы не выносят сигаретного дыма?

Гул сверху утих, пчелы быстро проваливались в густую листву, и ветка, на которую они садились, с каждой секундой прогибалась все ниже и становилась всё толще и толще, как небольшой резиновый шланг, по которому пустили струю воды, но один конец заткнули. Пчелы садились друг на друга, и комок все больше провисал и, казалось, что еще чуть-чуть — и всё просыплется наземь. Но я-то знал, что так не бывает. Пчелы садятся плотно и так крепко сидят, сцепившись друг в друга, что комок этот не разваливается. И весь тот громадный рой, что только что походил на кучевое облако, — весь этот рой был похож теперь на большую бороду Деда Мороза, отцепившего её перед хорошим застольем и потом забывшего её здесь после хорошей ночной трапезы.

Рой привился чуть повыше середины ствола. Немного в стороне от развилки сучьев. Значит, нужна лестница.

Я смотрел вверх. Сквозь листву было плохо видно, но рой уже собрался в одном месте и затих. Ни одного звука! Будто и нет никого. Я оглянулся на Мишку — он всё еще сидел там, на траве, и теперь тоже, как я, курил сигарету. Ждал, когда я притащу лестницу.

Я приволок со двора лестницу, подтащил её к яблоне и, не без мытарств, прислонил к стволу. Потом принес роевню — широкую корзину, свитую из ивовых прутьев. И лоскут марли, чтоб накрыть роевню, когда там будут пчелы.

— Во, дела! — Мишка выплюнул сигарету, переступил через жердь на заборе, рысью одолел нужное расстояние и, не накидывая на себя капюшон, встал рядом со мной. — А ты говорил, кусаются. Во, подколот ты меня! Лапшу на уши повесил! Говорил, что телогрейку... — Он посмотрел в сторону дыма, который оставил у забора. — А я потратился, специальный костюм купил — чтоб не кусали... А знаешь, коко он стоит, мой костюм?

Он активно жестикулировал обеими руками, и пчел из соседнего улья это заинтересовало. Несколько штук тотчас подлетело поближе.

— Во! — Мишка с любопытством наблюдал, как они выются около него. — Смотри, какие они ручные. Не кусаются.

Я отошел от Мишки шага на два.

— Ловко ты меня наколол!

Одна ужалила его — и он замолчал.

— Надвинь накомарник, — сказал я, отодвигаясь от своего приятеля ещё метра на два в сторону: если уж одна пчела ужалила, то и другие сейчас будут здесь. — И как следует застегни молнию, — сказал я. — Перед тем, как полезешь наверх с роевней.

Мишка посмотрел на меня, оценивая ситуацию. Посмотрел, вешаю я лапшу на уши или нет. И вид у него был несколько снисходительный: мол, ничего особенного, одна укусила — и это очень полезно. Для здоровья.

Да, Мишка много чего не знал о пчелах и уходе за ними. В нужных пособиях про это не написано. Мишка не знал, что если пчела ужалила, боль приходит не сразу. Боль приходит через две-три секунды. Причем, резко. И в следующие полминуты разрастается, как пожар на сухом току. А еще через полминуты начинает плавно затихать, так что скоро почти не остается даже и в памяти.

Через секунду Мишкино лицо исказилось гримасой, и уши его стали багроветь. Но он стойко терпел, стараясь не подавать виду. Его стойкости хватило еще секунд на десять. Потом стало невмочь — и Мишка Кныш с силой прихлопнул пчелу, размазав ее до самого уха. Мишка не знал, что если пчела укусила, то не нужно размазывать ее по тому месту, которое она укусила. Надо снять ее и отбросить в сторону. И вытащить жало из того места, куда укусила. Потому что весь яд в жале. Хотя... Хотя все равно с минуту будет очень больно.

Прошло еще секунд десять, и Мишкины уши становились все багрянее, а на щеке начал вздываться фингал.

— Надвинь накомарник, — добро посоветовал я. — Досчитай до тридцати — и боль начнет утихать.

Его укусила еще одна — и Мишка сразу же размазал ее по лбу. С разбегу воткнулась в щеку и зажужжала еще одна. Причем, жужжала так, что тотчас к ней прилетело еще штук десять. На подмогу. Мишка ж не знал, что если пчела кого-то кусает, то жужжит именно для того, чтобы ее услышали подруги. А подруг-то — хоть пруд здесь пруди.

Мишка судорожно нахлобучил на лицо капюшон с сеткой. Но запутался в молнии — и еще штук пять победно зажужжали над его белым хлопчатым костюмом, которые иногда шьют в ателье, чтобы продать втридорога в магазинах для юных пчеловодов.

— Ну, ты это зря. — Я отошел от него еще на пару метров и укориженно посмотрел. — Ты что, забыл, что пчелиный яд — самый полезный из ядов? Люди там бегают, ищут нужные лаборатории, нужных людей... А ты...

Мишка молчал. Цвет лица его постепенно становился похож на цвет свёклы, когда с нее снимают верхнюю шкуру. А выпученные глаза были абсолютно бессмысленны.

Я просчитал мысленно до тридцати. Мишкино лицо начало постепенно принимать свой обычный цвет.

— Теперь полезай вверх, — сказал я. — Возьмись там за ветку пониже того места, где они сидят — и стряхни. Делов-то! Но тряхни как следует, чтоб все сразу свалились. А корзину держи прямо под ними, чтоб мимо не падали. Понял?

— Отойди от меня, — кривясь и подергиваясь, сказал Мишка. — Хочешь совет? — Он помолчал, раздумывая, чем бы уколоть меня, чтобы и мне стало больно. — Иди-ка ты-ка на свою печку и не мешайся тут. Пендехай отсюда. Я и без тебя тут всё сделаю. Понял? Не учи ученого, не то...

— Чего не то?

— Не то... не то... — Мишка подыскивал слово похлестче.

— Ну чё?

— Да вот ничего!

— Интеллигент хренов. Говорить-то по-русски не научился.

— А ты вообще...

Мы помолчали, обдумывая, стоит ли нам продолжить беседу или же заняться делом.

— Полезай наверх, — скомандовал я. — Они там не будут ждать тебя, взлетят — и поминай, как звали. Килограмма два уволокут с собой мёду. А может, и больше. А мне-то мёд ни к чему, это тебе надо.

Мишка попробовал нижнюю ступеньку лестницы — нижняя была совсем гнилая. Он ступил на вторую и медленно полез по лестнице вверх.

— Возьми роевню и марлю, — сказал я. — Когда ссыплешь пчел, накрой их марлей. А то вылетят.

Мишка спустился обратно, взял левой рукой роевню и марлю и снова полез наверх.

Я опять закурил.

— Ну чего, всё ещё сидят? — тихо, чтоб не спугнуть пчел, спросил Кныш с третьей ступеньки.

— А ты чего, сам не можешь посмотреть? — не без злорадства спросил я.

— Да тут... Тут даже голову не повернуть, колпак мешается. — Мишка, осторожно отодвигая от себя ветки, полез головой в гущу листвы. — Через сетку ничего же не видно, —

пожаловался он сам себе. — Очень широкая шляпа, неудобная. — Он долез до половины лестницы и теперь пробовал заглянуть вверх, туда, где висели пчелы. Но шляпа упиралась в листву и съезжала на глаза.

— Отломи там лишние ветки с листьями, — сказал я. — Отломи ветки, которые мешают. Иначе не подставишь роевню под пчел.

Мишка начал осторожно ломать. Те, что тыкались через сетку в лицо.

— И не порви накомарник, — сказал я. — Там у тебя такая хилая марлечка в колпаке... Где покупал, в каком магазине?

Мишка немножко ругнулся матом. В мою сторону.

— Подставь там роевню на ветку под роем, — сказал я. — А то на весу не удержишь. Пчелы-то тяжелые!

— Да что ты меня всё учишь? — сквозь зубы процедил Мишка. — Я и без тебя всё знаю!

Он ступил, наконец, на верхнюю ступеньку и поправил на себе колпак с широким ободком. Широкий ободок очень мешал: ветки закрывали сеточку перед глазами и сдвигали колпак в сторону. Пожалуй, простой накомарник удобнее: обзор больше.

— Ну, что ты там? — спросил я.

Весь рой теперь висел прямо над Мишкой, и Мишка норовил задрать голову вверх, чтобы увидеть его — и каждый раз ветки сверху сдвигали его колпак вниз, на самые уши, а Мишка опять поднимал его и опять пытался задрать голову вверх.

— Да отломи ты сучья вверху! — не выдержал я. — Расчисти пространство!

— Так я ж спугну пчел, — сказал Мишка. — Они ж могут улететь!

— Никуда они не улетят. Делай, как сказано, а то и вправду...

Мишка осторожно отломил ветку сбоку, подsunул роевню поближе к пчелам и стал искать нижний сук, на какой опереться роевней. Наконец, ему удалось втиснуть ее чуть ниже роя, Мишка взялся за ветку, с которой свисал клубок, и осторожно, боясь не спугнуть пчел раньше времени, потряс. Боже, что тут началось! Клубок закачался и с него начали слетать нижние пчелы, которые не смогли удержаться. Некоторые — меньшинство — падали вниз, в роевню, а все остальные, пронзительно жужжа, садились на Мишкин колпак. И ниже. Тотчас вокруг Мишки образовалось облако, чуть поменьше того, которое только что носилось над яблоней. Но основной ком продолжал висеть на ветке.

— Тряхни сильнее! — крикнул я. — Тряхни ветку посильнее, чтоб все упали в корзину!

Мишка судорожно ухватился за ветку и тряхнул посильнее. Яблоня вздрогнула, лестница закачалась... Но я успел ухватить лестницу снизу за перекладыны и удержать Мишку в равновесии.

— Ну, ты, эквилибрист, — мирно сказал я. — Чё ты там?

— А ты чего, не мог сразу лестницу подержать? — глухо, сквозь колпак, проговорил Мишка. — Что ты там стоишь, как истукан? Иди на свою печку, не мешай мне тут... — Для убедительности он хотел махнуть мне рукой в сторону хаты — чтоб я знал, в какую сторону мне идти, — но я немного отпустил лестницу, и Мишка опять закачался вверх, как цирковой гимнаст на канате. Правда, страховочной сетки внизу здесь поблизости не было.

Я отошел на всякий случай чуть в сторону и посмотрел вверх: половина роя, которая свалилась в роевню, уже вылетела обратно и опять облепила водопроводный шланг, сразу же утолщив его до нужной величины, а частью превратилась в кучевое облако вокруг Мишкиной широкополой шляпы, удобной для всякого дела, кроме самого непосредственного.

Лестница перестала качаться, но Мишка продолжал вертеться, отмахиваясь одной рукой от кучевого облака, а другой удерживая корзину на весу.

— Ну ты, там! — крикнул я вверх. — Чё ты крутишься, как... — Я немного ругнулся, чтобы закончить фразу в нужном музыкальном ключе. — Чё ты крутишься, ты же в костюме! Они же не могут прокусить материю. Не обращай на них внимания. Делай своё дело, а они будут делать своё. Сейчас они все опять усядутся на прежнее место.

— Держи лестницу, а то упаду! — крикнул Мишка.

— А ты разуй глаза! — прокричал я снизу. — Там, на лестнице, прикручена сверху веревочка! Привяжи её к дереву, чтоб лестница не болталась, как... — Я опять немного ругнулся. Для рифмы.

Мишка, облепленный пчелами, как шмат сала мухами, начал искать веревочку. Шляпа его опять сдвинулась вбок, и Мишка тоже ругнулся. Но без рифмы, неинтересно.

— Ну, привязал? — спросил я.

Мишка крепко прихватил веревкой лестницу, еще крепче взялся за сук, на котором уже собрались все пчелы, за исключением тех, которым шляпа понравилась больше, — и так тряхнул, что вся яблоня — вместе с лестницей! — заходила опять ходуном.

Лоскут марли, которым нужно было закрыть роевню с пчелами, плавно спланировал на мою голову. Я чуть отошел — и лоскут опустился на землю.

Торопясь и не попадая ногами в перекладыны, Мишка начал спускаться вместе с роевней вниз по лестнице. Легкая тучка пчел, поднимающаяся из корзины, как пар из кастрюли, и конденсирующаяся на Мишкином костюме, опускалась вместе с ним.

Я накинул на себя дедов накомарник и отбежал в сторону. Несколько пчел всё же догнали меня, но я остановился и замер. Пчелы потыкались в мой накомарник, но со мной было неинтересно — я же не дирижировал руками! — и они присоединились к тем, которые спускались вместе с Мишкой.

Про нижнюю ступеньку Миша забыл. Хотя... Хотя и та, что была над нею, тоже была не новая. И когда Мишка слишком грузно ступил на нее, она тонко хрустнула и переломилась пополам. То есть посередине. Следующая, которая была пониже, — то есть, последняя! — сломалась сама собой — пришлось Мишке как раз между ног, а Мишка тяжелый, всегда жрал помногу, я ему говорил...

Свалившись на землю, Мишка с минуту молчал, пуча глаза и глотая из-под сетки воздух. Пот заливал ему глаза, но он же не мог откинуть колпак с головы и подышать вволю!.. Сотня-другая пчел, вместе с которыми он свалился, кружилась над ним, но быстро рассеивалась, снова поднимаясь на яблоню: сейчас у них было более важное дело, чем разборка с незванным гостем.

— Что ж ты, Миша, такой неповоротливый, — сказал я. — Жрешь много, потому и тяжелый. Кто теперь будет чинить инвентарь?

Мишка долго смотрел на меня из-под сетки. Потом медленно, с чувством, произнес:

— С-сволочь. Этой бы лестницей — да по твоей башке...

Я заглянул в роевню: она оказалась почти пустой. Все пчелы — те, которые были на Мишке, и те, которые попали в роевню по недоразумению, — все уже поднялись вверх и уселись на то место, где и сидели до того времени, пока Мишка не начал свой эксперимент по реализации нужных советов нужного для дела пособия.

Да, Мишка много чего не знал о пчелиных роях, которые сидят на дереве, а не в улье. Про то, чего не пишут в пособиях. Не знал, например, что если уж пчелы не хотят сами слетать со своего места, где ждут указаний от своих разведчиц, — то стряхнуть их оттуда не так просто: они снова и снова будут

садиться туда, где сидели: ведь там, где-то в середине, сидит главная из них — матка, глава семьи. И пока она там сидит, пчелы никуда не улетят.

Естественно, что я-то знал про всё это. Чего ж тут не знать, если мне уже приходилось — и не раз! — залезать с роевней по лестнице вверх и стряхивать пчел с дерева. А потом слезать с тяжелой роевней вниз... Конечно, раньше это всё делал мой дед, и ступеньки на лестнице были поновее... Но и я иногда помогал. И дед потом заглядывал в мою роевню и молча сам лез с ней по лестнице вверх. Так что не зря я отлынивал от «ухаживания» за пчелами. Это же такое противное слово — «ухаживать». Его ж сами пчеловоды придумали. Для пчеловодов оно, может, и таит в себе что-то — какой-то особый смысл! — но для всех других... Для всех других это слово не слишком точно обозначает нужный процесс. Так что...

— Экий, ты, Мишка, неловкий, — произнес я. — Теперь придется мне самому лезть на яблоню и снимать с нее рой. Ладно уж. Покажу тебе, как это делал мой дед. Сам-то я... Сам-то я — не большой любитель этого дела... погоди, я пойду накину что-нибудь на себя.

Я сходил в хату, надел поверх вторую рубашу. Напялил штаны на подкладке. Варежки брать не стал: дед учил работать без варежек. Вернулся к яблоне, поправил лестницу, выкурил еще одну сигарету. Потом накинул на голову накомарник, взял роевню с марлей, осторожно — чтоб вконец не разломать лестницу! — поднялся наверх, подставил — и, понятно, стряхнул. Все пчелы дружно свалились в корзину. Дело!... На ветке осталось лишь штук пятьдесят. Ну и ладно. Куда им деться, этим, которые остались одни, без хозяйки? Сами слетят потом на корзину и облепят марлю сверху, чтоб быть вместе со всеми! Они же дружные ребята.

Прикрыв роевню лоскутом, опять осторожно — чтоб не забыть про нижние ступеньки! — спустился вниз и прыгнул на землю.

— Теперь поставим её тут, внизу, а вечером ты их ссыплешь в новый ящик, — сказал я. — Сам вечером ссыплешь, или помочь? — Я поставил роевню под яблоню, снял плотные штаны и вторую рубашу. Вокруг меня не было ни одной пчелы. И вокруг Мишки тоже. Все были в корзине и немного сверху, на марле. Теперь они там будут молча сидеть, пока мы с Мишкой не сбросим их вечером в новый улей.

— Не вспотел в штанах-то? — ехидно спросил Мишка. — Смотри, не простудись.

Я хотел что-нибудь ответить. С рифмой. Но, посмотрев на моего приятеля, заметил, что молния на его подбородке чуть-

чуть расстегнулась. Молния, которая скрепляет колпак с нагрудником.

Я подошел поближе, чтоб удостовериться. Замок на молнии чуть отошел назад, видно, Мишка случайно задел его, когда слезал с яблони — и теперь там, в конце молнии, где она была раньше застегнута, просвечивала дырка. Дырка-то, конечно, маленькая... Но две пчелы, которые уже пролезли в неё, так пронзительно жужжали... А Мишка думал, что они жужжат поверх сетки. А ведь когда одна или две жужжат, то все остальные, которые поблизости...

— Мишуля, ты чего не застегнул молнию на шее? — миролюбиво спросил я. — Я же тебе не доктор. Я спасти тебя не буду. Хотя, скажу тебе честно, лишний мёд мне не нужен. Мне и моей доли хватит.

Те две пчелы, которые были уже внутри шляпы, наконец, переползли с сетки на шею и теперь, громко жужжа, поднимались к Мишкиной нижней губе, готовясь к нужному делу.

Не знаю, что почувствовал Мишка. Вернее, знаю, но противно перемещать акцент на себя... Мишка начал нащупывать задвижку на молнии. А как ее нащупаешь, если на руках варежки?

С минуту он всё же пробовал отыскать нужную маленькую висюльку, с помощью которой застегивается и расстегивается всякая молния, придуманная на заре цивилизации. И пока он искал, еще несколько подружек нашли эту маленькую дырку, которую никак не мог найти Мишка, — и поползли, знакомясь с обстановкой, по сетке внутри колпака.

Когда Мишкины уши начали багроветь, он не стал снимать с рук варежки — он судорожно стряхнул их с себя, так что варежки улетели куда-то под хату и сразу затерялись в крапиве.

Потом он снова начал искать конец молнии — тот, который немного отстегнулся. Но рядом же не было зеркала, куда бы посмотреть и точно примериться...

Подружки, которые ползали по Мишкиному костюму вверх и вниз, начали быстро переползать с рукавов на его голые руки. Две-три ужалили сразу, остальные не торопились.

Мишка терпел не более двух секунд. Потом начал размазывать их рукавами по верхней части костюма... Но разве ж их всех размажешь? Их же там столько...

Его ужалили еще три-четыре — из тех, что ползали под колпаком. Мишка сморщился так, будто ему прищемило палец в дверной петле. Но, заметив, что я смотрю на него, принял беспечный вид.

— Это полезно, — сказал он. — Пчелиный яд — это же... — Он не договорил: его ужалили еще штук пять — которые сползли с рукавов на руки. И Мишкино лицо стало похожим на печеное яблоко, сморщившееся на раскаленных углях.

— Уже несколько укусов, — с натугой сказал он. — Пять или шесть. Несколько укусов в день — это для здоровья очень полезно.

— Да, Миш, а главное — тут всё бесплатно. За деньги не переживай.

Все пчелы, которые были у Мишки под колпаком, уже перестали жужжать: теперь уже все занимались делом.

И Мишка побежал. Вначале побежал к тому месту, где оставил дымарь. Изгородь он сломал с лёту — понятно стало, что жерди там тоже не новые. А когда взял дымарь и попробовал им подымить... Но дымарь, естественно, уже потух. Понятно же, что ежели его не прокачивать время от времени... Он же маленький, этот дымарь. А Мишка, конечно, и про дымарь ничего не знал. Наверняка в пособии про это не написали. Думали, что читатель сам сообразит. Я тоже раньше, когда помогал деду, про это не знал, и вот так же, ломая изгороди — хотя тогда жерди были поновее! — подбегал к дымарю и пробовал им подымить...

Наконец, Мишка понял, что нужно бежать дальше — куда-нибудь подальше от этого места. Я тоже, в свое время, не сразу соображал, в какую сторону нужно дать дёру. Это уж потом я сразу бежал к бане, а вначале-то...

Мишка бежал вниз по тропинке, мимо хаты, по направлению к огороду.

Я пошел во двор: оттуда было лучше видно.

Мишка бежал по тропинке вниз огорода — туда, где была баня. Хотя вряд ли он знал, где стоит баня. Мы с Мишкой еще не ходили париться — он же сразу захотел к пчелам... Молодец, Кныш! Такая интуиция!

Я смотрел ему вслед. Всё это мне было знакомо, я тоже так бегал. Так же, как скаковая лошадь. Вниз огорода, к бане. А больше некуда бежать. Бегут всегда вниз, а не вверх.

...Мишка скакал, отмахиваясь от роя руками — и топот от него стоял, как от нескольких лошадей сразу. А не от одной. Он бежал, облепленный со всех сторон пчелами, втягивая голову в плечи — потому что внутри тоже кусали! — и ничего не видел вокруг. Но в правильном направлении — прямо к бане.

Я вспомнил, что, в свое время — когда я в первый раз добежал до бани! — то только там понял, что пчелы летают быстрее, чем бегают лошади. Но Мишка про это еще не знал.

Ну, что ж...

Через некоторое время внизу огорода хлопнула дверь. И я, сев на траву, достал сигареты. Теперь не скоро Мишка вернется назад: мне приходилось отсиживаться там, в бане, по часу, ладно хоть, в бане всегда есть вода. В большом котле. Водой можно окропиться — воду пчелы боятся. Мишка — если не дурак! — должен сообразить.

...Мишка вернулся минут через сорок. Во как! Проворливый! А я-то, бывало...

Он был весь, с ног до головы, мокрый. От пота и от воды. Мокрый — но всё ещё в колпаке.

— Снимай шляпу-то, — сказал я. — Тут пчел нет.

Мишка откинул колпак — голова его была в тине, а на лице штук пятнадцать волдырей.

— Ну чё ты? — сказал я, прикидывая, как же Мишке удалось влезть в котел с водой? Котел-то все же не такой уж и большой. — В баню-то сразу забёг? — поинтересовался я.

Мишка тяжело посмотрел на меня. Помолчал, раздумывая, стоит ли отвечать на глупые вопросы... Но чего молчать-то? Все равно что-то нужно сказать — по делу или просто так.

— В баню забёг, — шамкая, как старый дед, сказал Мишка по делу. Он потрогал языком распухшие губы — и помолчал, подумал, стоит ли дальше... — Но они, таки, и в бане, шволочи, жалят! — выговорил Мишка, взывая к моему сочувствию.

Я присмотрелся: на верхней губе у него было три пузыря, на нижней четыре. Ну и, конечно, под глазами, под скулами... В общем, как обычно.

— И что, когда забёг? — поинтересовался я. Детали всегда интересны.

— Пришлось выбежать: они же все вместе со мной залетели... Но там у тебя, перед баней, — колодец, вода под верх. Выбежал, сунул голову — вроде полегче. А потом и весь туда... Еле залез. А уж потом... Потом отсиделся в крапиве. — Мишка всё это проговорил так, будто ему в рот засунули вставную челюсть. Причем, по блату, за хорошие деньги, по бизнесу... А ведь там, где бизнес... И за большие деньги...

— Там же в бане котел с водой стоит, — сказал я. — Можно было в котел голову сунуть.

Мишка посмотрел на меня.

— Што ж ты не сказал, хат, что в бане вода есть? Што ж не крикнул мне вслед?

Я тоже помолчал, раздумывая.

— Так ты же так бежал, что все равно бы ничего не услышал, — помолчав и подумав, сказал я. — Когда пчелы над

тобой жужжат, а на тебе еще и накомарник, — ничего не слышно вокруг.

— Хад, — прошамкал опять Мишка.

Я подумал еще раз, сказать ли Мишке еще чего-нибудь — про то, что он не читал в инструкции...

— Бежать от пчел бесполезно, — вспоминая себя, сказал я. — Надо сразу укрыться где-нибудь, например, в хате или темном сарае. Можно в бане. Баня — хорошая вещь, полезная для всякого дела, а не только париться... Но ты правильно бежал, прямо к ней.

— Это случайно, — сказал Мишка через две буквы «ш»..

Мы оба помолчали, обдумывая, стоит ли продолжить беседу.

— И не надо махать руками, не надо дергаться, — сказал я. — Уйди в сторону от того места, где жужжат — отойди и замри. Тогда пчелы особо не садятся. Мой дед вообще никогда не надевал телогрейку. Работал в рубахе и накомарнике.

— Хад ты, — еще раз прошамкал Мишка. — Што жи раньше про это не говорил?

— А ты сказал, что сам всё знаешь, — не удержался я. — Мол, в книжках написано.

Мишка начал снимать с себя пчелиный костюм. Снял штаны, начал стаскивать куртку, которая с капюшоном. А она же мокрая, стягивается плохо. Миша потянул — и она треснула на боковом шве.

— Ну что ж ты, — опять не удержался я. — Надо было осторожнее. Чек-то остался? Чек от магазина, в котором покупал?

Мишка с ненавистью смотрел по сторонам. Но под глазами его — и над ними! — вздувались волдыри, и глаз практически уже не было видно. Одни лишь щелки. Что там смотреть-то, из этих щелок? Смотри, не смотри, а ничего не увидишь.

— Предки-то твои, наверное, из Китая? — сказал я. — Самые первые предки? А ты скрывал. Что ж ты скрывал свою родословную? Говорил, что со Святой земли. Со Стены плача. Я, конечно, верю, что и в Китае тоже есть своя стена плача — но она там, в Китае, такая большая, что не знаешь, в каком месте остановиться и в каком подойти, чтобы утереть слезы. Платок дать?

Со стороны сада послышался шум. Еще один рой вылетел из какого-то улья, и нужно было идти смотреть, куда, на какое дерево, сядет.

Я поплёлся к дороге.

Рой уже поднялся — натужно гудя, как эскадрилья бомбардировщиков на взлете. А над яблонями уже стуслилось облачко, и на землю легла легкая тень.

Я опять сел перед изгородкой. Теперь, без жерди, которую сломал Мишка, обзор был еще лучше.

Через некоторое время появился и Мишка. Перешел на другую сторону дороги — и уселся там. Обсохнуть на солнце.

Через пару минут рой сел — прямо передо мной, на невысокую молодую рябинку Верхушка ее, облепленная пчелами, начала медленно прогибаться и согнулась так, что можно было достать до нее руками.

Я сходил за второй роёвней и, не надевая на себя накомарник, подставил роёвню под рябинку. Наклонил верхушку, потрянул — весь рой свалился в корзину. Дел-то! И чего мне тут не нравилось...

Мой школьный товарищ смотрел исподлобья, как я укрываю корзину марлей.

Времени было уже третий час. В такое время пчелы уже перестают роиться, так что можно было возвращаться в хату, чтобы позавтракать, а заодно и пообедать. А может быть, даже сразу и поужинать: вечером-то нужно обсаживать собранные рои в улья!

— Миша, пойдем, перекусим? — предложил я. — Тебе, конечно, много есть нельзя, ты и так толстый. Но чуть-чуть...

Мишка пошел первым, я вслед. На столе уже стоял котелок с вареной картошкой. Пучок лука, кусок соленого сала.

— Молодцы, что вовремя пришли, — сказала бабка, разламывая свежую буханку черного хлеба. — Я уж боялась, что всё остынет. Федя, сходи во двор, нарви там лопухов или подорожника, от подорожника, бывает, волдыри спадают быстрой.

— Я не буду картошку, — коротко, как отрезал, сказал Мишка. — Я взял, что поесть, с собой. Немножко перекушу и пойду отдыхать.

Я сел за стол, а Мишка полез в свой чемодан. Достал оттуда колбасу, две банки сельди, баночку красной икры, два целлофановых пакета — из одного вытащил две селедки, из другого тонкие ломти белого хлеба.

— Перекушу, чем бог послал, — сказал Мишка, устраиваясь на другом конце стола. — Бабушка, вам селёдки отрезать? — Мишка показал глазами. — Или лучше колбаски?

Селедка воняла так, что сразу было понятно: рыба была с самого начала несвежая. Что ж. Немного затухла. Где ж теперь найти хорошую свежесоленую, если кругом — бизнес и рыночные отношения... Тонко нарезанные ломти белого хле-

ба тоже были не первой свежести: зачерствели так, что хоть гвозди забивать. Понятно: отрубей там больше, чем самого хлеба.

Мишка покосился в мою сторону. Картошка на столе чуть дымила паром и источала такой аромат, что впору было глотать слюни. Аромат от свежего хлеба заглушал вонь селедки и добавлял в букет остальных запахов свою прелесть. Да еще сочные перья лука со своего огорода... Сало, понятно, тоже было своё: наверняка бабка купила его у кого-то из соседней деревни, когда ходила за хлебом.

— Садитесь ближе к столу, — сказала бабка. — Что вы по разным углам расселись?

Второй раз Мишку приглашать было не нужно. Мишка никогда не был кисейной барышней. Мишка Кныш подсел поближе, наступил своим башмаком мне на ногу, молча, не извинившись, переставил его в другое место, взял кусок свежего черного хлеба, который из местной пекарни, ложку, — и стал метать со стола, будто до этого постился с месяц на сухарях.

— Не торопись, — сказал я, сморщившись. — Не ешь много, а то опять лестницу сломаешь. У нас впереди работа — пчел в улей сажать.

— Я сегодня не могу, — прошамкал Мишка. — Я сегодня не готовый. Завтра обсажу. Я читал: они могут сидеть там, в роевне, дня два. А иногда три. Если не задохнутся. К тому же у меня, по-моему... — Мишка пощупал свой лоб. — По-моему, у меня поднимается температура: я читал, от пчелиных укусов у некоторых поднимается температура.

Да, мне немного не повезло: я хотел, чтобы вечером Мишка сам разжигал дымарь, сам шел к улью, снимал там крышку, раздвигал склеенные прополисом рамки, ссыпал туда пчел и потом — а всё основное было потом! — пробовал согнать дымарем пчел со стенок улья, чтобы загнать их на рамки. А потом снова сдвигал... А пчелы в это время очень раздраженные. Бывает, даже варежки прокусывают!

Мне не повезло: к вечеру у Мишки и впрямь поднялась температура, и он полез на печку: с печки удобно было смотреть телевизор. Что, кстати, и делают сейчас все в деревне после всякого хорошего ужина: смотрят телевизор, ждут, когда в конце новостей объявят погоду на завтра.

Да, в первый раз, когда жалят пчелы, бывает, что температура немного поднимается. Но... По-моему, Мишка все же поднастучал градусник снизу. Чтоб нагнать столько, сколько надо. Раньше-то — когда было нужно! — мы умели с ним это делать: пойти в поликлинику и настучать там нужную

температуру, чтобы получить бюллетень. Наверняка Мишка не забыл старую практику! Кныш.

Так что пришлось мне самому вечером разжигать дымарь, надевать телогрейку и обсаживать пчел. Дело это, конечно, несложное — мне хватило на него минут десять. Но Мишка бы... Да, обидно.

А на другой день — к обеду — пошел дождь. Повезло Мишке еще раз: когда дождь, пчелы чувствуют его задолго до того, как ему пролиться. И сидят в своих ящиках, вылетают только на ближние травы. Или сидят на летках.

Через два дня Мишка пришел в себя. Поправился. Выпили мы с ним бутылку самогона — как рукой всё сняло.

Миша пришел в хорошее настроение, разговорился, начал мне советы давать — о том, чтобы тоже такой, как у него, пчелиный костюм купить, и о том, что в магазин мне ехать за костюмом не нужно — он, Мишка, мне свой отдаст, когда будет уезжать домой.

Я подумал, стоит ли продолжать беседу... Но после самогона, естественно, хочется поговорить. Тут, в нашей деревне, теперь такая глухомань... Не с кем даже побеседовать.

— Вот если самогон сразу было принять после того, как нажалили пчелы, — сказал я, — волдыри сразу бы, в тот же день исчезли. Через два часа.

— Это ты серьезно? — Мишка наморщил лоб. — Про то, что самогон...

— А ты что, не читал книжки, где написано для таких, как ты: первое противоядие — это стакан водки. Даже от змеи. А от пчел — тем более.

— Сволочь, — хрипло сказал Мишка. — Что ж ты, гад, мне про это сразу не напомнил? Я б свою бутылку, которая у меня... Я б её сразу достал, мы б выпили. А у меня водка хорошая, дорогая, я сразу доставать не стал, думал, на отъезд...

— Так ты ж, говоришь, про всё читал, про всё знаешь, — сказал я. — Что ж тебя учить? Как говорится, не учи ученого, нето...

— Не то чего?

— Не то... Не то...

Говорить было не о чем. Но самогон дошел и до Мишки — и Мишка скоро опять пришел в хорошее настроение. И опять начал давать советы.

Но кто же из нас любит советы?

— За коко отдашь? — прервал я Мишку, едва он приступил к своему маневру. — Сколько денег?

Мой школьный товарищ сразу оживился.

— Кого? — чтоб не спутать, спросил он.

— Ну, кого, кого. Твой костюм, разумеется. За коко отдашь?

— Вообще-то, он дорогой, — сказал Миша.

— Конечно, — поддакнул я. — Когда новый, он всегда дорогой. Пока швы не разошлись.

— Но тебе обязательно нужен такой костюм, — загорячился Миша. — Такой, как у меня. Разве можно сравнить его с твоей телогрейкой? И с твоими штанами.

— Не знаю, — сказал я. — Даже и не знаю, что сказать. Может, мне съездить в Москву, купить себе новый? Такой же, как у тебя, только новый. Как думаешь?

— Так и мой только что из магазина! — с горячностью сказал Мишка. — Я же его только раз надел.

— Этот так, — поддакнул я. — Лучше бы ты его не надевал. Раз надел — и сразу испортил. Кто ж его теперь возьмет? Даже в комиссионку не примут.

— Так я тебе сбавлю, — сказал Мишка. — Я с тебя не как за новый возьму.

Костюм мне был не нужен. Но не хотелось заканчивать беседу.

— Миша, хочешь совет? — сказал я.

Советы Мишка тоже не любил.

— Какой? — Он вскинул голову, готовясь ответить мне сразу же, как я только начну.

— Миша, сейчас же, сам знаешь, кругом подделка...

— Но у меня хороший! — перебил меня Кныш. — Такой костюм, как я купил, ты нигде не найдешь! Скажу честно, я его сам еле отыскал. Все нужные магазины перезвонил — нигде нет. А я по блату достал. Через знакомого.

— Да, ты не дурак, — похвалил я. — Ты знаешь, где покупать. Правильно, надо только через знакомого. Сейчас же, сам знаешь, какое время. Везде только бизнес, хороших товаров нет, кругом подделка. И кофе, и сигареты, и всякие там лекарства... Особенно по блату, через знакомого. Он же бизнесмен?

— Кто?

— Ну, кто, кто... Тот, у кого ты купил. Он бизнесмен?

— Естественно. У меня все друзья бизнесмены.

— Значит, подделка, — сказал я. — Из какого-нибудь дешевого материала шьет. Вот ты бы — если бы ты занимался такими костюмами! — ты бы стал тратить на дорогую материю, если знаешь, что покупать такие костюмы будут только несведущие? Такие, как ты?

Мишка помолчал.

— В общем, кругом бизнес — а у тебя хороший костюм пропадает, — опять, чтобы не потерять нить беседы, ободрил я

Мишку. — Куда ж ты его теперь денешь? А ведь хорошую вещь в магазинах трудно найти.

— Ладно, за полцены отдам, — выдавил из себя мой школьный товарищ.

— Да ты что? — испугался я. — Я так не могу. Какая там материя, я точно не знаю, но ты же за этот костюм хорошие деньги отдал!... Он же не пять рублей стоит! А ты — за полцены. Нет, я так не могу.

— Бери, — твердо сказал Мишка. Как сургучную печать поставил. — Тебе отдам за полцены. Как личному другу.

— Нет, я не могу. Тем более, личному.

Мишка насторожился.

— Что это ты? — хрипло спросил он. — Ты ж понимаешь, мне все равно его везти обратно. А тебе потом по магазинам бегать, искать.

— А у меня денег с собой нет, — соврал я. — Представляешь — ни копейки. Все перед отпуском истратил, потому и в деревню приехал. Тут дешевле, чем на Черном море. Причем, с обеих сторон: с нашей стороны дешевле, где Крым, и от Турции, с другой стороны, — тоже дешевле. И даже со стороны Греции. Тебе Греция понравилась? Ты говорил, что был там.

— Сволочь, — сказал Мишка. — Что же ты мне раньше не сказал, что у тебя нет денег?

— Ну, сейчас такое время... И везде подделки. Даже мёд теперь делают из сахара... — Я сделал паузу. — А у меня настоящий, сам видишь.

— Ладно. — Мишка хлопнул себя по коленке. — За одну треть мой костюм возьмешь?

— Миша, подумай сам: ну зачем мне этот костюм? — пожалел я его. — Я и без телогрейки подхожу к пчелам, я знаю, как к ним подходить. И даже без накомарника. Ты же сам видел сегодня.

— Что ж ты раньше мне не сказал?

— Про што?

— Што тебе не нужен костюм.

— Миш, но поговорить-то надо! Что ж нам тут с тобой — молчать, что ли? Ну чё ты ждешь, доставай свою водку, надо ж поговорить.

Водку Мишка сразу достал. Когда выпьешь одну бутылку на двоих, всегда кажется мало.

Миша полез за бутылкой, которая дорогая. И к дорогой нам, естественно, пригодилась и баночка икры, которую Мишка хотел на отъезд, и две банки с сельдью, и ветчина, и еще там много было чего в чемодане. Хотя селедку мы сразу

выбросили — чтоб не съесть её машинально, под последний стакан, и не отравиться.

Посидели, выпили дорогию. Естественно, опять не хватило.

— А тут, поблизости где-нибудь магазин есть? — спросил Мишка.

— Только в соседней деревне, — сказал я. — В нашей уже нет никого, осталось три дома, остальные мужики переехали в соседнюю, где можно чего купить. Так что всё покупаем в соседней, даже молоко. Но сегодня я не пойду. Мне лень.

— Ладно, сам сбегаю, — сказал Мишка. — Коко тут идти до соседней деревни?

— Километр, — сказал я. — Мы с тобой уже шли, ты что, забыл?

— Мне показалось, километров двадцать. — Он встал со стула. — Ладно, сбегаю.

— Деньги дать? — машинально спросил я.

Мишка остановился.

— Да вообще-то у меня есть. — Он опять достал чемодан из-под кровати, вытащил из него кошель и, выпятив нижнюю губу, посмотрел. — Вообще-то у меня только эти... зелёные. У тебя есть простые? — Мишка достал из под зеленых простые, бумажные, и, выпятив губу еще больше, взглядом пересчитал бумажные. — Простых денег у меня мало, только на обратный билет. Ты не в курсе, там, у них в железнодорожной кассе, есть сдачи с зеленых?

Я дал ему двадцать рублей.

— Ну ты чего? Что ты мне в лапу засунул? Я же сказал: у меня только зеленые. А водка, даже самая дрянная, стоит за сотню. И больше.

— У нас, здесь, в деревнях, бутылка водки стоит двадцать рублей, — сказал я. — Хоть дрянная, хоть хорошая. Больше двадцатки не давай, если спросят.

— Двадцать? — Мишка посмотрел, не разыгрываю ли я его.

— Миша, мы же с тобой интеллигенты, и врать мне противно. Двадцать рублей — и не хуже, чем за сто пятьдесят. Но если будет выбор, бери лучше самогон, он безопаснее.

Мишка снял с себя тренировочный костюм, который покупал в Москве в хорошем магазине, у бизнесменов. Вытащил из чемодана выходной костюм под белую сорочку и галстук. Нормальный костюм, в котором не стыдно зайти, например, в столичный театр. Переоделся.

— Миша, — добро сказал я. — Если пойдешь по деревне в этом костюме, то самогон тебе продадут рублей за четыреста.

Если не хочешь идти в своем тренировочном, надень дедову телогрейку.

Мишка понял. Всё, что касается купли-продажи, Мишка понимает гораздо быстрее, чем всё остальное. Снял хороший костюм, напялил на себя дедову телогрейку. И — руки в ноги. В соседнюю деревню, где самогон за двадцать рублей. А я залез на печку и стал смотреть телевизор. Лежа на печке, смотреть легче, если вдруг объявят об очередном повышении цен на бензин. Мне-то, конечно, бензин ни к чему. Но после бензина все цены на все товары поднимаются, как крапива на огороде.

Цены в тот раз не объявили, решили, как всегда, втихаря повысить, чтобы дать возможность телевизионщикам с государственного канала потом попридуриваться, позадавать вопросы за «круглым столом», мол, почему нам заранее не объявили, почему скрыли, почему душите свободу слова; им же там, на том канале, приятно потом объяснить в очередной раз всем радиотелеслушателям и зрителям: мужики, это, оказывается, повысили специально, чтобы заторов на дорогах стало поменьше... Вот ведь, гады, с нашей земли, с наших недр нефть качают, и нам же продают ее втридорога. Это же надо дойти до такой наглости: продавать крестьянам солярку дороже, чем молоко, за которое они дают им потом по полкопейки! Ну и клопы... Солярка-то должна раз в двадцать стоить дешевле крестьянского молока!

С полчаса я смотрел в телевизор и ждал: вдруг с госканала чего-нибудь скажут о бензине или о мировых ценах на нефть — им же тоже надо работать, болту говорить... Но на всех каналах шла реклама — и я быстро уснул. А добрый сон лучше похмелья: когда Мишка прибежал, я был уже трезвым.

Мы опять сели за стол. И бабка достала из печи котел вареной картошки и крынку с топленным молоком. На закуску. И когда Мишка попробовал топленое — ох, как оно ему понравилось, ох, как понравилось... Особенно с вареной картошкой. Недопитую крынку с молоком с собою на печь уволок — чтобы ночью отпаиваться.

Да, хорошо посидели... Так что наутро у Мишки — даже после топленного молока! — очень болела голова, и он перенес всю работу по уходуванию за пчелами на конец недели. А я и не спорил. Зачем мне спорить — погода-то была нелетная. Шли дожди.

Дожди шли с неделю. И к концу недели я истопил баню. В баню Мишка любил ходить. Но не в такую, как у меня, в настоящую, — а в городскую. В московскую. Когда-то мы с ним вместе ходили по баням в Москве, а потом я перестал.

Перестал после того, как начал ходить в дедову деревенскую баню. В настоящую. А после настоящей бани в городскую уже не пойдешь — как говорят, слишком большая разница. Причем, не в пользу городской.

Истопил я и стал ждать Мишку: он сказал мне, что в деревенскую, которая по-черному, с сажей, — не пойдет ни в коем случае. Но я знал, что он придет: Мишка любил париться и ходил в Москве в самые дорогие бани — чтобы получить кайф. А в Москве, хоть и много бань, но хороших нет — там только подделка. И чем дороже, тем хуже. Потому и пьют там, в московских банях, очень много пива — больше, чем в простых пивных. Без пива там, в городских и столичных банях, вообще нечего делать.

Про деревенскую баню Мишка тоже ничего не знал. Естественно, он же городской. Откуда ж городским знать про деревенские бани?...

Так что через полчаса Мишка не утерпел и всё же пришел. Расхлебавил двери, стукнулся о дверной косяк — и уселся на лавке у самого входа, поглядывая по сторонам: много ли здесь сажи и где можно сесть, чтобы не испачкаться.

Про баню по-черному Мишка абсолютно ничего не знал. Не знал, что испачкаться сажей в ней невозможно — если, конечно, не принять до этого ведро самогона. Самогона или просто воды. После ведра воды — на следующий день, когда наступает похмелка! — так же хочется лезть вверх по стенке, как и после ведра самогона. Зато я знал — как сделать так, чтобы новый человек, который никогда не был в деревенской бане, сразу б не убежал из неё, когда кто-то начнет поддавать там хорошего пару.

— Миша, сядь на тот край, а то лавку перевернешь, — сказал я. — На дальний конец. Что ты, как сирота, сидишь тут, у входа? А я чуть-чуть поддам пару. То холодно.

Холодно не было, но я немного поддал. Мишка сел в дальнем углу — и когда я поддал третий раз, то встать на ноги, чтобы убежать, было уже поздно: слишком горячо двигаться. Когда поддаешь нормально пару, то — если сидишь вверху на «полке» или просто на лавке! — то в это время лучше не шевелиться вообще. Чуть шевельнешь рукой или ногой — и сразу обжигает. А Мишка, естественно, после первой поддачи, когда я плеснул поначалу чуть-чуть, — Мишка сразу пересел с лавки повыше, на полку: чтоб получить кайф. И я б сделал так! Чего ж сидеть на лавке в холоду, если наверху есть полку?

Когда я поддал в четвертый раз, Мишка осторожно сполз на пол. И сразу же захотел выскочить в предбанник. И я бы

так сделал, если б можно было. Но для этого же — чтоб выскочить! — нужно еще раз пошевелиться! Пошевелиться — чтоб доползти до дверей. В московских банях, куда мы ходили когда-то с Мишкой, тоже иногда кто-нибудь из нас поддавал хорошего пару. Но это было редко: там обычно мешают те, которые не хотят, чтобы пару было много. Хотя мы всегда старались поддать там побольше и тоже, бывало, иногда не могли пошевелиться, если пар был хороший. Сидели первые две-три минуты молча, прикрыв рот ладонями, чтобы не обожгло легкие... Но в дедовой бане пар можно сделать еще крепче.

— Ну, как? — спросил я. — Еще поддать или подождать?

— Подожди, — медленно, чтоб не обжечь губы, сказал Мишка. — Не сразу.

Что ж, не сразу, так не сразу.

Горячий пар стал оседать, теперь можно лезть на полочку. Я прошел, пригнувшись, в сторону Мишки, сел вначале на лавке, подождал, пока пар еще немного остынет, и полез на полочку.

Харр-рошо!

Мишке стало неудобно, что я вверху на полке, а он сидит внизу. Ведь когда-то мы вместе... Причем, совсем недавно, лет шесть-семь назад.

— Ну чё, еще поддать? — спросил я, прикрывая рот рукой, чтобы легче было дышать.

— А веники есть? — выдохнул Мишка тоже через ладонь.

Не совсем дурак, знает, о чем спросить.

Я принес из предбанника два свежих веника, которые наломал. Окунул в кипяток и сразу вытащил.

— Запаривай их как следует! — скомандовал Мишка. Как раньше, до того, как приехал ко мне откачивать мёд. — Ты что, не знаешь, как их запаривать? Запаривай, чтоб лист сошел!

— Свежие не запаривают, — сказал я. — Ты что, никогда не парился свежими? — Я подумал: пожалуй, следует отдубасить Мишку как сидорову козу: чтоб больше не выпендривался, знал своё место по жизни! — Давай, Мишуля, ложись, — сказал я. — Сейчас отпарю тебя, как сидорову козу.

— Нет уж, давай я тебя первый, — неопределенно сказал Мишка. — А то... А то...

— Так у тебя же сил не останется, чтобы потом ложиться под веник, — сказал я.

Мишка подумал.

— Соображаешь, — нехотя согласился он. — Правильно: лучше вначале ты будешь парить меня, когда веник еще хороший. А я — потом.

Мишка заполз на полок, я макнул веники в холодную воду и — веник по венику! — начал нужную процедуру. Отхлестал так, что Мишка едва сполз на пол. И, когда сполз, сил у него, естественно, уже ни на что не было. Я залез наверх, расположился, прикрыл голову правой рукой — на всякий случай: вдруг Мишка захочет тоже меня отдубасить как сидорову козу... Мишка поднял веник — но сил у него, естественно...

— Ну что же ты, — вроде бы обиделся я. — Я же тебя хорошо отпарил, а ты меня?

Мишка еще пару раз стегнул — и поплёлся в предбанник. И я тоже. Мы сели на лавку в предбаннике — дверь на воздух была открыта, и воздух там, за дверью, был сладкий, как мёд. Даже лучше. Это ведь и на самом деле такое удовольствие — подышать после парилки чистым деревенским воздухом! Ни с чем не сравнить.

— Слушай, вот это баня! — сказал, всё еще пуча глаза, мой приятель. — Давно я такого пара не чувствовал. Во благодать, а? А я думал, в деревенской хуже.

Мишка достал из целлофанового пакета пачку очень дорогих сигарет — и мы закурили.

— Сюда бы еще и пивка, — мечтательно проговорил он, — тогда и вообще бы.

Я вытащил из пакета двухлитровую пластмассовую бутылку с квасом.

— Что это? — У Мишки даже губа оттопырилась. — Неужели...

— Нет, Миша, это не пиво, в которое сейчас везде льют спирт и после которого ходишь полдня как пришибленный и ничего не соображаешь. Это квас с мёдом и клюквой. Хлебни — и не оторвешься.

Мишка хлебнул — и на мою долю осталось меньше половины.

— А я-то, дурак, себе баню по-белому сделал. — Он хохотнул. — На своей даче. В моём коттедже. Там у нас все делают по-белому. Во всех коттеджах. Во дураки, а! Приеду — сразу раскурочу всё и сделаю так же, как у тебя. А потом приглашу всех, кто меня не уважает, посажу в дальний угол — и поддам. Раз десять. Умору, чтоб не мельтешили перед глазами... — От предвкушения того, что он может сделать, Мишка совсем подобрел. — Слушай, давай завтра опять твою баню истопим... Но завтра я первый буду тебя парить! Ты сядешь в дальний угол — а я... а я — поддам.

— Баню в деревне топят раз в неделю, — хмыкнул я. — На каждый день дров не хватит. Так что...

— Да? Обидно. А то бы я... Я бы тебя...

— Я знаю.

— А то сегодня у меня сил не было. Надо, кстати, зарисовать тут у тебя: как сделать вот так же. Чтоб не забыть.

— Что тут рисовать-то? Обыкновенная деревенская баня. Не обшитые досками бревна, куча гранитных камней, сбоку котел, а на потолке — дырка с задвижкой... Но тут настоящий дух — а его дают только такие прокопченные бревна, как в бане по-черному. Это как копченая рыба — без хорошей коптильни от нее духа не будет. Ты копченую ел?

— Опять ты меня обидеть хочешь. — Мишка посмотрел на меня с некоторым укором. — Слушай, был бы ты нужной породы, я б тебя в свои замы взял. Помощником. Скажу тебе честно: мне такие люди нужны. Я бы тебя... Жалко, что ты...

— А почему я не нужной породы? — опять вроде бы обиделся я.

— Но ты же не по этому делу. Не по бизнесу. А бизнес — знаешь, что это такое? Бизнес — это умение правильно считать. А правильно считать умеют только очень умные люди. Очень. Нужной, так скажем, породы.

— Чтобы правильно считать, нужен калькулятор, — умно сказал я. — А если нет калькулятора, можно и на компьютере.

— Дурак, — коротко, будто икнул, сказал Мишка. — Правильно считать можно только в уме. Иначе пропустишь процент. На бумаге — одно, а в уме должно быть другое. Без хорошего процента бизнес не работает... А нужная порода — только у нас. — Мишка почему-то скусился. Но тут же воспрял. — А про стену плача я тебе не скоро забуду. И замом тебя не возьму! Чтобы ты, таки, знал, не строил там...

— Иллюзий, — подсказал я.

— Правильно, иллюзий. — Мишка повернул ко мне голову и, выпятив нижнюю губу, почти с сожалением закончил: — Жалко, что у тебя не такая порода.

— А какая у тебя? — спросил я. — Ты больше похож на китайца, чем на...

— А у меня такая, какая нужно, — не отвечая на поддёвку, сказал важно Мишка. — Если бы не наша порода... — Он задрал голову вверх, прогнулся в спине и, приподняв брови, опустил глаза, чтоб не потерять меня из виду. — Да ты сам рассуди, — сказал сверху Мишка. — Все в мире банковские империи — это мы там. Мы там главные. Все банки, все ювелирные магазины... А в Голливуде кто? — Он ткнул себя в грудь. — Тоже мы! Кто еще мог создать такую мировую киноимперию? По отмыванию этих... По сбору. Сейчас, когда везде рынок, даже на нашем телевидении все лучшие филь-

мы — это оттуда, с Голливуда. Понял? И везде — мы! — Мишка ткнул себя в грудь кулаком.

— А ты разве с Голливуда?

— Ну, это я так, к слову. Как Анатолий Борисович. Он так всегда говорит у нас на собраниях.

— Думаешь, не много он на себя берет?

— Не думаю, — сказал Мишка. — А ты думаешь, кто делал в России первую революцию?.. Мы!

— Девятьсот пятого года?

— И девятьсот пятого, и семнадцатого, и в начале девяностых... Неужели ты не понял, что любая революция — это просто реформа? С винтовкой в руках.

— Да, — растерянно сказал я. — Спорить не буду: главное в любом деле...

— Нет, не винтовка. И даже не автомат. Главное — инициатива. К примеру, кто-то из наших по делу что-то сказал — а ваши все кругом уже стоят с ружьями и спрашивают нас: в кого, братцы, стрелять, чтобы всё, как говорите, было по справедливости? Чтоб у богатых отнять и перераспределить по совести!

— Дураки, — сказал я.

— Конечно! — воскликнул Мишка.

— Я не про тех, — сказал я. — Я про первых.

— Про этих?.. А почему, думаешь, эти... эти, которые первые, — такие уж и дураки?

— Да потому что умных людей в мире очень и очень мало, и они ничего не распределяют...

— Ой, мало умных, ой, мало! — Мишка схватился за голову. — Вот в этом ты прав! Даже среди нашей породы...

— А наверху, когда всё уже перераспределят между собой, — в самом конце обязательно на самом верху опять оказывается какой-нибудь дурак — из самых жадных, которым всегда мало.

— Да, — сразу согласился со мной Мишка. — И потому реформы никогда, скажу тебе, не закончатся. Это я только тебе. Как другу.

— Но в конце каждой будущей реформы все равно наверху обязательно окажутся... — начал подсказывать я.

— Да, ты соображаешь даже без калькулятора. В конце концов там обязательно окажутся... — Мишка опять скуксился. — Там всегда оказываются...

— И чем глупее жадный, — продолжил я, пока Мишка соображал, — тем больше амбиций: дурак всегда думает, что уж он-то — среди всех вас! — самый умный. И всегда у него руки чешутся: хочется от себя чего-то нового. Более свежего,

чем эта твоя селедка, которую мы пару дней назад выкинули с тобой на помойку.

— Но вначале она была хорошей! — сказал Мишка. — Когда я её покупал, она такая казалась...

— Не ты же её засаливал? Ты бы сделал лучше.

— Конечно! Я бы всё это сделал, как надо. Молодец, сообщаем. — Мишка искоса взглянул в мою сторону. — Но про стену плача я тебе никогда...

— Миш, ну что ты, в самом деле...

— Все равно не забуду. Хотя кое в чем ты, конечно, прав: там, наверху, после распределения, почему-то всегда в начальниках оказываются...

— Самые из всех жадные. А жадность — это первое свойство...

— Да, — сказал Мишка. И надолго задумался. И когда вышел из прострации, добавил вслед: — Впереди всегда оказываются самые жадные и самые тупые. Которым всегда мало. — Мишка печально опустил голову. — Так вот подумаешь: вроде бы жить дуракам да жить! И налоги отстёгивать. Ан нет! Такие, скажу тебе, глупые... Но это я только тебе. Как другу. Больше никому. Ведь если по большому счету... Если по большому, то для того, чтобы считать в уме, много ума, тебе скажу, ума много не надо. А, может, и вообще никакого. Как другу.

— Конечно. Греки, к примеру, в пору расцвета их цивилизации, умели считать только до десяти тысяч. А всё, что дальше, называли бесконечностью. Потому что были нежадные.

— Да ты что? Точно? Во, греки умный народ!

— Но шумеры, к примеру, которые жили еще до греков и даже до египтян, умели считать до тридцати нулей. Как мы сейчас.

— Да что ты говоришь!

— Потому и пропали, — сказал я. — Исчезли из истории, и никто не знает, куда.

— Да ты что! Ох ты!

— И аккадцы тоже умели. И тоже куда-то... А после них — иудеи...

Мишка приподнял брови.

— Иудеев не трожь. — Мишка подозрительно посмотрел в мою сторону. — Не трожь богоизбранных.

— Так ты же, Миша, неверующий!

— Неважно... А где это ты всего этого начитался?

— Миш, но я же не занимаюсь бизнесом. Читать — читаю, но считать...

— Да, жалко, что ты не умеешь правильно считать, я б тебя взял... — Мишка подумал. — Но об этом даже не думай. Я

тебе, про твою стену с плачем... Про эту стену плача я тебе никогда не забуду.

— Миша, ну что ты, в самом деле, что ты расстроился? Думаешь, тем бедным людям даже и поплакать негде? У них же такие учителя... И все — избранные. Они же, эти учителя, — они же, кроме того, что неправильно считают — ничем другим в жизни не занимаются: из них энергия бьет, как из нефтяного фонтана. И всё — идеи, идеи... В башке — только проценты! Всё в голове, на бумажках не пишут: мозгов-то нет, только арифмометр по процентам!

— Но нефти у нас там нет, — грустно сказал Мишка. И тотчас поправился: — А и не надо, зато самим не нужно качать! Когда есть деньги, то всё остальное... Как думаешь?

— Но лучше всё остальное, чем такая малость, — сказал я.

— На полном серьёзе?

— Естественно. Ты ведь знаешь: жадность — это первое свойство...

— Дураков! — радостно выпалил Мишка.

— Эх, дать бы тебе сейчас хорошее...

Мой бывший школьный товарищ внимательно посмотрел на меня.

— Ты дурака-то из меня не делай. — Мишка нахмурился. — Не надо делать из меня этого...

— Ну что ты, Миш... Я же просто учусь у тебя, как проводить реформы: главное — подвести к мысли, а всё остальное за тебя сделают те, кого ты подвёл.

— Не надо. Хотя, конечно...

— Конечно, ты прав: жадность — это первое свойство дурака.

Мишка поднял голову.

— Да я бы... — он задохнулся. — Я бы всех этих жадных, которые... Я этих, этих я... Всех жадных... — Русских слов не хватало, и Мишка, по-моему, пожалел, что родился не на Украине: в украинском языке русских слов еще больше, чем в русском. — Я бы всех жадных, тебе скажу! — Мишка утер со лба пот. — Ты меня понял? Чтобы не мучились!

— Это ты зря, — сказал я. — Не знал я, что ты такой наци... нацио... Извини, нужное слово забыл.

Мишка начал остывать.

— Ну чё? — сказал я, поёживаясь. — Может, пойдем в хату, примем на грудь? И поговорим о погоде. Если завтра будет погода, тебе, Миша, придется...

— Знаю, знаю, — скороговоркой произнес Миша. — Но то — завтра. А сегодня...

— Но про банковскую империю ты хорошо сказал: все банки — ваши.

— Естественно.

— А банки там, в этой империи, частные?

— Конечно.

— Тогда плохо. Частный банк — это обыкновенная ростовщическая лавка. Но в стиле модерн. Под черный квадрат. Работают под процент, считают в уме. Так что правильнее бы называть твою империю...

— Ну, ты уж совсем... — Мишка еще раз скуксился. — Хотя, конечно...

— Миш, а что ты говорил о Голливуде?

— О Голливуде? — Мишка опять воспрянул. — Голливуд — это мировая киноимперия, которую создали тоже мы! — Мишка не удержался и опять стукнул кулаком себя в грудь. Как Анатолий Борисович.

— Что касается твоей киноимперии, то более мерзких сцен, какие они там придумывают и потом делают на этом свои деньги...

Мишка сморщился.

— Да, тут они немного переборщили. — Он посмотрел по сторонам. — Но это же всё рассчитано на потребителя.

— Только на дебилов.

— А с них самый большой доход, они же за всё платят!

— Миша, так те, которые на Голливуде, сами такие! Эти ж фильмы делают только самые ущербные люди, которые раньше, в детстве, подсматривали в замочные скважины. Или залезали на крыши домов, чтобы заглянуть в женскую баню... Или просто пакостили друг другу. Ты вспомни, что печатает их пресса: у них там, в голливудской компании, самое большое развлечение — это напакостить друг другу. Они ничего другого просто не умеют. Причем, с самого детства.

— Но это же востребовано!

— Что востребовано?

— Такие фильмы, вот что!

— Да брось ты. Кем это востребовано, кроме таких же ущербных, как эти, которые... Сейчас даже наши режиссеры — из самых ущербных! — тоже делают на этом деньги. Это же так просто: делать деньги на дураках. И потому теперь все наши фильмы и смехопанорамы — сплошная ущербность. Посмотришь, а там — что в зале, что на сцене! — там же у всех личики полных... Забыл слово. Но все — ваши!

Мишка стал думать. И совсем скуксился.

— Но деньги в нашем мире всё же пока главное, — неуверенно выговорил Мишка. — Деньги пока...

— Это пока, — сказал я. — Вспомни шумеров.

— Ну, а что ж сделаешь, если сейчас весь мир такой.

— Какой?

— Ну, из этих... Сам знаешь, из кого. Я тебе только что подсказывал.

— Ну, это ты зря. Не весь мир. Только у тех, кто работает под процент. Торгует деньгами. Ни на что другое ума не хватает. Думает, что ежели он нагрёб под себя миллион, значит, он умный. А для этого не нужно никакого ума. В голове вместо мозгов — деньги, которые печатают на бесплатном станке в вашей Америке. Сколько их ни напечатай — в голове всё равно будет пусто. Клопинуные мозги там, под черепушкой. Миша, как ты думаешь: клопу нужны человеческие мозги? Чтобы он тешил себя надеждой, будто он умный?

По крыше мелко забарабанил дождь. И через минуту затих: в жаркое лето дожди коротки и не противны.

— Ну чё? — Я выглянул через открытую дверь. Небо было сыро и неопрятно. Но погода явно шла на поправку. — Ну чё, пойдём в хату?

— Пойдём. Пойдём в твою хату, перекусим чего-нибудь, что приготовила твоя бабка, — оживился Мишка. — У неё наверняка найдётся хорошая закуска!

— Вряд ли она там чего приготовила, — сказал я. — Наверное, только то, что послал Бог. А в деревню никто ничего лишнего давно уже не присылает. Все думают, что здесь и так всё есть. Это я — только тебе. Как бывшему другу.

— Почему бывшему? — обиделся Мишка.

— Но ты же националист, — сказал я. — Знал бы я, с кем тут имею дело...

Мишка посмотрел на меня.

— Нет у тебя ничего... — Мишка забыл нужное слово. — Ничего у тебя нет...

— Святого, — подсказал я.

— Вот именно.

— Так время, Миша, такое. Сейчас время барыг, или, как вы учите, эпоха рыночной экономики. Потому и жить трудно: остались одни уроды! Вы же всю красоту из людей выбили — чтоб все были одинаковыми, похожими на вас. Чтoб никого не стесняться. Скоро все горбатые будут считаться красавцами. Как геи. Так что выбора сейчас нет: или делай бизнес, как ты, или сиди и пей водку.

— А можно делать и то, и другое, — ободрил сам себя Мишка. — У тебя там, в заначке, что-нибудь осталось? У меня, к примеру, ещё есть.

Объединённые идеей, мы вышли из бани и, сбивая по пути высокие одуванчики, пошли по узкой тропинке вверх, к хате.

Еще через неделю я откачал мёд. Предварительно, до главного медосбору, который в августе. Мишка крутил тяжёлую медогонку, а я проявлял инициативу, подсказывал, давал советы. Сам Мишка проявлять инициативу никак не мог: на верхней губе у него было четыре волдыря, а на нижней... На нижней, по-моему, был один, но объединенный из нескольких.

Под конец, когда мы уже откачали, он всё же нашел в себе силы и прошепелявил:

— Штранно. Ты говорил, что ш каждого улья — по ведру... А тут всего два.

— Миша, так это еще не вечер. Главный-то медосбор только сейчас начнется. По осени, естественно, накачаю ведер семь. А, может, и больше.

— А што жи ты мне раньше не говорил? — Мишка пошевелил губами, чтобы размять. — Я бы мог и к августу отпуск взять.

— Но у тебя был записан в июне. Ты сам говорил.

— Но я бы мог... Хотя, конечно... — Он посмотрел в открытое окно, на деревенскую природу. — Красиво, конечно, тут. Но пусто...Людей нет. — Он вздохнул. — В августе лучше отдыхать на Канарах, а не тратить время на... Или в Турции, там дешевле.

— Да, теперь у нас пусто, — согласился я. — В деревнях никого не осталось, даже побеседовать не с кем. Все разбежались, кто куда. Бизнес делать, как вы учите. И отдавать вам процент. А остальные, кто считать в уме не научился, — те все уже померли. А кто не помер, тот пьет. С утра и до вечера. Так что жрать вам всем скоро нечего будет. Только синтетику. Из подделок. Придется вам еще один трубопровод на запад гнать: чтоб хватило денег на синтетику, которой они вас будут кормить.

— Да, только два, — проигнорировал мою мысль Мишка. — Только два, — прошепелявил он, обозревая два больших ведра, до краев наполненных тяжелым, густым мёдом. — Но ты помнишь, как мы уговаривались с тобой в Москве? А уговор, между прочим, дороже денег.

— А как мы уговаривались?

— Всё, что откачаем, всё забираю с собой.

— Мы уговаривались, что всё пополам. И свою половину потащишь сам.

— Но потом ты сказал: всё, что утащу — моё! Ты чего, отказываешься от своих слов? Начинаешь жадничать? — Мишка загорячился. — Вспомни, что мы с тобой говорили в бане про жадных!

— Да чего ты так разволновался? — Я кашлянул. — Всё, что утащишь — всё твоё.

— Вот так! — Мишка победно посмотрел на полные вёдра. Как хозяин на сундук, набитый добром. — А тут только два! И я их, естественно...

— Тащи, — сказал я. — Но я помогать тебе не буду: мы договаривались, что тащить будешь сам. Дотащишь?

— Умные люди говорят: своя ноша не тянет. Из умной породы. Дай марлю и бечевку. Надо завязать, чтоб не пролилось по дороге.

На следующий день Мишка отбывал в столицу. Стояла жара — не продохнуть. Мы попрощались в хате, я выходить не стал.

— Скучно, наверное, будет одному-то? — пожалел меня мой школьный товарищ. — Всё же такая глушь...

— Да ничего, как-нибудь. Надо же пережить эпоху рыночной экономики: в Москву сейчас не приедешь, там сплошь одни охранники: холуи, охраняющие представителей созревшей эпохи.

Мишка взялся за ручки вёдер и попробовал эти вёдра чуть-чуть приподнять. Мишка не знал, что мёд тяжелее воды почти в полтора раза. И что в каждом эмалированном ведре — если не до краев — почти пуд. А если до краев — то килограммов под двадцать. Так что тащить два пуда в руках... Причем, с гаком.

— Что-то тяжело, — сказал мой приятель, опуская ведро на пол. — Ты мне не поможешь? Тут рядом, один километр. А дальше, на станции, я возьму, конечно, такси. И в Москве тоже.

— Не, Миш, — сказал я. — Мне лень. К тому же уговор, как ты говоришь, дороже всяких там... Слово забыл, подскажи.

Мишка с отчаянием посмотрел себе под ноги.

— А рюкзак у тебя есть? — спросил он, подумав.

— В рюкзаке ты мёд не утащишь. Прольется. Так что только твой чемодан.

— Чемодан я оставлю, он тебе пригодится. Знаешь, коко я за него отдал? Он хоть и маленький, но кожаный, и с колесиками... Тебе такой чемодан обязательно нужен!

— Коко? — спросил я. Хотя Мишкин чемодан мне тоже был абсолютно не нужен.

— Да я тебе его за полцены отдам! Но... Но за это ты...

— Не, уговор дороже, — твердо произнес я.

Мишка подсел под ведра — как под штангу! — и встал. Я помог открыть дверь, прошел сзади метров пять. Дальше идти было незачем, Мишка все равно остановился.

— Нет, два я не утащу, — честно сказал он. — Дай мне пустое ведро, я разолью одно на два. Уж по полведра-то я...

Мы молча разлили одно ведро на два, Мишка поднатужился — я открыл дверь... Мы вместе дошли до дороги, напротив сада, в котором дедовы ульи, с которыми я не знаю, что делать. И остановились, чтобы Мишка отёр со лба пот и немного передохнул. Естественно, Мишка же сразу вспотел!

Но когда на жаре потеешь, тем более, рядом с ульями... К тому же от ведер несло именно таким запахом, который любят пчелы. И если такой запах не из ульев, значит, мёд украден. А пчелы всегда на стрёме!

Одна подлетела к Мишке сразу — и я отошел в сторону... Пчела так громко жужжала, будто её кто укусил. Потом впилась жалом в Мишкино левое ухо и замолчала. И еще штук пять-шесть были уже на подлёте... Но реакция на пчелиный укус у моего школьного друга кой-какая всё же выработалась. И он, хоть и сморщился, но, заметив, что я смотрю на него, постарался принять более-менее бесстрастный вид. Он смотрел на меня, стараясь не морщиться, и только уши его все багровели и багровели.

— Ничего, это полезно, — сказал Мишка, будто кого-то успокаивая. — Пчелиный яд — это... — Он не договорил: его укусила вторая. Он опять посмотрел на меня. — Уже два раза, — весело сказал он. — Но первые секунды уже прошли — и Мишкины уши начали наливаться кровью. Наверное, так наливаются у испанского быка глаза, когда испанскому быку показывают красную тряпку. На русских быков, насколько я знаю, тряпки не производят должного впечатления.

Я отошел от Мишки еще шага на два, чтобы — если он побежит! — не мешаться у него под ногами...

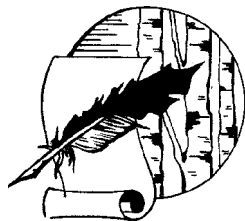
— Ну, всё! — сдавленным голосом произнес мой школьный товарищ. — Я пошел. — Он поднял за ручки два ведра, наполненные наполовину, — и, качаясь из стороны в сторону и топая, как лошадь на плацу, пошел-побежал в сторону большака, к соседней деревне. — А чемодан, если тебе не нужен, выброси на помойку! — не оборачиваясь, крикнул он. — Забрось его туда, где селедка. Кожу для чемоданов, скажу тебе, теперь делают тоже непонятно из чего! Но не из кожи!

...И вот теперь я сижу в деревне один. Главный взятки по медосбору прошел, надо откачивать мёд. В этом году, пожалуй, ведер девять будет. А может, и больше. И куда его деть, этот мёд? Я же его... И моей бабке тоже много не надо.

И есть у меня одна идея. Приехать в Москву пустому, ничего с собой не брать. Сходить там на московский пчелиный базар, где мёд в бочках привозят и на каждую честно наклеивают бумажку: «липовый...» Купить там маленькое ведерко этого липового, товарного, поддельного, притащить к Мишке и сказать: «Миш, я тебе немножко мёду привез. Подарок, денег не надо. У меня его много: девять ведёр в деревне стоят, не знаю куда деть. Я-то его... А мёд настоящий, без подделки, сам знаешь...»

И куда ему деться, этому Кнышу! Моему школьному товарищу. С его нижней губой и генетическим даром считать в уме, чтобы иметь хороший процент. И он опять ко мне в деревню за мёдом придет: у него хорошая машина, кажется, джип. Доедет на джипе до соседней деревни — а от моей деревни до соседней мне знакомые мужики донесут. Поставлю мужикам бутылку самогона — они хоть десять ведер отволочут. Ну, в крайнем случае, поставлю им две, Мишка расплатится. И обойдется мне всё это... В общем, одна бутылка самогона стоит... А две... А потом еще поделить на два: мы же с Мишкой уговорились, что всё поровну... Но надо правильно посчитать. На бумажке. В уме-то, конечно, тоже можно, но... Может, стоит научиться считать в уме? Так, как считает Мишка! Чтобы знать, кто кого и насколько. Хотя... Хотя никакого ума для этого не надо.

И мы славно проведем с моим школьным товарищем время. Попаримся, побеседуем о жизни...

Геннадий **ПОПОВ**
(1940—2015)

ДУШОЮ СЛЫШУ ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

ГАРМОНЬ

Я продал зря свою гармонию:
Во сне опять на ней играю.
В окошках светится огонь,
И лай собак звенит с окраин.
Традиционная луна
По звёздам катит.
Тихо в мире...
Проснусь — и память, как вина,
Устало бродит по квартире.

СТРАННИК

Он хранит очень странные вещи
И гуляет в небесном саду,
Забывая в прозрении вещем,
Что бормочет у всех на виду.
На глазах у всего мироздания
Собирает в бездонный ларец
От судьбы и людей подаянья
Нищий странник, счастливый творец.
Глас небес и земных откровений
Прозвенит в первозданной тиши,
И забьется движенье мгновений
В тайниках его светлой души.
Родниковое слово пробьется
Из видений, бессвязных, как сон,
Явит чудо...
И горько напьется
В одиночку на радостях он.

* * *

Николаю Дмитриеву

Мы шли крошечным коридором...
Но не о том сегодня речь:
Мы шли во времени, в котором
Нельзя любимых уберечь.
Сквозило смутным непокоем
В тот предрассветный зимний час.
Часы подлунные конвоем
Незримо окружали нас.
Бесстрастных стражников Вселенной
Шуршал неторопливый шаг.
А время исходило пеной
На небе звёздном в двух ковшах.
Так было муторно и плохо,
Как будто кончился запой,
И в крике горло пересохло
От глупой ярости людской.
Вставало знобкое светило
В окне небесного куска.
Нам душу снегом заносило,
И жгла вселенская тоска.

* * *

Душою слышу глас небесный...
Над сонной речкой мир затих.
В краю лугов за кромкой леса
Остановился вечный миг.
Дожди осеннего звучанья
Омыли влажный окоём...
Среди покоя и молчанья
Так хорошо идти вдвоём.
Но только тени одиночеств
Вокруг проходят не спеша.
Устав от пламенных пророчеств,
На миг очистилась душа.
Пустынной улицей под вечер
Иду и думаю о том,
Что в жизни вечно, что — не вечно?
Ответы оставляю на потом.

СИРЕНЬ

Так незаметно расцвела сирень...
Над миром солнце отмеряет сроки.
И падает сиреневая тень,
И ворошит сиреневые строки.
Весь белый свет в сиреновом цвету,
А прошлое — в сиреновом тумане.
И время, набирая высоту,
Все кружит и никак не перестанет.
А небеса безоблачно чисты.
В листве весенней — яркие просветы.
Еще не все в сиреновом кусты,
И не на все получены ответы.
Несу в руках сиреневый букет:
Свиданья жду во времени нескором...
Нас так давно уже в помине нет.
Но есть сирень за стареньким забором.

* * *

Пусть невидимо дым улетает
В безвозвратную звёздную даль,
Невесомую светлую стаей
Обращаясь в небесную сталь.
Пусть сегодня безмолвные звуки —
Этот шаткий и ветреный чёлн,
И твои мимолётные руки
Прочь уносит во времени волн.
Неизбежно ты будешь гордиться,
Что тебе посвящал я стихи...
Пролетая небесною птицей,
Я вернусь в тихом зове строки.
Той, которую ты не любила
Из живых недосказанных уст, —
Для тебя, недоступной, милой,
Без которой мир попросту пуст.

ЗЕРКАЛО

Всю жизнь смотрел и не заметил,
Какое в зеркале стекло.
Заметил...
Но на этом свете

Почти всё время истекло.
На мир в пространстве зазеркальном
Он с удивлением взирал.
И увидал в окне овальном
Недостижимый идеал.
Забилось сердце торопливо...
И, проклиная слепоту,
Шагнул он в светлое, счастливый,
Но провалился в темноту.

* * *

Прощальное тепло...
Сентябрь исходит светом.
Неведомо куда пропали облака.
Летает серебро, искрится бабье лето,
И стынет на ветру осенняя река.
Повыцвели к зиме небесные глубины,
И только на волне густеет синева...
А в роще молодой березы и осины —
Трепещут, шелестят невнятные слова.
В садах то тут, то там — ручьями облепиха
Стекает, янтарем, на солнышке светясь.
Уходит на покой торжественно и тихо
Прозрачных тополей серебряная вязь.
И нет всему конца, неведомо начало...
Не знаю сам, куда пылят мои следы.
Но осень на земле извечно означала,
Что время собирать неспешные плоды.

ЗВЁЗДНЫЕ МЕТЕЛИ

Журчит в тиши заснеженная речка,
Луна глядит из полного ведра.
Деревня не промолвит ни словечка
В сиянье звёзд до самого утра.
Лучистый свет возносится всё выше,
Колдуя на причудливых снегах,
Бегут созвездья по небесной крыше,
Как табуны в серебряных лугах.
Ах, кони, кони...
Звёздные метели
Мороз тихонько тронул под уздцы,
И в отдаленье словно зазвенели

Горящие на гривах бубенцы.
В согласии спустились ниоткуда
На Богом позабытые места
Святое новоявленное чудо
И грешная земная красота.

ДВОЕ

Морозный ельник затаился.
Я это чувствовал спиной,
Когда совсем с дороги сбился,
И ночь надвинулась стеной.
Кричал в бездонные провалы, —
Ни звука, ни огня в ответ.
Пока, промерзший и усталый,
Не ткнулся в свежий волчий след.
Волк шел в село тропой разбоя,
Звериным голодом гоним.
Нас в этом мире стало двое.
К жилью я вышел вслед за ним.
Мы на задворках разминулись, —
Я не посмел спустить курки.
И разошлись... И оглянулись —
Друг друга спасшие враги.

ЗАУТРЕНЯ

Дороги утреннего света,
Начало всех земных путей,
Зарёй восходят над планетой
С востока Родины моей.
Они взлетают над Отчизной,
Крылами горизонт обвив.
Дай, Боже, ей счастливой жизни
Во имя правды и любви!
Дороги утреннего неба
Летят над Родиной моей.
Создатель, дай ей мира, хлеба
И сыновей-богатырей!
Дай неприступных Ярославен
На крепостных её стенах.
Да будет стяг наш достолавен
Державной силою в веках!

Дороги утреннего мира,
Небесной Родины пути...
Дай, Боже, мне земного мига,
Чтоб с них подольше не сойти.

ЗИМНЕЕ ОДИНОЧЕСТВО

Ухожу, ухожу... Не взыщите.
Одиночество долгих минут
Не тревожат течение событий
И души покаянной уют.
О прошедшем устало жалея,
Успокоился ищущий взгляд.
Только старые раны болят,
Словно уголья в памяти тлея.
Что, болезные, ноете к ночи?
Непогода нахлынувших лет,
Как гадалка, привычно пророчит
В утешенье счастливый билет.
Не к добру расходилось ненастье.
Чует сердце моё — не к добру...
Я свое распоследнее счастье
Всё до доньшка выпью к утру.
И шагну за порог по рассвету.
И по-новому к ночи проснусь...
Много песен еще не допето.
Допоеётся? Сказать не берусь.
Знаю лишь, — до последнего вздоха,
Проклиная и трудно любя,
Простаком, чудаком, скоморохом
Не оставлю, родная, тебя.
Вой, пурга, безутешной вдовою,
Завирухой по мне голоси...
Даже если по-волчьи завою,
Жить до срока дано на Руси.

ЗАКАТНОЕ ВРЕМЯ

Я знаю, что время моё — на закат,
Где зримо сгущаются тучи,
И молнии, слепо сверкая, гремят...
Не надо выдумывать лучше.
Когда принимаешь чужую вину,

Так просто прослыть виноватым.
Куда ни поеду, куда ни взгляну, —
Ложится дорога к закату.
Со всем беспричинно печалются вдруг,
Невольно волнуются мысли,
А сердце взлетает на солнечный круг
И падает с гибельной выси.
И снова, сойдя на земные круги,
Взмывает стрелой в поднебесье,
Когда я встаю с неподручной ноги,
Терзая невнятную песню.
И память, очнувшись от дремы чуть свет,
Взыскующе смотрит угрюмо.
Ни страха, ни радости в памяти нет, —
Одни непроглядные думы.
Да тени безмолвные стёртых имён,
Что в жизни прошедшей остались.
И гонит на запад ветер времён
Мой затухающий парус.
Скользит по темнеющим водам ладья,
Грядущее зрит перевозчик:
Он знает — что смертным постигнуть нельзя,
И вёсла в том знанье полощет.
Я в этой ладье доплыву до конца,
Где властвовать время не может,
Надеясь на волю и милость Творца.
И... на везение тоже.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

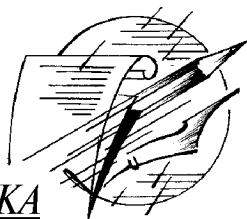
СТРОКИ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Стихи фронтовых поэтов, головы сложивших за Отечество, вскоре стали всеобщим достоянием. Их читали — и опаленные войной строки обжигали душу, вызывали слезы. А вот письма рядовых солдат Великой Отечественной предназначались лишь родным и близким, и поэзии в них вроде бы никакой не было.

Но читаешь сегодня немногие уцелевшие на дне старинных сундуков фронтовые весточки — и войной полыхает каждая строка, написанная в передышке между боями, а то и в окопе, под огнем противника, в последние минуты перед атакой...

Драгоценные треугольники

Эти бесхитростные, поражающие своей правдой и обнаженностью чувств письма по эмоциональному воздействию схожи с простодушными народными песнями, в которые русский человек вкладывал все самое главное, чем живет и чем держится и он сам, и весь народ, и вся родная отчая земля.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

И такие необыкновенно художественные, напевные строки вдруг вычитываешь в этих посланиях, написанных обычными русскими крестьянами, оторванными от своих деревень, своих семей, что диву даешься: откуда? А это раскрепощалась, открывалась душа русского человека, поставленного перед единственным выбором — жить или не жить.

Сколько их, долгожданных треугольников, разлетелось за четыре года войны по стране. И сегодня они, совсем ветхие, представляют огромную ценность для живущих, особенно для молодых, зачастую уже не воспринимающих войну близко к сердцу. Она далеко, она почти забыта. За письмами же фронтовиков — люди, которых забыть невозможно. Они тоже хотели жить, любить, заботиться о своих детях — но погибли, обильно полив своей кровью родную землю, костями легли в нее, защищая от фашистской нечисти.

Но кому доступны нынче эти письма? Честно говоря, даже удивительно, что они еще кое у кого сохранились. Усилиями директора краеведческого музея в селе Становом Зои Проваловой удалось собрать в районе около 80 фронтовых треугольников. Это уже настоящие раритеты, которые хранить нужно под стеклом и пылинки с них сдувать.

«Эшелоны идут, как грачи летят...»

На одном из мероприятий центра социальной защиты населения, который в Становлянском районе возглавляет Татьяна Тинькова, произошло буквально чудо душевного очищения, когда зазвучали письма солдат Великой Отечественной. Невозможно было не заплакать, слушая скупые, но такие трогательные строки, принадлежащие Николаю Михайловичу Малютину из деревни Становая.

В самом начале войны его призвали на фронт, и было ему тогда тридцать лет. И вот что он пишет жене Марии 30 июня 1941 года:

«Здравствуйте, премногоуважаемая супруга Маруся с детками, заочно целую всех вас. Первым долгом тебя, Маня, Васю, Надю, Галю, Женю, Мамашу и Папашу... Я в настоящее время жив и здоров, того и вам желаю. Милая Маня, я еще пока в городе Орле, мы сейчас все готовы к отправлению, ждем приказа, сидим в полной боевой...»

Маня, у нас в Орле войску — не сочтешь. А эшелоны ежедневно идут, как грачи летят... Это письмо я писал, и у меня пронимались слезы: при такой войне навряд ли я к вам вернусь. Только ты не волнуйся обо мне, я тут хотя бы со своими ребятами. Миша Земских, Иван Крупкин, Никита

Хорьков, Васька Никитычев — мы даже в одном взводе. Так что соберемся вместе и говорим, что и погибать будем вместе... Больше писать не могу, залился слезами ваш супруг Коля...»

Уже 6 июля он пишет еще одно письмо семье, опять перечисляя всех своих чад и домочадцев. И чувствуется, что это ему приятно — выписывать имя жены, каждого из четверых ребятишек, обращаться к родителям, причем отца и мать он непременно величает с большой буквы: Мамаша и Папаша.

«Милая Маня, мы всё еще в Орле, в лагерях... Хоть раз бы глянуть на тебя и наговориться с тобой досыта... Маня, если получишь письмо, напиши мне, как там у вас ребят берут. Пропиши про всех... Может, это письмо ваше успеет прийти, хотя бы почитаю, что у вас делается. А то я, наверно, больше ваши уста не услышу. Маня, ты меня теперь не дожدهшься здорового, либо убьют, либо ранят. Если ранят, то, Маня, ты будешь счастлива, потому что эта война затянулась окончательно...»

Много уже поступает раненых в Орел. Как только получишь письмо, прямо этим же днем, прошу тебя, сразу же напиши про всё, а еще напиши, как мои детки... Пошли письмо поскорее, может, оно меня захватит, пока я буду в лагере... Переддай привет Мамаше и Папаше... Может, я вернусь...»

«Главное, был бы жив...»

Но уже на завтра Николай сообщает с поезда, который направляется на фронт:

«Маня, теперь дела хуже. Ожидай новостей с фронта... Нас провозжал весь город Орел. Сколько было голосу по городу!.. Как только приедет и где высадят, оттуда и напишу. Пока, милая Манюшок, до свидания...»

14 июля Николай Михайлович пишет:

«...Мы находимся в 55 километрах от Брянска, в поле копаем окопы и всяческого вида укрепления... Как нас высадили в Брянске, мы за одни сутки пробежали все 55 километров. Это же с ума сойдешь. Жара невозможная. Я, конечно, 50 километров шел ничего, но потом ослаб и отстал километра на три. А товарищи мои километров на 10—12 отстали. Жара под 40 градусов...»

И вот, Маня, наша жизнь пошла хреновая. Пишу письмо в окопе. Сидим грязные и потные... Если бы вы глянули на меня, то никогда не узнали бы, какой я стал... Обросший, грязный... Маня, это всё ничего. Переживем. Если буду жив, тогда поправимся... Сейчас с нами Англия заключила договор, чтобы

скорей разгромить Гитлера. Может, скоро кончим с ним и, может, скоро увидимся с тобой. Самое главное, был бы жив.

Маня, вот когда я вспомню про тебя, то думаю, почему мы с тобой не наговорились напоследок досыта? А сейчас хоть бы два слова с тобой переговорил — и то бы поблажило. Или хоть бы твое письмо дошло бы ко мне скорее, на твое писание посмотрел бы, знал, что дома всё нормально...

А ты, Вася, слушай свою маму и бабу. Я бы сейчас не то что бабу — и чужого человека слушал бы, так тут трудно. Как 25 числа обулись, так еще и не разувались. Это всё перенести надо... Вася, возможно, я и не вернусь, ты только учись, не бросай до конца своей учебы. Ученому везде хорошо...

Станешь писать письмо, вспомнишь про вас, так слезы капаят. Люди — курить, а я — писать. И слезы капаят еще скорей, так и писал. Видишь, какая бумага стала чистая...»

29 сентября 41-го Николай Михайлович уже под Ленинградом. Живет в землянке, в лесу, учится на пулеметчика. Пишет, что стало холодно, а обмундирование зимнее еще не выдали. Товарищей рядом нет: все «выбыли».

«Остался всё равно как стальной, не берет ни пуля, ни снаряд... Три месяца не иметь никаких сведений о доме, это для меня очень обидно... Маня, неужели нам с тобой не придется свидеться, неужели не увижу я своих детей и всех родных... А мне кажется, я мало с вами жил... Хотя бы сейчас с вами побыть один денек, посмотреть на вас всех — и тогда опять бы можно на войну... Заочно несколько раз всех целую, до свидания. Ваш муж Коля...»

Это было последнее письмо. Николай Малютин пропал без вести под Ленинградом.

А уроженец становлянского села Злобино Владимир Николаевич Попов, несколько писем которого сохранили его родные, был убит в бою за Родину 22 июля 1943 года.

«На своем боевом счету имею 19 гадов, — писал он семье. — И буду увеличивать свой счет. И еще буду учить своих людей, как искать и бить гадов. Буду бить их до последнего дыхания». Похоронен солдат в Орловской области.

Младший лейтенант Константин Владимирович Яковлев погиб смертью храбрых в ноябре 43-го. Был награжден орденом Красной Звезды и — посмертно — орденом Отечественной войны II степени.

«Папа, — обращался он к отцу, — расписывать особенно нечего. Здоровье хорошее. С боями продвигаемся вперед по Смоленской области, освободили город Починок».

Они просто хотели известить своих родных о том, как живут и воюют. А оказалось, оставили по себе память, запечатленную в строчках. В строчках, опаленных войной и отправленных в будущее. Они сделали всё, чтобы оно у нас было...

«ЛИШНИЕ» ДЕТИ

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл предложил исключить операции по прерыванию беременности из системы обязательного медицинского страхования, а также ограничить или даже запретить рекламу и пропаганду абортот. И общество встрепенулось...

На сайтах запестрели комментарии о правах и свободах женщин, о том, что никто им не указ, хотят — рожают, хотят — не рожают, а делают аборт, это их выбор, а общество, государство здесь совсем ни при чем. Такая позиция, растиражированная в интернете, свидетельствует о том, что многие люди не только Бога не боятся, так еще и возомнили, что вправе распоряжаться жизнью пусть еще не рожденного, но уже зачатого, уже существующего человечка во имя своей личной «свободы».

А как же права ребенка, лишаемого жизни по прихоти женщины, которая убивает плоть от плоти своей, кроху, да еще и настаивает на неподсудности этого своего деяния со стороны общества? Оказывается, даже при достаточно успешных абортивных технологиях убить удастся не всех! И сейчас эти люди, уже на первом этапе своего существования потерявшие здоровье из-за адских манипуляций над собой и появившиеся на свет инвалидами, как раз будоражат общественность и настаивают на праве зачатых детей жить на белом свете...

Священники свидетельствуют: тысячи женщин всю жизнь плачут и сожалеют об абортах, а не сделавшие аборт — всю жизнь радуются этому. Но это если речь идет о верующих, воцерковленных людях. А если говорить о дамах, заикленных на своей свободе жить как хочется, о тех, кто во главу угла ставит материальный достаток, не желая «плодить нищету», о женщинах, стесняющихся рожать вне брака (лучше бы тогда они стеснялись внебрачных отношений), и других, то оторопь берет, сколько людей могли бы жить на белом свете, не расправясь с ними самым жестоким образом еще в женском лоне...

И ведь долгое время нам преподносили аборт как вполне рядовое средство планирования своей семьи, судьбы. Сейчас, мол, рано, лучше потом. А что ТАМ уже зародилась жизнь, что ребеночек существует и бьется в конвульсиях под

«заточками» изуверов-врачей, женщин учили не задумываться. И лишь потом они осознают, какой страшный грех совершили, и слышат по ночам, как плачут их нерожденные, убиенные по их прихоти дети...

По разным подсчетам, и сейчас в России ежегодно совершается около миллиона абортот. Шесть тысяч из них приходятся на Липецкую область. И это только официальные, поддающиеся контролю искусственные прерывания жизни ребенка на стадии от зачатия до рождения. По экспертным данным, реальное число абортот — через коммерческие абортарии и руки врачей, работающих «мимо регистратуры», — достигает 5—8 миллионов в год.

А есть еще медикаментозные абортот, чаще всего совершаемые подпольно. Огромное число детей на самых ранних стадиях эмбрионального развития губится средствами, якобы предохраняющими от беременности, на самом деле ее прерывающими. Есть еще экстракорпоральное уничтожение «лишних» детей, зачатых при помощи вспомогательных репродуктивных технологий.

Таким образом, общее количество детей, ежегодно убиваемых в России в возрасте от зачатия до рождения, составляет уже десятки миллионов (!) человек. Это во много раз больше числа не только рождающихся у нас детей, но и вообще всех детей в стране.

И вот на этом фоне предложение председателя Церкви даже не запретить абортот, а всего лишь перестать делать их бесплатно, породило волну недовольства либеральствующей публики, не устающей ратовать за свободу во всех ее проявлениях.

Аргументы против приводятся самые разные. И что запреты по сути своей недействительны. И что увеличится число подпольных абортот, подрывающих здоровье женщин. И что снизится и без того невысокий в России уровень жизни населения, ибо делать аборт за плату не смогут маргиналы и малоимущие. И что вообще лишний рот в любой семье — «страшнее пистолета»: доход на душу населения резко падает. И что решать вопросы увеличения рождаемости нужно в комплексе, усиливая государственные меры поддержки семей с детьми.

И не скажешь, что во всех этих рассуждениях нет «своей» правды. Однако, во-первых, у Патриарха есть основательные резоны за принятие такой меры, не говоря уж о том, что Православная Церковь твердо стоит против убийства младенцев во чреве матери и рано или поздно поставит вопрос о полном запрете абортот.

Да, запреты не столь действенны, как хотелось бы. Но никакое право не обходится без запретов. Сейчас кинулись вспоминать о легализации аборт в стране в 1920 году. Но скромно подмалкивают о полном запрете абортов по инициативе Сталина с 1936-го по 1955 год, благодаря чему население страны тогда существенно выросло.

Подпольные же аборты тоже не делают бесплатно, напомнил Патриарх. В любом случае лучше платить врачам, отвечающим за свои действия перед законом. Речь ведь пока не о запрете, а о плате из своего кармана.

Кроме того, каждый человек в состоянии осознать плюсы в том, чтобы избавить общество, население от коллективного чувства вины за финансирование из государственного бюджета убиения зачатых младенцев, сокращение потенциального числа своего народа в будущем. Хотя нравственная вина с общества за разрешение абортов, совершаемых за свой счет, при этом не снимается. И с каждого из нас, посягнувшего на безгрешные души, тоже...

У Владимира Жириновского, как всегда, свой подход к проблеме: он предложил выплачивать компенсацию тем, кто откажется от аборта, чтобы потом отдать ребенка в приемную семью. Однако тогда может возникнуть другая крайность: «продавать» таким образом ребенка станет выгодно, и этим начнут зарабатывать.

Кстати, глава РПЦ в своем выступлении в Госдуме осудил и суррогатное материнство, предложив бездетным парам брать на воспитание приемных детей. Относительно ЭКО тоже нелишне подчеркнуть: к примеру, за год из нашей Липецкой области на эту процедуру было направлено 300 женщин, на что израсходовано 36 миллионов рублей. И только 18 процентов этих женщин забеременели.

Более того, появилась статистика, что 75 процентов детей, зачатых посредством экстракорпорального оплодотворения, рождаются инвалидами...

Недавно глава Липецкой области Олег Королёв оценил каждую человеческую жизнь — на вес золота. Ну, это он обрздно, ибо какую еще человеческой мерой измерить ценность того, что собственно дороже всего на белом свете, — младенчика, наше продолжение на этой Земле. Но и реальные деньги, наши общие средства давайте тратить на поддержку семей, в том числе приемных, на поощрение деторождения, а не на аборты и поистине «золотые» и по большей части безнравственные операции по ЭКО.

В свою очередь, председатель комитета по вопросам семьи, женщин и детей Госдумы РФ Елена Мизулина предло-

жила ввести лицензирование аборт, запретить свободный оборот медикаментов по прерыванию беременности и ввести в медучреждениях... аудио- и видеопрослушивание сердцебиения плода для женщин, решивших сделать аборт. Есть мнение, что стук сердца ребенка пробуждает материнское чувство любви...

ДОСТАВЬТЕ РАДОСТЬ СЕБЕ И БЛИЗКИМ

Молодой, красивый, достигший степеней известных в цирковом искусстве, он обаятельно улыбается теперь уже только с фото. Призер международных фестивалей, жонглер, акробат, исполнитель уникальных трюков на бегущей лошади Руслан Садовое умер, отравившись спайсом...

А сколько обычных безвестных пареньков, девчат изгибаются в муках на улицах или дома, попав в адские сети распространителей этого оружия массового поражения! Да-да, оружие, которое, как утверждают осведомленные люди, разрабатывалось в военных лабораториях США и используется для уничтожения молодого поколения нашей страны.

Не случайно это зелье столь доступно, относительно дешево и широко разрекламировано как увеселительное безопасное средство «с легким опьяняющим эффектом». Какие интригующие названия у этой отравы — «Спайс», «Юкатан», «Зум», «Гидра». И как упорно, навязчиво внедряется она именно в подростковую среду, мальчишкам и девочкам с еще не устоявшимся характером, поддающимся на «слабо», уговоры и подтрунивания.

Зависимость от спайсов возникает практически сразу — и это тоже не случайно. Более того, если наркотики в инъекциях и таблетках еще имеют какие-то дозы, не вызывающие трагического исхода, то для спайсов понятие «передозировка» не существует. Даже одна затяжка может стать смертельной, в зависимости от того, какие лекарства употреблял человек и каковы особенности его организма.

Кроме прямого убийственного эффекта у спайсов есть и губительные последствия. Их употребление разрушает мозг, психику человека, основные клетки нервной системы. И эти изменения необратимы. Люди, употребляющие спайсы, живут мало и умирают в страданиях. А в самый пик так называемого «легкого эффекта» человек совершенно неадекватен, нередко любители спайсов при этом кончают жизнь самоубийством.

Нет, они не сводят счеты с жизнью сознательно, они просто «уходят» в окно, летят с крыш, прыгают с мостов, потому

что не отдают отчета в своих поступках. Только за минувший год число детских, подростковых суицидов в России выросло как минимум вдвое по сравнению с годом предыдущим. И специалисты связывают это именно с употреблением спайсов.

И всё-таки что заставляет достаточно благополучную молодежь «клевать» на губительную наживку — спайс? Малая информированность? Да уже один Андрей Малахов столько своих выпусков посвятил гибельной страсти — с ползающими, воющими, барахтающимися в дорожной пыли, обезумевшими, потерявшими человеческий облик существами, — от вида которых оторопь берет.

Власть, врачи, учителя, журналисты, общественные деятели, волонтеры, служители церкви, специальные структуры вроде бы борются с этим злом. Издают законы, запрещающие изготовление и реализацию всё новых видов отравы, информируют, убеждают, арестовывают, штрафуют. Проводят совещания, акции, месячники. Открывают центры реабилитации. Но всё новые подростки с любопытством пробуют зелье, даже не задумываясь о последствиях, легкомысленно подставляясь под оружие, которое «выбивает» молодое поколение России, еще не начавшее жить.

Так что же тянет их «покурить травку»? Причины приводятся разные. Одни говорят, что молодежь избалована, инфантильна, не умеет сказать «нет». Другие сетуют на легкие деньги, которыми снабжают своих отпрысков добренькие родители. Третьи, наоборот, считают, что заниматься спортом, творчеством нынче накладно, и дети слоняются без дела, без интереса, без мотивации к здоровому образу жизни. Но в любом случае все отмечают роковую роль, которую играет тяга к острым ощущениям и новым впечатлениям.

Однако тому же Руслану Садову, уже вполне сформировавшемуся молодому человеку, чего не хватало? Острых ощущений у него было предостаточно: каждый раз, выходя на манеж, он рисковал жизнью. Испытывал колоссальные нагрузки и очень любил свое дело, поражая своими трюками весь мир: он единственный на планете делал двойное сальто с переворотом на 360 градусов на скачущей лошади!

Впечатлений? С семи лет выступая в цирке в составе знаменитой цирковой династии, объездил десятки стран. С ним фотографировались выдающиеся люди планеты, европейская знать. Он был любимцем публики.

Уныние, депрессия? Говорят, ему это не было присуще. В тот день он провел успешную репетицию, был весел и доволен. И вот в примерке трое молодых успешных артистов закуривают невесть что — и им резко становится плохо. Они

сами вызывают «скорую помощь». Думал ли Руслан, что его сердце остановится не во время представления, а при первой, как настаивают его липовые товарищи, затылке подозрительного курева? Спасти артиста врачам не удалось. Второго из этой компании едва откачали в больнице, третий тоже пришел в себя.

Судя по всему, решающим оказывается всё-таки побуждение, приглашение, широкая реклама, доступность зелья. Сейчас его производство и распространение запрещены законом. Но раскрутка уже состоялась. Была отлажена четкая система передачи денег и «товара». Телефоны распространителей размещались на заборах и фасадах зданий, тротуарах и ступенях. Энтузиасты их закрашивали, а они появлялись снова. Сейчас еще проще — интернет пестрит объявлениями о продаже солей, благовоний, теперь еще и «виагры»: это тоже, оказывается, спайсы.

Можно ли с ними бороться? Не опоздали ли мы? Хочется верить, что нет. Но без активной деятельности силовых структур, без перекрытия каналов «связи» между распространителями и потребителями, без закрытия «курительных лавочек», без строгого наказания тех, кто делает деньги на убиении нашей молодежи, беду не остановить.

Конечно, нужно и нам всем действовать энергичнее. Ведь это наши дети, и кроме нас, никому они по большому счёту не нужны. Нужно звонить по «горячим линиям». Настойчиво обращаться к врачам, в наркологический диспансер, обнаружив пагубную страсть, овладевшую ребенком, не надеясь, что все обойдется, «рассосётся». Ничего подобного, уверяют врачи. Нужно обязательно бороться с этим злом.

А то ведь до чего доходит: в интернете появляются приглашения поработать... распространителями спайсов. Стабильный доход и хорошее настроение при этом гарантируются. «Доставьте радость себе и своим близким», — написано в одном из таких объявлений. Сколько в этих словах издевки!

Нет, уважаемые сограждане, давайте доставим себе и близким другую радость: очистим страну от этой грязи и спасем наших детей. Но ох как непросто уже это сделать...

НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

Очень многое судьба отпустила этому человеку посмертно. Высокое звание Героя Советского Союза, первый сборник стихов, прием в члены Союза писателей СССР и Украины, славу и признание. Однако и забвение тоже...

Но грех было бы не вспомнить героя и поэта Бориса Котова в 70-летний юбилей Великой Победы, да еще в год литературы. Удивительная судьба, в которой тесно сплетены глубинная черноземная Усмань и шахтерская, истекающая ныне кровью Горловка.

«Ликвидатор»

В начале 30-х по комсомольскому призыву многие молодые срывались с родимых мест и отправлялись строить города и железные дороги, поднимать заводы и шахты. Однако и у себя дома Борис Котов был неуёмным организатором всего нового: работал секретарем сельсовета, создавал комсомольскую ячейку, обучал крестьян грамоте.

В его прозе «Записки ликвидатора» живо и с юмором запечатлено то время, когда деревенские мужики и бабы с изумлением осваивали буквы, «решали цихвирья», читали первые книги и учили наизусть стихи.

Сам он начал писать еще в школьные годы, и самым главным его увлечением была поэзия, с которой он и дебютировал на страницах уездной газеты «Путь Ленина», воронежских изданий.

Почему же Котов уехал на Донбасс? Кроме романтики, на него наверняка повлияли семейные обстоятельства. Он рвался к новой жизни, к колхозному строительству, к ударному труду, писал боевые задорные стихи, мечтал «вымести прошлого сор и гнилушки», воспевал «большую эпоху»:

*Здесь только ветер в радостной игре
Бросал на берег брызги белой пены.
Дремал камыш на утренней заре,
Войдя в речную воду по колено.*

*В истоме млели заросли куги,
Болотный коршун в поисках добычи
Чертил вверху спирали и круги,
Раскинув крылья в боевом величье...*

.....
*Но годы незаметные прошли,
И обожжённые ветрами люди
С собой на дикий берег принесли
Железный грохот обновлённых будней.*

*Под звон пилы, железный лязг и стук
Среди бетона, цемента и леса*

*Упорно напрягали мышцы рук
Бетонщик, и кузнец, и слесарь.*

*Упорство непреклонного труда,
Ударных дней немолчный шум и грохот
Здесь люди приносили в дань
Родному детищу — большой эпохе.*

*И вот, шагнув через затихший плёс,
Через большую водную равнину,
Упрямо встал широкогрудый мост,
Чуть разогнув ссутуленную спину.*

*Стальные рельсы гнутся и дрожат,
Ложатся шпалы к скользкому бетону.
...И скоро здесь колхозный урожай
Пройдёт колонной красных эшелонов.*

А в это время дома — иконы, лампы, отец в рясе каждый день совершает богослужения в церкви Михаила Архангела в одном из сёл уезда. Семья патриархальная, шестеро детей, все дружны и любят друг друга. И совместить несовместимое явно не удаётся...

Из пахотного угла

Отец Бориса Котова Александр Николаевич тоже был человеком незаурядным. Окончив духовную семинарию, работал «народным» учителем в школе в тамбовском селе Пахотный Угол. Там он и познакомился с Верой Ивановной, дочерью приходского священника и тоже учительницей. Они полюбили друг друга и поженились.

В Пахотном Углу появились на свет двое старших сыновей: Александр и — в 1909 году — Борис.

Связано ли решение Котовых перебраться в усманское село Пушкари с планами Александра Николаевича принять священнический сан, неизвестно. Во всяком случае, произошло именно так.

Переехали они из Пахотного Угла, когда Борис был совсем мальчонкой. Как он вырос в комсомольского активиста и вожака, безоглядного строителя коммунизма, неутомимого певца нового «гулкового» времени, можно только предполагать.

Однако нет никаких сомнений в его искренности и преданности Родине: это он доказал и своей короткой — на пре-

деле сил и эмоций — жизнью, и бесстрашной мужественной гибелью...

В Пушкирях Борис с братом Шуркой, как он его называл, пошли в начальную школу. Учился парнишка с интересом и рано пристрастился к книге. Тем более у образованных родителей была большая библиотека. Уже в младших классах впечатлительный мальчик познакомился с творчеством Пушкина, Гоголя, Аксакова, Тургенева, Толстого, Бунина, добрался и до подшивок журнала «Нива», до энциклопедических словарей.

В усманских Пушкирях у Саши и Бори Котовых появилось еще четверо братьев и сестер. Семья росла, но образованию детей уделялось особое внимание. С 1923 года Борис учится в Усманской средней школе №1, которую окончил в 1928 году в числе лучших ее выпускников. Он был очень застенчив, вспоминал позже его брат Александр, углублен в себя. Любил природу, одинокие прогулки по окрестностям, где он наблюдал жизнь птиц, о которых много знал. Сызмала рыбачил, ходил на охоту. И писал стихи...

После окончания школы Борис Котов активно включается в жизнь села Сторожевские Хутора, где он работает в сельсовете, занимается ликвидацией неграмотности. Его стихи теперь печатают не только в местных газетах: их публикуют издания «Новая деревня», «Журнал крестьянской молодежи», «Комбайн». Перед ним открывают все пути, все дороги, он увлечен ликующим будущим страны, ее задорным шагом и песнями.

В 1929 году, когда ему и было-то 20, он пишет стихотворение «Когда нагрянет враг»:

*Ползёт лиловый вечер,
Уж запад догорел,
С косматой крышей ветер
Воюет на дворе.*

*Скрипят, звенят осины,
Гроза — как дальний бой...
Суровые картины
Встают передо мной.*

*Землянка давит спину,
И звонок пули взлёт.
За жидкою осиной
Стрекочет пулемёт.*

*Ночь сыплет жгучим градом,
Ночь сыплет в нас свинцом,
И смерть тяжёлым взглядом
Уставилась в лицо...*

*... Теперь всё в прошлом это —
Ночь, залпы и шрапнель,
Простреленная кепка,
Солдатская шинель.*

*Теперь иные звуки...
Но коль нагрянет враг,
Возьму винтовку в руки
И выровню шаг.*

А в это время семью священника Александра Котова изгоняют из дома в Пушкарях, в том же 1929-м они поселяются в Усмани. Начинается гонение на религию и священнослужителей. И радужные картинки детства остаются только в стихах:

*Тропинка от речки. И радость храня,
Весёлые избы встречают меня.
И пыль торопливо ложится у ног,
Распахнуты двери, и вымыт порог,
И там, за порогом, улыбку тая,
Стоит в ожидании мама моя...*

Отец ожидает ареста, а сын рвётся найти свое место в новой жизни. В 1931 году Борис уезжает в шахтёрскую Горловку поднимать Донбасс. Там он нигде никогда не укажет, что его отец — священник. Но будет по-прежнему писать теплые строки о родителях, волноваться и спрашивать об их судьбе, вспоминать родные места, где оставил часть своего сердца:

*Октябрь.
Ощипаны рощи, земля почернела,
Уныло повисла сухая трава.
На мокрую, грязную землю уселась
Скворчиною стайей сухая листва.*

*Утрами колхозы готовят обозы,
Ссыпункты открыты с зари до зари.
А ночью тихонько приходят морозы,
Рябина рубином на солнце горит.*

*Унылые мельницы бьются крылами,
Пылит и хрустит в жерновах умолот,
И длинной оборкой утиные стаи
Садятся за речкой у ржавых болот.*

*Закуты и риги соломой одеты,
Омытый дождями, качается лес.
И как только вспыхнет фонарь у Совета,
Девчата идут на вечерний ликбез.*

Это одно из последних стихотворений, написанных Борисом на усманской земле в 1930-м. А далее под всеми его стихам замелькает Горловка, Горловка, Горловка.

Но поначалу и там в его поэзии то и дело встают деревенские сюжеты:

*Жнейки поле грызут, и ползут стройно в ряд,
Расплескалось ржаное душистое море...
Копны золотом в брызгах заката горят,
День с густеющим сумраком спорит.*

Но постепенно воспоминания о деревне, о полях и жатвах, мельницах и тракторах, о родимых просторах уступают место горячим шахтёрским строкам:

*Я вынес всю разруху лет,
Придя в Донбасс еще мальчишкой.
И полюбил шахтёрки свет
И добрый труд под шахтной крышей,*

*Там клетки свищут и поют.
Как взлёт крыла — соревнованье.
Как знамя гордое в бою,
Несу я бригадира званье,*

*Чтоб напрягать и ум, и взгляд,
Чтоб принимая груз вагонов,
Болеть за каждый пуд угля,
За все невыданные тонны,*

*Чтоб память отлетевших дней
Не висла грузом за плечами...
Огнём вокзальных фонарей
Меня Дебальцево встречает.*

Или:

*Я пришел сюда в глухую осень.
Под дождями стыл полей простор.
По родным местам тоску отбросив,
Я пришел на черный шахтный двор.*

*И под гул гудков и паровозов
Зашагали боевые дни.
Молодого парня из колхоза
Встретил ласково большой рудник.*

*И, грузя тяжёлые вагоны,
В ожиданье выпада застыв,
Я учился лихо коногонить
И взрывать упрямые пласты...*

По мере возможностей Борис Котов навещает родных, ему дорог крестьянский труд, он бывает на охоте:

*Седой камыш не дрогнет в тишине.
И заводь спит огромная, немая.
Кусты сухие тянутся ко мне,
Изломанные руки поднимая...*

Тревогу выдают его стихи. Не случайно «мама качает седой головой»:

*Я делать упрёка тебе не берусь,
Но кажется лишней ненужная грусть...*

А какая же она «лишняя», когда на дворе 35-й год, приближается война, он в отрыве от семьи, а отец собирает узелок в дальнюю дорогу. Однако Борис жаждет жить, трудиться, дышать полной грудью, писать.

В Горловке он быстро становится известным: он свой, работает в шахте, и в то же время публикуется на страницах тамошней «Кочегарки», в журнале «Литературный Донбасс», в сборниках «Сдаем пробу», «На-гора» и других изданиях.

И пишет не только о шахте и забое, хотя горняцкому, шахтёрскому труду посвящает многие и многие строки. Он пишет о природе и любви, о войне в Испании, о героических советских лётчицах, о трудовых подвигах поколения.

Уже одни названия стихов говорят о широком диапазоне его творческих интересов и тем: «Упорство», «Утро на пчель-

нике», «Донецкая ночь», «Шахтерская колыбельная», «Депутату» (!), «Мне бы крылья!», «Полдень», «Сосед», «Девушке», цикл «Крымские стихи», «Гармонист».

Да, он был наивен, Борис Котов, порой излишне (хотя кто ее знает, эту меру) пафосен, но он был сыном не только своего отца, но и своего времени:

*Мы мчались штреком, мы трудились в лавах,
Тяжелые водили поезда,
Чтоб вестником победы, счастья, славы
Над эстакадой вспыхнула звезда.*

.....
*Чтоб звёздный свет никем потушен не был
На нашей мощной молодой земле.
Чтоб даже звёзды радостного неба
Завидовали звёздам на Кремле.*

А какая образность — неотъемлемое качество истинной поэзии! Какая тонкая наблюдательность, новые, порой неожиданные, рифмы. Он даже суперфосфат и картофель умудряется «олиричить», гармонично встроить в современную ему поэзию...

А вот из «Разговора с кузнечиком»:

*Что знаешь ты, скрипач-кузнечик,
Зелёный крохотный прыгун?
Июльских зорь немые встречи,
Жужжанье пчёл на берегу...*

*Шальных ветров степную скрипку,
Тяжелый запах чабреца
Да пожелтевшую улыбку
Ромашки бледного лица...*

*Я сам люблю речные воды,
Шум камышей у переправ.
Мне жаль, что я за эти годы
Забыл душистый шепот трав.*

Это уже 1940 год. Уже три года как забрали отца. Уже Борис женат, у него растёт сын Серёжа. Уже готовится первая книжка в печать. Уже скоро «брать винтовку в руки» и выравнивать шаг...

С началом войны он рвётся на передовую. Но оказалось: «годен к нестроевой». Такой вердикт медицинской комис-

сии был для Бориса Котова как приговор. Трое братьев на фронте, а он должен «прозябать» в тылу? Нет, он не согласен.

1 апреля 1942 года Борис Котов получил, наконец, повестку для отправки в часть. К этому времени он потерял связь с женой и сыном и был уверен, что они погибли: Горловка была под немцем, и кто-то выдал врагам Елену Котову, замуровавшую в стене дома винтовку и рукописи мужа.

Но жена и сын тогда чудом спаслись, но он уже об этом не узнает. Как и о том, что его отец был расстрелян (*«Мама ничего не писала об отце, — вопрошает он в одном из писем с фронта. — Значит, всё по-старому. Так, что ли?»*).

А в другом письме, своим родственникам в Воронежскую область, он перед отправкой на фронт признается:

«Грустно мне было уходить без единой близкой души. На улице города я остановил проходившую женщину и объяснил ей своё положение. К счастью, она не сочла меня сумасшедшим, мы расцеловались по-родственному, и я с потеплевшим сердцем пошел на вокзал. Через квартал она догнала меня и сунула краюху хлеба и пяток яиц...»

В том же письме Котов сообщает, что его зачислили в стройбат.

«Мне стыдно перед братьями, что я до сих пор защищаю Родину не с оружием в руках... В конце хочу сказать несколько «если». Если моей семье удастся выбраться к вам, прошу не оставить их без помощи... Если через год по окончании войны я не дам о себе знать, пусть Лена распоряжается своей судьбой, как хочет. Никогда себе не прощу, что не сумел их вывезти в Усмань. Слово «Донбасс» действует на меня сейчас, как удар ножа в сердце...»

В июне 43-го, уже воюя в стрелковом полку и получив весть о гибели брата Митрофана, награжденного за свои подвиги медалью «За отвагу», пишет родным: *«...поплакал немного, потом пошел на свою батарею и отвесил 30 мин по фашистам... Вечная память герою. Живу в лесу, стреляю по врагам, готовлюсь скоро к великим боям...»*

И далее: *«Город тёти Ляли от меня недалеко, и за этим городом лежит тоскующая Украина, освободить которую — мой долг... Мечтаю, что когда-нибудь встретимся в Усмани...»*

Кстати, в сентябре 42-го Борис Котов в составе уцелевших в бою семерых человек попал в окружение. Но болотом они пробились к своим. В это время в Усмань улетела похоронка на Бориса. И он просил ее сохранить до его возвращения. Однако вместо него в дом пришла вторая похоронка...

А вот его последнее письмо, датированное 28 августа 43-го:

*«В полночь холодно, в полдень жарко.
Ветер хочет всю пыль смести.
Остаётся рабочий Харьков
Вехой, пройденной на пути.*

*Войны слева и войны справа,
В центре — смертная карусель.
И задумчивая Полтава
Перед нами лежит как цель.*

*Плач старухи и крик девчурки
На развалинах изб стоит.
Я завидую нынче Шурке,
Что в Донбассе ведёт бои.*

*Жив, здоров. 5.III. произведен в сержанты. Командую от-
делением (расчетом). Писать некогда... Борис».*

А писать и впрямь было некогда: 28 августа 1943-го командир миномета 1-й минометной роты Борис Котов ушел в бой и под селом Перелески уничтожил около 15 солдат противника (!).

За этот эпизод 25 сентября его наградили медалью «За отвагу». А уже 27 сентября в составе штурмовой группы он переправился через Днепр, под яростным вражеским огнем закрепился на отвоёванном плацдарме, а еще через два дня — погиб смертью храбрых.

Читаешь представление его к награде — и вновь поражаешься: откуда в застенчивом парне некрепкого здоровья, «годного к нестроевой», поэта и романтика, образовалась такая богатырская сила, такой яростный боевой дух, такая беспощадность к врагам!

Давайте вчитаемся в текст представления и попробуем воочию увидеть этот последний бой Бориса Котова:

«...29 сентября 1943 г. противник предпринял опасную контратаку на правый фланг наших боевых порядков северо-западнее дер. Пекари.

Заметив скопление пехоты противника, сержант Котов, установив свой миномёт на открытой позиции, открыл меткий огонь прямой наводкой. Немцы наступали колоннами, поддержанные огнём из самоходной пушки «фердинанд».

Расстреляв запас мин, сержант Котов вооружился винтовкой и гранатами и, когда наша пехота поднялась для контрудара, тов. Котов бросился на немцев и вступил в рукопашный бой.

Уничтожая врагов гранатой, винтовкой и прикладом, тов. Котов наводил панику в рядах противника и, когда немцы подались назад и обратились в бегство, преследовал врагов. Своей храбростью тов. Котов увлекал за собой остальных бойцов. Осколком мины тов. Котов был убит...

Достоин посмертной высшей степени отличия — звания «Герой Советского Союза».

Похоронен герой Борис Котов в братской могиле в деревне Пекари Каневского района Черкасской области и до сих пор лежит там вместе со своими погибшими однополчанами, полившими кровью родимую землю. Думал ли он, что это земля неких укров, которые в наши дни — с фашистскими лозунгами на грязных устах — будут обстреливать его любимую Горловку?

В 1953 году в Донецке издан первый сборник стихов Бориса Котова и его фронтовых писем, а в 1960-м — сборник «Недопетая песня», в который вошло всё написанное Б. А. Котовым (стихи, эпиграммы, песни, отрывки из повести «Записки ликвидатора», несколько фронтовых писем).

Его посмертно приняли в члены Союза писателей СССР и Украины. Произведения Котова выходили в коллективных сборниках в Донецке, Воронеже, Москве.

А в 1999 году в Усмани в серии «Зов малой родины» был издан сборник его стихов и прозы «Горячая песня бессмертна». В книгу включены фотографии из семейного архива, предоставленные сестрой поэта Ксенией Александровной.

Именем поэта названы улицы в райцентре Бондари Тамбовской области, в Усмани, в Горловке, в селе Пекари на Днепропетровщине. На зданиях школ в Пахотном Углу и в Усмани установлены мемориальные доски. В Усмани на Аллее Героев в 1996 году установлен и бюст Б. А. Котова.

Из четверых братьев Котовых на фронте погибли трое. Живым вернулся лишь старший Александр. Вдова Бориса Елена Котова прожила 96 (!) лет, и не год, а всю жизнь верно хранила память о муже, много сделав для его литературного имени. Они с сыном, пока были силы, посещали братскую могилу в Пекарях.

Война окончилась 70 лет назад. Война продолжается. И Горловка, пострадавшая в свое время от немецких фашистов, сегодня в руинах, там гибнут люди. Даже дом на улице Пущина, где когда-то жила семья и висела мемориальная доска в честь Бориса Котова, разрушен. Но память о поэте хранят его строки, бессмертны его подвиг и его горячая песня. Недопетая, к сожалению, песня, которую оборвала война...

Ах, этот консервативный Запад! Как там всё упорядочено, как патриархально! Европейские стандарты — это же мечта нескольких поколений наших либералов! И вот они уже внедряются у нас и в управление, и в социалку, и в медицину, и в образование, и в культуру. В общем, во всех сферах жизнедеятельности человека и государства главное теперь — соблюсти регламент.

Больные мешают нам работать, говорит врач со стажем, перебирая бланки всяческой отчетности. Столько-то минут на осмотр, столько-то недель и месяцев на бесплатное обследование (тут регламент «расщедривается»), столько-то дней — на лечение. Кто не выздоровел, врач не виноват: нам стали упорно внушать, что лишь 10 процентов здоровья зависят от усилий медиков, всё остальное — это гены, экология, питание, образ жизни и уровень интеллекта.

Сократили койки в стационарах: якобы было превышение их числа на душу населения. Тут же увеличилась смертность и трудоспособного населения, и пожилых людей. Нет, стандарты тут ни при чем, опять внушают народу. По словам одного средней руки чиновника, старики стали чаще умирать из-за... жадности. Копят деньги и копят, и на лекарства не хотят тратиться, не покупают дорогие препараты, всё-то норовят за государственный счет полечиться. А мужики молодые и зрелые тоже сами виноваты: пить надо меньше...

В общем, стандарты работают, а здоровье нации не улучшается. Но средняя продолжительность жизни «россиян» при этом растёт. Ладно, не мытьём так катаньем: Запад берет и отменяет стандарты, нормы, а также всё, на что здравомыслящий человек может ориентироваться — традиции, устои, категорические императивы и библейские каноны.

И к нам тут же нагрянули европейские Содом и Гоморра, глобальный хаос и аномальность. Можно сказать, воцаряется логика парадоксов — на всё разумное, нормальное, естественное непременно находится маразматическое, несуразное, безнравственное: мол, и на это человек имеет право. А чуть позже выясняется: лишь на это и имеет право.

Всё, что не так давно обществом осуждалось, считалось преступлением, в том числе и против нравственности и морали, сегодня преподносится как право на свободу личности: жрать, извините меня, друг друга, убивать детей, торговать ими, «опускать» ниже плинтуса огромные массы людей, расчленять человека на донорские органы, менять сознание, уничтожать лишних и блудить, блудить, блудить хоть с кем...

Но есть заповеди Христовы. И мир не знал ранее столько масштабного, и циничного, и кощунственного их попира-ния.

И вот узаконены однополые браки, католические священ-ники венчают их, а детишек — Ангелов Господних! — изы-мают из родных семей и отдают извращенцам. Уже делаются попытки признать законными педерастию и инцест.

«Не создавай себе кумира...» А кумир есть, один и всемо-гущий — Мамона. Прав, прав протоиерей Всеволод Чаплин: «Общество, в котором слишком много сытой и спокойной, беспроблемной, комфортной жизни — это общество, остав-ленное Богом». И такой мир долго существовать не может. Ах, как же взвился по этому поводу рок-музыкант Борис (Боб!) Гребенщиков! Однако грязное ругательство в адрес Чаплина из уст приснувшего было в своем «Аквариуме» му-зыканта — аргумент слабый.

«Почитай отца твоего и мать твою...» Какие отец и мать?! Это же нарушение прав сексуальных извращенцев всех мас-тей. То ли дело — родитель: номер один и номер два.

А уж о таких заповедях, как «*Не прелюбодействуй*», «*Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твое-го...*» или «*Не кради*», и говорить нечего. Всё теперь с точнос-тью до наоборот: успех не приходит к верным, честным, не умеющим взять то, что плохо лежит...

И наконец, «Не убивай». Нас пытаются убедить, что это означает «не защищайся» или «предавай Родину свою на поругание врагам». Особенно усердствуют в этом все быв-шие диссиденты и реформаторы. Их уже целый ряд, «выдаю-щихся» демократов и пацифистов: Макаревич, Ахеджакова, Вероника Долина, Гребенщиков и иже с ними.

Недавно подала свой голос еще одна культурная деятель-ница — одесситка Кира Муратова: кинорежиссер, сценарист, актриса, «парадоксальное творчество» которой, как сказано на одном из сайтов, «сочетает в себе тонкий юмор и глубо-кую печаль».

Вот что пишет один из почитателей таланта Муратовой о ее фильме: «Необычность и нестандартность постановки — это действительно то, что бросается в глаза. И большинство ре-цензий и отзывов на «Три истории», которые я нашел, касают-ся именно этой яркой детали: другое кино, голые педерасты, труп в старом серванте, больной социум, шиза и т.п.»

И пусть потом автор разглагольствует о печальном и тон-ком, но и политические пристрастия Муратовой уже явлены, уже не удивляют. В интервью «Новой газете» она, в частно-сти, говорит, что принимает сторону Украины.

«Мне не нравится, что она воюет, но я не знаю, как можно из этого выйти — в тех стандартах, в которых живет человечество: «Надо защищать свою территорию, надо бороться!» — сетует она. И далее на сайтах представлена следующая её сентенция: «Никакая территория не стоит того, чтобы за нее убивать, даже если эту территорию называют родиной» (!).

«Мне очень нравился Майдан, — эстетствует Муратова в интервью. — Там было такое идеалистическое состояние огромных масс людей, главное в нем было прекрасным, потому что мирным и, я бы сказала, идеалистически поэтическим. А потом, как бывает со всякой революцией, обязательно начинаются гильотины или что-нибудь в таком роде...»

Да, красота на Майдане была несусветная. И дым от колёсных шин будоражил творческое воображение. И бутылки с коктейлем Молотова вызывали «идеалистически поэтические» чувства. И физические упражнения под речевки «Кто не скачет, тот москаль» и «Москаляку на гиляку» были проникнуты дружелюбием. И вдруг началась стрельба и испортила весь Майдан. А всё из-за этих жутких стандартов — Родины...

Если следовать муратовской логике, то и фашистов не следовало убивать: это же только территория. И как было бы красиво — мирно, под музыку — дошли бы фрицы до Москвы, обжились в Кремле, загнали бы русских в стойла, чтобы пахали на «великую» Германию. И никаких выстрелов, никаких убийств. Так нет же, опять эти стандарты...

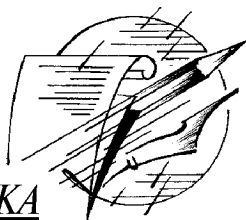
Вот и думай, человек: то ли они окончательно из ума выжили, наши пацифисты и либералы, то ли это уже весь мир действительно и решительно перевернулся, трансформировался и стоит на самом краю бездны по имени хаос, где человек на всё имеет право, кроме как на любовь, семью, Родину и православную веру...

СКОВОРОДКА

История не нужна прошлому, оно уже в ней не нуждается. История нужна настоящему. Ещё более история необходима будущему. Как в больничной карточке, отражены в истории народов и всего человечества причины общественных недугов, хронические обстоятельства, при которых эти недуги проявились, далеко идущие последствия, отзывающиеся грозным эхом в новых веках. Настоящему это знать нужно. Будущему — необходимо.

В 2007 г. мне пришлось задержаться в моей деревне Гоголино, что в Тверской области России ровно на границе нынешнего Удомельского и Бологовского районов. Здесь течёт древняя Мста-река, потому местность называется Помостье.

Задержался я в связи с выпуском моей книжки о солдате Первой мировой войны, уроженце наших мест. Неожиданно книжка получила диплом в Твери, и последовавшие некоторые презентационные мероприятия отложили мой отъезд в С.-Петербург.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Однако о вынужденной задержке я не только не пожалел, но и обрадовался этому случаю. Что может быть приятнее начальной русской осени, когда тускнеющее солнце уже опалило буйную растительность багрянцем, ветер собрал с деревьев своё золото и щедро сыплет им по обочинам дорог. Но природа ещё не сдаёт лето, цепляется за него летящими в лучезарном воздухе паутинками. Всюду стоит бодрящий аромат сырозёмной прели, непередаваемо сладкий, густой, обещающий обильный урожай грибов.

В сентябрьское утро с моей пятилетней дочерью Дашей мы отправились за грибами. Вышли из дома на рассвете и двинулись в сторону соседней деревни Холщебинка, расположенной от нас на расстоянии версты по искалеченной лесовозами дороге.

Дорога мне эта мила, несмотря на жалкий её вид, олицетворяющий собой многое в нашей российской истории. Это типичная картина Левитана «Владимирка», только покосившегося от времени голбца с иконкой нет, а так — полное совпадение. Та же даль с пожухлыми полями по сторонам и мощными елями где-то за горизонтом. Та же высь с вечными мазками и наплывами сизых облаков, отражающихся в дрожащих осенних лужах. Вот только обочины дороги на Холщебинку теперь поросли травяным валом да сорным кустарником — косить и рубить нынче по сырým деревням некому.

Шаркая большими болотными сапогам, перебирая резвыми ножками, дошли мы с дочкой до Холщебинки, миновав условную границу меж нашими тверскими районами — Удомельским и Бологовским.

Холщебинка — деревня стародавняя, как и все коренные деревни в нашем древнем Тверском краю. История её не летописная, а изустная, как старые прабабкины песни. Говорят, когда-то было здесь несколько сотен домов. Торговые склады стояли, лавки кишели товаром. Да и не деревянной была Холщебинка, а селом — звонили в колокола по праздникам аж две церкви.

Теперь в Холщебинке тихо, ничто не звонит ни по праздникам, ни в будни. Лишь остов одной церквушки остался торчать на отшибе деревни, в зарослях старого погоста, куда на Троицу по заведённому ещё в старину обычаю нынче приезжают на могилы предков родственники. Второго храма и след простыл. Однако говорят, что храма была большая, высокая, едва ли не двухэтажная. Вот только исчез храм, будто, как Китеж-град, под воду ушёл.

Вход-въезд в Холщебинку всегда представлялся мне очень странным местом. Здесь песочно-щебёночная дорога расходится на два рукава, как-то плавно, даже бережно обнимая совершенно ровную пустошь, густо поросшую разnodеревицей. Какие причины должны были побудить жителей Холщебинки в далёком прошлом раздвоить въезд в село, мне было непонятно. Вместе с тем, несмотря на нынешнее запустение, эта площадь всегда рисовалась в моём воображении как очень значимое в старину место.

Впрочем, всё теперь в Холщебинке запустело, покосилось, поросло бьльём. Повсюду виднеются останки заброшенных домов. В окнах некоторых осиротелых изб ещё дрожат треснутые стёкла, по которым мелко струятся капли осеннего дождя. Тогда кажется, будто брошенные дома плачут.

Однако нынешняя Холщебинка ещё кое-как жива. Ещё теплится в ней жизнь приезжими дачниками, вскапывающими по весне небольшие огородики и ещё стоят кое-где меж зарослей и руин дома постоянных, коренных местных жителей.

Возле одного такого дома мы с дочкой остановились по оклику.

Старая избёнка, местами обитая серебристым дешёвеньким утеплителем, покрытая сверху рубероидом, обнесена серыми колышками забора. Всё вокруг старательно выкошено, где-то в палисаднике торчат обихоженные деревца и кустики. На фоне общего запустения сразу видно — живёт здесь душа человеческая.

Возле домика на покосившейся лавке сидит сутулый пожилой человек в спортивной куртке с чужого плеча, на голове кожаное кепи. Руки бугристые, от работы грубые. Лицо сухое, хорошо выбритое. Губы поджаты, на скулах глубокие складки. Между бровей сильная прорезь в виде ижицы — верный признак раздумий. Глаза, как и у всех коренных жителей местного Помостья, серо-голубые. Взгляд цепкий.

— Вы никак за грибами! — окликнул нас старик, глядя на наши корзины.

— За грибами, — говорим.

— А откуда будете? — не унимался дедушка.

Я представился, наскоро рассказал о себе, о своих близких в Гоголино. Старик оживился, даже заелозил на скамье:

— Так это ты про нашу округу пишешь?

— Да, немного, — отвечаю.

— И я пишу, тоже о нашем крае — неожиданно просиял дед. — Меня зовут дядя Миша, Носов я.

— А по отчеству? — спрашиваю, имя в виду разницу в возрасте.

По отчеству старик назвался Петровичем. Он стал нас зазывать к себе в дом, посмотреть его сочинения. Мы пообещали, что на обратном пути заглянем к нему. Сейчас, говорим, за грибами торопимся.

— Деду грибок-то принеси, дедка себе супу сварит, — с улыбкой сказал Даше Михаил Петрович.

— А пойдёмте с нами в лес, — прошебетала Даша.

— Куда мне! — охнул старик. — Я же, видишь, без ноги.

Рядом со стриком на лавке лежали костыли. Одной ноги у Михаила Петровича не было.

После грибного сбора мы с дочкой шли обратно немного усталые, но бодрые. Русский лес — это великая кладовая, причём не только даров земных, но и духовной энергии.

Возле дома Михаила Петровича Носова мы приостановились. На лавке его уже не было. Но зычный голос из-за дома звал нас: «Заходите!»

Старик ковырялся в огороδικе. Именно ковырялся. Передвигая низенькую лавочку с места на место, он сновал по небольшим грядкам, всякий раз подымаясь на костылях. На огороде у него росли-зеленели привычные для наших мест былки: петрушка, укроп, сельдерей... Чуть поодаль плодились лук и картошка.

— Денег у меня хватает, пенсия есть, — сказал Михаил Петрович, ведя нас с Дашей в свою избёнку. — И родня из города помогает, не жалуясь.

Было видно, что старик упорно не хочет сдаваться неумолимым обстоятельствам жизни. Старается человек, тужится жить своими силами. Испокон известно, если есть те силы — жив ещё человек.

Избёнка у Михаила Петровича совсем утлая — тесноватая, низкая. Вдоль стен лавы, подле окна стол. Посреди избы — печура. Как жили-бытовали здесь исстари наши предки, уже вряд ли поймут новые поколения. По крайней мере, Дашутка моя вдруг заскучала и попросилась домой. Дядя Миша дал ей чаю и сладкого варенья. Когда ребёнок принялся за угощения, старик, надев ломаные очки, начал читать свои рукописи.

В сумрачной избе Михаил Петрович свет не включал. Он подносил свои бумаги к окошку:

— Я родился в 1938 году в селе Холщебинка, — начал он увлечённо. — Мать моя крестьянка Прасковья Алексеевна

Курчавая, 1914 года рождения, также родилась здесь, в Холщебинке. Это селение никогда не было помещичьим. Оно было оброчным. Село считалось зажиточным...

Далее шли упоминания о местных торговых династиях, из которых особенно выдавались торговцы Афанасьевы — некто «тётя Женья и Иван Яковлевич». После того Носов упомянул о здешних благородных людях, видимо из числа дворянства и духовенства, фамилии которых, впрочем, я не запомнил. Затем следовали перечисления имён менее выдающихся и значимых. Передо мной незримо промелькнули судьбы когда-то бытовавших в этой округе людей. Однако немолотое прошлое безжалостно поглотило память о них, оставив их имена лишь в скупых строках «скрижалей» Михаила Петровича, последнего писателя округи. Этот перечень мог бы стать своеобразным мартирологом, поминальным сборником для церковных служб. Впрочем, помянуть достопочтенных жителей Холщебинки всё равно негде — церковей здесь уже нет.

— Скажите, Михаил Петрович, — перебил я Носова, воспользовавшись его случайной паузой, — ведь когда-то раньше тут были, кажется, две церкви?

— Где? — поморщился старик, сняв очки.

— Ну, здесь, в Холщебинке.

— Да, были церкви... Одна и сейчас на окраине стоит, только вся развалившись. Там на кладбище возле неё у нас всегда селян хоронили.

— А вторая церковь?

Михаил Петрович часто заморгал:

— Так её снесли, разобрали вчистую где-то в конце двадцатых годов, кажется. Попа затем, говорят, расстреляли. Потом ещё арестовали Василия Ивановича Сокина и дядю Лёшу Кожевникова, он воевал в Гражданскую на стороне белых. — Михаил Петрович призадумался, вспоминая. — Там ещё погост был, непростое такое кладбище: барские могилы, купеческие, опять же поповские. А то место заровняли ровно-ровно, потому и назвали — «сковородка».

Меня тотчас посетило какое-то предчувствие:

— А где это место?

— Да при въезде в деревню, — махнул Носов в сторону, — аккуратно, где дороги расходятся.

Становилось особенно интересно. Я даже пригнулся ближе к рассказчику. Носов продолжил:

— Потом на месте церкви и господского кладбища устроили танцевальную площадку для молодёжи. Что-то вроде от-

крытого клуба там было. Молодёжи собиралось уйма. Гармошка, пляс до утра. Ну, бывало, и выпивали, конечно. Не без того. Кстати, управляла этим в числе прочих и моя тётка Курчавая Елена Александровна, она от 1916 года родом. Отчаянная была девка, её все звали «комиссарша»...

Живо представилось мне это развесёлое «плясалище», та самая ровно-ровная «сковородка», устроенная на молебном месте, на расчищенном от могильных крестов погосте, где были опущены в родную землю на вечный покой русские люди. Только не досталось им покоя. Лихая, разудалая «сковородка» будила их неугомонным топотом.

Снова услышал я голос Носова:

— В местности нашей были разные праздники... — продолжал читать свои записи Михаил Петрович. — В деревне Кожино гуляли в Нилов день на 9 июня, в Званице праздновали Петров день, это перед сенокосом. В Белях чествовали Тихвинскую икону богоматери, а в Апаничино на 21 сентября её, значит, рождество. Потом в Борках отмечали Трёх святителей. А у нас, в Холщебинке, главным праздником считался Ильин день.

Голос старика звучал ровно. Как мерное тиканье часов на дощатой полке в его избе. Всё это сливалось с негромким бряцанием ложки, которой Даша уписывала варение.

— Скажите, Михаил Петрович, — тронул я его за локоть, — а вы сами плясали на «сковородке»?

— Где-где? — слегка вздрогнул старик.

— Ну, на той танцплощадке, что была устроена на погосте.

Михаил Петрович вернулся мыслью в свою молодость, заулыбался, даже как будто озарился:

— Я-то! Конечно, а то как же! — крикнул он. — После войны, в пятидесятых, там было самое что ни есть гулевое место. Мы, молодые, там плясали так, что аж пыль столбом стояла. Я и сам на «сковородке» в плясовой отхаживал ноги... Эх, было!

Признаться, при этих словах я невольно поглядел на пустой протез Михаила Петровича.

Мы с дочкой вышли из дома Носова, когда стал накрапывать полуденный дождик. Небо заволокло смурыми облаками. Облака стелились высоко и густо, что означало надолго плаксивую, но всё же по-сентябрьски тёплую погоду.

Я укрылся капюшоном. Даша отказалась от зонтика, сказала, что под тёплым дождём она будет быстрее расти.

Михаил Петрович, ковыляя на костылях, вышел проводить нас до калитки в одной старой, выцветшей военной ру-

бахе. Скоро рубаха намокла, а по лицу старика потекли капли. Глаза его тоже стали влажными. На прощание он ласково погладил Дашу по головке:

— Не забывай дядю Мишу. Придёшь ко мне, я тебя ещё вареньем угощу.

Даша закивала, предложила дедушке половину своей корзинки грибов. Но старик отказался. Взял три-четыре маленьких подосиновика, да и то, чтобы угодить ребёнку.

Мы стали прощаться.

— Книжку свою как-нибудь подари, — сказал мне Михаил Петрович. — Я люблю про историю.

Я обещал подарить ему книгу с оказией.

На обратном пути, шагая по растянувшейся на версту Холщебинке, Даша что-то говорила про лягушек, которые прыгали тут и там по буро-мутным лужам. Мне пришлось машинально поддакивать, хотя мысли мои были погружены в иное. Когда показалась развилка, заключающая широким охватом в объятия пустошную «сковородку», я замолчал совсем.

В другом свете представилось мне это ровное, тихое место. Незримо проступал из плотного, измождённого понурым дождём воздуха старый уничтоженный храм — деревянный, резной, двурусный. Его колокольня подпирает вечное небо. С колокольни едва слышно разносится поминальный звон о тех, чьи могилы были когда-то затоптаны в лихой пляске, превращены в «сковородку». Теперь выдранные с погоста кресты проросли деревьями. Молодые берёзки горят золотой осенней листвой, как поминальные свечи.

Не ново, совсем не ново всё это в истории человеческой. И прежде, в ещё более далёком прошлом, в неистовстве ниспровергали люди духовные символы прежних времён, предполагая, будто от этого достанется им счастье. Во время Великой Французской революции беснующаяся толпа крушила символы былого в надежде на призрачное благополучие. Причём без всякого разбора — храм это или, скажем, тюрьма. Даже Бастилию разрушили, превратив её место в своеобразную «сковородку», водрузив на обломках крепости табличку: «Здесь танцуют». Чем это кончилось, человечеству хорошо известно.

Не может быть благополучным общество, возникшее на танцевальной «сковородке». Дни или годы его, как правило, сочтены. История подтверждает это неумолимо. Почти обезлюдевшая, поросшая ныне бурьяном русская деревня Холщебинка — тому ярко-страшный пример.

На следующий год я выполнил обещание — привёз Михаилу Петровичу Носову свою книжку. Однако опоздал. Дядя Миша умер. Его похоронили на старом кладбище на окраине Холщибинки, недалеко от развалин деревянной церквушки.

Под осень мы снова пошли с дочкой по грибы. Миновали «сковородку», потом заколоченный домик Михаила Петровича. Недолго постояли возле дальнего погоста, где исстари хоронили простых селян. В том числе и тех, кто плясал когда-то на «сковородке». Даст Бог, ничто не нарушит их вечный покой. Не сделают этого новые поколения. К ним, к новым поколениям, немим заветом обращены поминальные кресты на погосте...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

КАЧАЛОСЬ СОЛНЦЕ НА КАЧЕЛЯХ

Середина февраля голодного сорок седьмого года...

В классе, мягко говоря, прохладно, и Мария Васильевна разрешает нам сидеть в верхней одежде. А сама — в неизменном серо-стальном костюмчике, с накинутым на плечи белым платком ручной вязки. Мы любим свою первую, молоденькую и красивую, самую лучшую учительницу на свете. Её голубые, в пушистых ресницах и с солнечным прищуром глаза лучатся нежностью.

— Сегодня у нас необычный урок — «Час фантазии». И станем мы с вами, ребята, фантазировать, развивать воображение.

Самый бойкий из нас — Митька Коржов поднимает руку.

— Ты что-то хотел сказать, Дмитрий?

— А сочинять как, Марья Васильевна? За оценку или так?

— А мы сейчас ребят спросим?

ПРОЗА

— За оценку — интересней!

— Быть по сему, — улыбается учительница. — Пусть кто-то из вас придумает две-три строчки всего или только одно предложение — не важно. Главное, чтобы эта фраза получилась необычной, удивительной. Пишите смелее о чем хотите. Можно о смешном, о веселом и грустном. Итак, начали!.. А работать лучше бы карандашом, чем ручкой, — и чернила сэкономим, и пальцам теплее...

Мария Васильевна смотрит в окно...

О чем же написать? Оглядываю класс; над каждым легонечко курится парок выдыхаемого воздуха. За первой партой, напротив стола, склонив голову набок, задумался мой друг Ваня Губанов. Он — круглый отличник, лучший ученик не только среди нас, второклашек, но и среди всех учеников школы-четырёхлетки. О чем напишет Ванечка? Хотя я уверен — лучше него никому не удастся ничего придумать...

На улице залаяла собака. Начинаю сочинять: «Я шел по улице. На меня вдруг наскочила собака. Я стоял и ждал: пускай она налается вволю. Когда собака уморилась, я насчитал сто три собачьих лая».

Подумал и добавил: «А дым из трубы поднялся до самой луны и держал ее в ладонях, как голодная бабушка держит за пазухой каравай свежего хлеба, чтобы не отняли собаки. И потому на улице стало темней».

Но и этого мне показалось мало, и я досочинил: «Ёжик вылез из норы и зажмурился от яркого света. А над ним, в берёзах, на качелях качалось солнышко. И пели птицы. И ёжику и берёзам, и птицам, и солнышку было тепло и весело. А всем ребятам за сочинение поставили пятерки и дали по кусочку сахара».

Когда прозвенел звонок, дежурный собрал тетради.

Мария Васильевна спросила, как лучше сделать: дома ли ей проверить сочинения или прямо здесь, на уроке?

— Сейчас, Мария Васильевна! Здесь!..

И она стала читать.

Чего только не напридумывали мы за урок! Слушали все с интересом, много смеялись. Дошла очередь и до меня. После слов «... всем дали по кусочку сахара», она грустно улыбнулась:

— Вот такая у человека сладкая мечта. Последней оказалась тетрадка Вани Губанова:

— «Когда я пришел из школы, то еще в сених услышал смех и голоса в хате. Я переступил порог, и мама сказала: «А вот и наш сынок». За столом сидели брат Виктор и военный. Мама бросилась ко мне; «Посмотри, Ваня, кто к нам пожаловал!» И я сразу узнал отца, хотя не видел его всю войну. Он

поднял меня над собой. Он был сильный. Он обнял меня крепко и засмеялся: «Ну, здравствуй, Иван! Во какой ты стал большой. А я по тебе и по всех очень и очень соскучился». И мы смеялись и все плакали от счастья. Потом отец достал из походной сумки компас и губную гармошку мне на память. А я спросил у отца: «Папочка, ты ведь погиб. А как же ты оказался теперь живой?» Он погладил меня по голове и сказал: «Я не погиб. Я пропал без вести. Но оказался живой. И всегда буду живой и с вами».

Мария Васильевна замолкла и опустила на табурет.

Все молчали, смотрели то на неё, то на Ваню. Он, покраснев, низко опустил голову, ссутулился. Мы все знали, что его отец погиб в самом начале войны.

Мария Васильевна достала носовой платок и отвернулась. Долгое молчание прервал звонок. Мы продолжали сидеть на местах. Наконец Мария Васильевна встала и разнесла тетради по партам, говоря незнакомым хриплым голосом:

— Спасибо, ребятки... Постарались. Молодцы. Всем большое спасибо... До свидания. До завтра.

Мы тихонько выходили из класса. Об оценках никто не вспомнил.

ЧАЙ СО ЗВЕРБОЕМ

...Нас разделял мосток, у которого она стирала белье. Поношенное мужское полупальто, подпоясанное солдатским ремнем, ее сутулость сверх меры — от всего этого во мне остро шевельнулась жалость. Как же она постарела, Родочиха! Только синева в её глазах стояла прежняя: прозрачная и ясная — родочёвская.

Мы какое-то время молча глядели друг на друга...

Она вытерла посиневшие кисти рук и стала дышать на них:

— Вишь как их ревматизмом скрючило, руки-то. — И вдруг спросила: — А ты, что ж — всё один?

— Почти... Здравствуйте!

— Сколько же еще бобылить?.. Отцову хату, значит, проведывал?

— Давайте-ка лучше помогу вам донести до дому поклажу...

Пока хозяйка развешивала постирушки во дворе, я рассматривал разнокалиберные фотокарточки, висевшие в деревянных рамках по стенам. Когда же увидел лицо той, по ком не унималась с годами горечь потери, — в жарко натопленной хате стало нечем дышать. Галя, совсем юная, смотрела с фотографии: умные, печальные глаза, застенчивая улыбка.

Я уже взялся за дверную щеколду, как из сеней шагнула Родочиха:

— Вот те раз! Пришел человек в гости и сразу уходит. Так нельзя, Алексей.

— Благодарю, Марья Григорьевна, но пора к поезду.

— А когда он идет? Аж в пять? Тогда задержись малость, чайком угощу. Я — быстро!

Пока она суетилась возле плиты, я сидел на табуретке, курил. Я был уверен: Родочиха нарочно оставила меня одного в хате, чтобы я мог посмотреть снимки, ведь она могла разделаться с бельем потом, долго ли...

— Вот и чай готов! — Родочиха наполнила жестяные кружки. — Слышь, Алексей?..

Я почувствовал, что она сейчас скажет, и напрягся.

— Что ж про Галку не спросишь? — И, не дождавшись ответа, предложила: — Тебе сахару побольше?

— Все равно.

Комната наполнилась нежным, слегка приторным запахом зверобоя.

Она присела по другую сторону стола и опустила голову:

— Прости меня, сынок. Если можешь... И Галочку прости. Умилосердись.

Пить чай расхотелось. С её разрешения снова закурил.

— В одном виною тебя. Зачем ты в то лето дружка своего крымского привёз?

— Галина просила. Я и привёз...

— Врешь ведь, Алешка? Да как же так — привезти девке чужого малова, девке, по которой сам сохнешь?!

— Он тогда в Феодосию, домой ехал. Через Харьков. Я сам попросил его заехать к Гале в техникум — передать кое-что, а главное, узнать, по возможности, как она ко мне относится. Он у нас, в институте, специалистом по этой части считался, «сердцеведом». Тут причина одна: я очень сомневался в Галиных чувствах ко мне... Ну вот. Она и влюбилась. А в июне мне сказала, чтоб я привез сюда «того мальчика».

— Выходит, порадел товарищ тебе, да не с того боку.

— Он тут ни при чем. Просто я ей был не нужен.

— Ишь ты, не нужен! А сколько ей попадало от нас из-за тебя, это как же? Надо было биться за нее до последнего, а ты... Доверился — кому? Вся судьба Галина изломалась.

— Да как драться за то, что тебе не принадлежит? А товарища привез я уже тогда, когда Галя мне полный отказ сделала. Вот... Никак не мог я понять её. Иногда при встрече светится вся, а то как отрежет: «Не подходи!» Порою озлось: всё, точка! И... опять под ваши окна крался — только бы взглянуть на неё!

Родочиха встала из-за стола, поставила тарелку с печеньем:

— Чай остывает, Алексей.

— Скажите, тётя Маруся, почему вы терпеть не могли меня? За что?

— Грех не признаться, но все родичи против тебя шли, а я — так пуще прочих. — Родочиха устало опустила на стул. — Говорила дочери: забудь его, не пара вы с Алешкой! А коль пара, то пара наоборот — он какой-то без обрати и ты блаженная: гнезда надежного не совьёте... А потом... Думали: в майский сад, в счастье доченьку ведём, а тут... Уж так мы кохали её, так берегли, шагу лишнего ступить не позволяли, «балеринкой» кликали.

Я невольно рассмеялся: Галю я называл «Принцесса Тишина» или «Загипнотизированная».

— Чему рад-то?

— Да так, вспомнилось кое-что. Ну, сколько ни сиди!..

— А как же чай, Алеша? На дорожку-то?

— Пора мне, Марья Григорьевна, моя несостоявшаяся тёща. Прощайте.

— Алёша, погоди! Одну минуточку..

Она поспешно достала из-за зеркала вдвое сложенный конверт и, умоляюще глядя мне прямо в глаза, выдохнула:

— Вот! Возьми, сынок. Её адрес тут..

Только выйдя далеко за околицу села, я заметил, что сжимаю в ладони конверт..

ПРЫЖОК

Ближе к сумеркам, накатавшись вволю, мы — шумная ватага подростков обоих полов, столпились на вершине холма, западная сторона которого обрывалась глубокой ямой, где обычно сельчанами добывалась глина для хозяйственных нужд. Если смотреть на эту обрывную страсть сбоку, то она напоминала иностранную букву «зет» с малость приспущенным верхним элементом.

И вот кого-то из нас осенила безумная идея: «А слабо шугануться на лыжах в яму!» Посмеялись... И тут я, что называется, с бухты-баракты задал пустой, но, как оказалось, далеко не безобидный (для себя) вопрос: «А почему бы и не съехать?» Глупость, конечно, ляпнул, потому что тут же был пойман на крючок жестокого молодеческого честолюбия: «Трепаться тут все ладны», — был чей-то голос. И снова все рассмеялись, но уже персонально — надо мною. А пуще всех

давилась смехом темноглазая девочка Роза в белой пушистой шапочке — городская гостья, прибывшая на каникулы.

Мы встретились взглядами с моим другом — Николаем Даниловым. Он опустил глаза, дескать, сам напросился...

«Наверное, я бы попробовал съехать в глинище, — стал я оправдываться, — но как на таких-то?» — и показал на свои лыжи-коротышки. Один из пацанов хохотнул злорадно: «Ха! Имелась бы охота, а лыжи найдутся! Вот у друга твоего, Миколы, лыжи как раз по тебе!»

Я заметил, как Николай усмехнулся, пожав плечами: я, мол, что, мне лыж не жалко. И эта его солидарность со всеми, его стопроцентно безжалостная по отношению к моему самолюбию уверенность в том, что я ни за какие блага мира не рискну сорваться в тартарары, подвигла меня к скороспелому решению: еду! Тем более что друг мой быстро освободил крепления и сошел со своих новеньких беговых лыж, как бы приглашая к действию.

Я отвел его в сторону: «Тебе не жалко будет лыж... в случае чего?» Он поправил на стареньком пальто солдатский ремень с желтой бляхой, вздохнул: «Тебя жалко. Но ты ведь... не прыгнешь?»

Я встал на лыжи. Застегнул фуфайку на все пуговицы. Нахлобучил ушанку на самые глаза.

Кто-то пошутил: «Эй, ты, чкаловец! Перекрестись...» И кто-то добавил с нарочитой тоской: «Плохо, что у человека нету запасной башки». Все остальные молчали. Жаркая испарина охватила мою спину.

«Ну, трус... не трус!» — подбодрил я себя, а вслух заорал: «Пошё-о-ол!»

А ведь знал я, что на границе обрыва и пустоты необходимо было резко присесть — пригасить скорость, но... забыл! Лицо ожгло встречным воздухом. Я просто падал, камнем срываясь вниз, закрыв глаза, растопырив руки и лыжи в стороны...

Вскочил на ноги, но тут же упал от резкой, острой боли в правой коленке. Удивительно, как при ударе о землю не сокрушил себе зубы или не откусил язык...

А наверху — визг и хохот. Я огляделся; задки обеих лыж были сломаны.

С трудом, прихрамывая, вскарабкался по боковому положу склону к ребятам, зажав в подмышках лыжи-инвалиды. Николай изо всех сил сдерживал слезы, лицо его было бледным и растерянным. Я-то знал, что его мать по копейке собирала-копила на лыжный подарок для сына...

В серых сумерках наша компания втянулась в улицу, расходясь по домам. Мы с Николаем замыкали шествие... Рас-

ставаясь, он сумрачно вздохнул: «Будет мне сейчас на орехи грецкие...» И спросил с тревогой: «А что у тебя с ногой? Не сломал?» — «Свихнул, кажись... Или сдернул какую-нибудь жилку в колене». — «Значит, на ёлку не пойдешь? Ребята все собираются». Я махнул рукой: «Обойдусь...»

И уже от калитки Николай крикнул: «Эй! А я и не знал, что ты такой дурак!» — «Я тоже не знал, Коля. Ты уж извини».

Долго не мог я уснуть, — горело распухшее колено. Я поглаживал его и все порывался разглядеть сквозь глазок в оконной наледи огни колхозного клуба на заречной стороне села...

Через месяц мы преподнесли Николаю новенькие лыжи, собрав деньги кто сколько может. Вскладчину.

НОВОГОДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ

В ту, далекую теперь, последнюю ночь декабря я должен был дежурить с пяти вечера, что означало, как мы шутили между собой, проехать мимо праздника.

Обычно мы, студенты дневного отделения (далеко не все!) нанимались подработать на хлебозавод в ночную смену. Когда же силы для таскания мешков таяли, подыскивали «легкий хлеб»: сдавали кровь, репетиторствовали... А мне тогда крупно повезло — взяли сторожем на стройку, рядом с нашим пединститутом.

На лекциях «ночники» клевали носом. В итоге — хвосты за семестр или полугодие. Но мы были молоды, обид и зла на жизнь не держали...

Итак, заступив на вахту, я обошел свой участок, заваленный стройматериалами. В сторожке, на втором этаже полуразваленного здания, сияла нихромовая спираль, намотанная на асбестовую трубу электрического «козла».

Погасил свет для удобства наблюдения за территорией. Отсветы уличных фонарей, проникая в мое логово, причудливо перемежались с оранжево-красным спиральным пламенем.

Шло время... Я поглядывал сквозь окна во двор и на улицу. Было тихо.

Но электрическая топка постепенно выедала кислород и комнатушке: дышалось тяжело, не хватало влажности. И я несколько раз спускался вниз зачерпнуть ведром снегу. Воздушно-серая громада института разноцветно светилась высокими окнами. Доносились крики, музыка, смех — разгорался бал-маскарад. Мне так хотелось туда — в волшебную карусель! Молодое одиночество в праздник — почти невыносимо...

На часах — без малого двенадцать, золотой пограничный час. Представилось: микрофоны Гостелерадио в эти минуты ловят дыхание Красной площади бьют куранты, звучит гимн. И красивый баритон торжественно чеканит: «С Новым 1966 годом, дорогие товарищи!»

Чувство одиночества усилилось, обострилось. Мысленно поздравил всех своих близких. Взглянул на черный телефон, немо маячивший на подоконнике. И тут мелькнула шальная мысль: набрать любой номер и, коль возьмут трубку, позелать человеку самого лучшего — и время скоротаю, и приятное кому-либо доставлю.

Номера курских абонентов начинаются двойкой. Выключаю свет. Та-ак! Двойка плюс четыре произвольные цифры. Идут короткие гудки: занято. Комбинирую другой пятизначный номер. Щелчок! Есть контакт! Нежный молодой женский голос: «Да. Я слушаю... Алло?» Интонация и тембр голоса подсказывают, что его обладательницу мой звонок оторвал от подушки. Растерянно молчу. В трубке — снова: «Алло? Говорите же». Набираю воздух, как перед прыжком в ледяную воду, и «чужим» голосом произношу: «Здравствуйте!» Она — мягким, грудным эхом: «Здравствуйте!» — «Вас уже поздравили в наступившем с наступившим?» Она: «Не-ет... Кто вы?» Мне нравится ее голос, окрашенный доверительной простотой. Пауза — с моей стороны. Голос на том конце провода все так же доброжелателен: «Извините, пожалуйста, но кто вы?» — «Я уполномоченный дедморозовских инстанций. Если бы вы находились рядом, то получили пакет, в коем алая роза в хрустальных каплях росы, калина в сахаре и два воздушных поцелуя. Правда, они маринованные. От Морозовых — Деда и его Внучки». Она по-детски рассмеялась: «Подобного мне никто никогда не дарил. Спасибо!» — «С Новеньким вас!» — «Я тоже поздравляю вас от всего сердца и желаю всего-всего, но традиционного, чего желают в такой день!» — «В такую ночь, — поправил я. — Но я еще не все передал». Она молчала, ждала. Я слышал ее дыхание; оно, казалось, было совсем рядом. И я сказал: «Очевидно, ваши уста соприкасаются с мембраной телефона, так как моему уху щекотно и тепло». Ее смех родничком раздался в моей полутемной конуре. «У вас удивительный голос и чудный смех», — заметил я. Она откликнулась простодушно: «Правда? Не знаю. Но я... я впервые слышу такое». Почувствовалась некоторая смущенность ее. «Я говорю правду, клянусь Большой Медведицей! Кстати, если окна вашей светлицы выходят на север, то вы должны увидеть, как поизносился у Медведицы темно-синий бархатный воротничок. Зато в её

правом ухе клипса, как новенькая, так и мерцает!» Она вздохнула: «Мое окошко смотрит на запад, — и снова вздохнула. — Я не знаю, кто вы. Вы не знаете, кто я. Жаль. Правда ведь? Но мы слышали друг друга. Так хорошо беседовали, честное слово!.. И значит...» Я опередил ее: «Значит, мы уже не чужие, как и ваш город для меня».

И тут крепко забарабанили в дверь сторожки. Прикрыв трубку ладонью, крикнул: «Одну минуту! Сейчас!» А в трубку сказал приглушенным голосом: «Извините, за мной прибыли. Мне пора. Кони застоялись, копытами роют снег у крыльца. Дай вам Бог всего!»

Нетерпеливый стук в дверь повторился.

Я медленно опускал трубку на рычаги аппарата, из которой все слабее доносилось: «Алло! Алло! Постойте! Не уходите...»

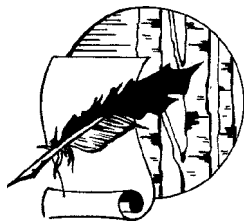
Открыл дверь, за которой стоял милиционер, отряхиваясь от снега:

— А я-то решил: спит или пьян сторож. Извиняюсь. Доброй ночи! — Он козырнул, прощаясь...

Мне стало жарко. И не по себе: я вдруг почувствовал, что прошел, проскочил мимо возможного счастья, чей телефонный голос только что послала мне судьба. И лихорадочно стал вспоминать номерные цифры, но кроме двойки, ни одной не вспомнил!.. «Ах ты, Боже мой! Какой же я дурак!..»

Печаль и тоска овладели мною. Я стоял, прижавшись горячим лбом к оконному стеклу. Улица была пуста. В желтых конусах фонарей валил и валил снег.. Я закурил. И долго смотрел с болью и ненавистью сквозь непроливишиеся слёзы на черный телефон...

И вот сегодня, спустя столько лет, оглядываясь, как говорится, с вершины прожитого, думаю: наверное, счастье не приходит, оно падает на тебя, но сердце твое — малоискусшенное или уже усталое от ожидания — не узнает своего счастья или не совсем доверяет ему. И счастье, недовольное таким приёмом, покидает тебя, оставляя цветасто-благоуханный след — месть своего рода. И ты говоришь вослед ему: что ж! не судьба...

Вера КУЗЬМИНА

КОГО ЛЮБЛЮ

НЕ ТАКАЯ

Опять не сплю. А месяц так и пухнет.
Такая жизнь, и нечего сердать:
Есть женщины, поющие на кухне,
И женщины, что снятся по ночам.
А я — не та, не эта. Не такая.
Не лодочка — окурочок на мели:
Сиротство звёзд и проклятых окраин
Течёт сквозь пальцы сжатые мои.
Ковшом ладони. В них — побег из дома,
Соседка, спяну влезшая в петлю,
В сарае перепревшая солома,
Танюха (за ночь с рыла по рублю) —
Вся жизнь моя, сё воловьши жилы,
Мозоли, кровь, теснение в груди...
Лишь об одном жалею.
Я просила
Того, кто уходил: не уходи.

* * *

Кому — в тиши домашнего мирка
Дремать и наводить на кухне глянец,
А мне — случайной бабой у ларька
Листать вагоны, дождики и пьяниц.
Случайно греть картошку на плите,
Шуршать ночной сатиновой рубашкой,
Пойти на скрип калитки в темноте —
Закрывать забыли после полторашки,
Вернуться, вынуть старое пальто:
Накинть, мужик, продует от порога,
И слушать, как выкладывают то,
О чем не говорят жене и Богу.

Послушают со мной пушистый Кысь
И календарь на стенке — Брюс Уиллис...
...А утром так случайно разойтись,
Как будто — никуда не расходились...

* * *

Не врите — не ходила по рукам.
А если так — какое ваше дело?
Сосед Витюха, пьяница и хам,
Меня качал смешно и неумело,
И лапой, мокрой после огурца,
Казал козу и гладил: баба будет.
А бабка материлась у крыльца:
Положь дитё, обсосок ты иудин.
Не врите — не ходила по рукам.
Хоть были руки. Были. Обнимали.
Я знала звуки рая — не райка,
Чужой, такой понятной мне печали:
«Азохен вей» и «Шема-Исроэль».
...В отцы годился. Что ж, кидайте камень.
Кидайте, ну! Подглядывайте в щель,
Как щён дворовый плакал под руками.
Не врите — не ходила по рукам,
Хотя давала. По рукам давала:
В кафешках, возле пьяного ларька,
В прокуренной чугунности вокзала.
И руки мне давали: закурить,
Пирог с картошкой, валенки — зима же...
Я их любила: около корыт,
Станков, кастрюль — в земле, муке и саже.
Не отрекусь. Не брошу. Не отдам
За все ключи от грёбаного рая.
Не врёте. Я ходила по рукам.
И буду продолжать, пока живая.

ДВУХЭТАЖЕЧКИ

Жизнь гранёными стаканами
Тянут воля и тюрьма,
Где рассохлись деревянные
Простодырые дома.
Двухэтажки-двухэтажечки,

Алиментики-долги.
Что ж ты, маслице, не мажесси
На ржаные пироги?
Погуляй на Волге, Каме ли,
Утопи в Босфоре нож,
Поживи в палатах каменных —
Помирать сюда придёшь,
Где из кухонь тянет щавелем,
Где запоров нет: на кой? —
Где помолятся во здравие
И нальют за упокой,
Где старуха Перелюбкина —
Костыли да медный крест —
На просушку рядом с юбками
Прицепила край небес
И смеётся — вот зараза ведь,
Муха подлая цеце, —
Потому что кареглазого
Жду, как дура, на крыльце...

ВСЕГО ЛИШЬ СОХНЕТ БЕЛЬЁ

На вокзале гудят электрички,
После дождика город просох.
Осыпаются яблони-дички
На колени уставших эпох.

Сушит ветер трусы-парашюты,
Ползунки и футболки мужей.
Под заборами кашка и лютик,
Над заборами — синяя гжель.

И на лавках сидят с разговором —
Каждый тёплому вечеру рад —
Работяги, студенты и воры,
Пиво пьют и ментов матерят.

Говорят, что не выиграть нашим,
Про машины, бабё и Чечню.
Мимо цокают Ларки, Наташи:
Одинокий, так враз оженю.

Хватит жить, как пустая полова,
Пусть халаты, трусы, ползунки

Развеваются снова и снова,
От весеннего ветра легки,

Пусть не рвутся от ветра верёвки,
Вьётся легкий рубашечный флаг.
Села крупная божья коровка
Каплей крови на белый обшлаг.

Верещат растворённые рамы,
Зацепилась рубашка за гвоздь.
Загустевшая красная память
В нашу землю впиталась насквозь.

Здесь легко и родиться, и сгинуть,
Потому и тревожит, живой,
Колыхая бельишко глубинок,
Электрички безжалостный вой,

И всегда не хватает чего-то:
Водки, женщины, пули, строки.

Майский вечер. Жарища. Суббота.
На скамейках сидят мужики.

ТОМУ, КОГО ЛЮБЛЮ

А луна — смешная большая лошадь подбирает в небе овес и рожь. Слишком много прожито, мой хороший, а тобой ли, мной ли — не разберешь.

Я пришла, наверное, стопятьсотой — воробей, кусака, щенок, малыш. Помнишь, так же сыпалась позолота с живота луны на верхушки крыш? «... Три поллитры — хватит ли двух десятков? Погуляй, дочурка... ну, будем, Вить...» Ты сидел со мной на крыльце дощатом, говоря, что батя завяжет пить.

Если рак хватается, то мертвой хваткой — не помогут скомканые рубли. Я лицом уткнулась тебе в лопатку после слов: «Мы сделали, что смогли».

Мы тогда друг друга еще не знали, только знали, кто-то решил за нас: чтобы в горе, в дикой слепой печали не запить, не скурвиться, не пропасть — мы должны тихонько дышать под кожей и судьбе, и времени вопреки, не встречаясь, исподволь стать дороже, чем привычный палец своей руки.

Бог придумал: люди друг другу — нити. Перевертали: Божьи-де мы рабы. С первых дней мы вшиты. Точнее — вжиты,

закрывая раны чужой судьбы. Мы до встречи рвали чужие фото, имена и годы паля дотла...

Я пришла, наверное, стопятысотой. Потому что, знаешь... всегда была.

ПРО НАС — ТАКИХ

Пить застывший рождественский воздух
С горьким дымом берёзовых дров,
Выйти ночью под белые звёзды
В одичалость собачьих дворов.

Час поддакивать пьяной соседке
И таксисту наврать кутерьму:
Что батяня мильтона упеткал,
Мол, везу передачку в тюрьму.

В кружку с чаем добавить малины:
Пей, дурной, да не вздумай хворать,—
И ложиться попарно в суглинок,
Как попарно ложились в кровать.

А кругом — разведёнки и вдовы,
И бутылка — всегда на столе...
Хорошо мы живём и сурово
На любимой жестокой земле.

ГУТИНА ИЗБА

«Всё готово — известь, лапка заячья,
Да открой мне краску голубу...»
Баба Гутя, помолясь да знаючи,
В летний вечер ладила избу.
Всё белила, красила да мазала:
«Ох и насинила — цвет не тот...»
Выводила: ул. Степана Разина,
И, вздохнув, садилась у ворот.
Подзывала: «Цыпы, цыпы, цыпочки»,
Разломив сухой ржаной кусок.
В краске, голубой, как небо, выпачкан
Разинской рубахи поясок.
Капли на мундире Туроверова,

Капли на мундире Турбина...
Синее хранит от волка серого,
Сглаза и колодезного дна.
А придётся сгнуть — под прицелами,
В рубищах чужих госпиталей —
Дверь откроют в синее и белое,
Нет известки Гутиной белей.
Голубое, синее и белое...
Спит спокойно Божия раба.
Баба Гутя, что ж ты с нами сделала?
Тридцать лет не крашена изба.
Крошки осыпаются с наличников
На ладонь заросшего двора,
Кто-то, синеглазый, не улыбочивый,
Строго смотрит сверху: не пора,
Под ногтями — ни земли, ни ржавчины,
Не тверды мозоли на руках,
И чисты-отглажены рукавички
Праздничных батистовых рубах —
Ты своей избы ещё не красила...
Кротко смотрит Гутин старый дом.
Надпись мелом: ул. Степана Разина
Подпирает краем окоём...

БАТЕ

Перекину в прошлое тонкий мостик, чтобы думать, сравнивать, каменеть. Настоящий батя три раза в гости заявлялся к мамке. Да нет — ко мне. Много было их, приходящих батеков, дурачков безусых, уже в годах. Не хотела на руки, было, хватит. Научили, блин, — довелось летать. Настоящий вешал пальто на гвоздик, нашу кошку-дуру трепал за хвост, А меня подбрасывал прямо в гроздь золотых, рубиновых, рыжих звезд. На лице у бати рубцы, рябины, сам большой, здоровый — аж гнется пол. Папка, можно, в небе нарву рябины, ярко-желтых слив наберу в подол? Папка, папка, глянь, пастушонок Зяма по дорожке лунной ведет телят! Папка смотрит весело, ходит прямо. Говорит: дочурка, не смей петлять. Папка, правда, в небе не лазят буки — ну такие, в бурой ночной шерсти? А хмельной отец опускает руки. Отпускает.
Выпустил.
Упустил.

В жизни будет всё: и гроши, и штуки. Жди большую рыбу,
лови тунцов — Но всегда отцы разжимают руки, и всегда в
любимых — черты отцов. Не петлюю. Проще, честней — без
лонжи в горизонт рябиновый, наливной. Помню, бать, — никто
никому не должен. Ни к чему сползать по стене спиной.

СЕМЕЙНЫЙ ЛУК

Мужское «цыть», наколки-клейма,
Что раньше было — всё зола...
Засох на грядках лук семейный,
Уборка — бабские дела.

Не хватит рук — тащи в подоле,
Суши, раскладывай на печь.
...Молчат — от самой сильной боли.
Ох, лук семейный, горечь-речь,

Горчи-молчи о трубах медных,
О многих водах и огне,
О целованиях последних
И узком мужнином ремне.

Бывают руки без наколок,
Да свой у каждой бабы крест.
Храни мужей, святой Никола,
Храни таких, какие есть,

Храни мужей, святой Егорий,
Простим всегда... почти всегда.
Ох, лук семейный, горечь-горечь,
Растёт на грядках лебеда.

Подсохший лук — янтарь кубастый,
Угрюмый, ёмкий и лихой.
Скорее — туча солнце застит,
Успеть убрать, пока сухой.

Летит на выжженный пригорок
Семян пушистых кисея.
Ох, лук семейный, горечь-горечь
В подолах глупого бабья...

УХОДЯЩИЕ

— Снова пенсию посеял, сивый мерин, гладкий гусь!
— Я люблю тебя, Расея, да-ра-гая наша Русь!
— Весь пинжак-то взади в пятнах, где валялся-то, стерво?
— Ты веками непонятна!
Бабка тащит самого.
Деду восемьдесят с гаком, не уралец, из минчан.
Колыму прошел — не плакал, целину пахал — молчал.
Горб, надсада и мозоли — что колхозник, что зэка...
Профиль Сталина кололи возле левого соска,
Сыновей ушедших ждали — не служившим стыд и срам,
И смеялись над вождями, и скорбели по вождям.
— Горе луковое, Сеня! Навалися на плечо.
Всё Расея да Расея, хоть бы пел другое чо.
Мят да кручен, бит да ломан — ни к чему такая жись.
Слава Богу, вроде дома... На завалинку садись...
Завтра стопку не проси-ка, не подам, палена мышь.
Вишь, заря-то как брусника... Что ты, Сенюшка, молчишь?
Вишь, ворота как осели у соседа в гараже...
Спит на лавочке Расея, уходящая уже.

* * *

Я не видела — мне рассказали,
Как прабабка жила на миру.
Покупала на местном базаре
Две чекушки батяне Петру,
Две чекушки для мужа Григорья —
Чуть попозже, годков через пять.
Как плескалось прабабкино горе,
Никому, кроме баб, не понять.
Я не видела — мне рассказали,
Как варила крапиву и сныть,
Как на гулком продутом вокзале
Нанималась уборные мыть.
Вырастали робяты-нахалы
Между тряпок, мешков и корыт.
Две взамужни, одна блядовала.
Двое умерло, третий убит.
Я не видела — мне рассказали,
Как полола пырей и паслен,
Как халат из далекой Казани
Берегла для своих похорон.
На гулянках плясала «матаню»,
Песни пела — не пела, жила,

И стеснялась в общественной бане:
Шибко страшная грыжа-кила.
Я не видела — мне рассказали,
Как прабабку «замаял живот».
Заревела Вороньжа слезами,
Замолчала, куря у ворот.
Каждый чувствовал: вроде бы должен,
Виноват, и с собой не в ладу..
Похоронено сердце Вороньжи
На Ивановском. В третьем ряду.

* * *

Пахнет гарью наливной
Май.
Растворяется в Днепре
Зной.
Слышишь, в имени страны —
Край?
Украина, не шагни,
Стой.
Онемели? Не найти
Слов?
Что молчите, Вашингтон,
Рим?
В Краматорске на земле
Кровь.
Над Одессой до небес
Дым.
Мамо, ненько, це моя
Боль:
Боль Тарасов, Катерин,
Берт.
Не смывается с ножей
Соль.
И черемуха цветет
В смерть.

* * *

А мне вчера сказали — выскочка,
Знай место, закатай губу.
Мне кистью рисовать — не кисточкой
Вороньжу, Угол, Барабу.

Прабабку Анну, зэка Дюбеля —
Людей от водки и земли,
Тех, что пинали и голубили,
Тех, что прощали и ушли.
Знай место. Знаю, не юродива:
Вросла навеки в те места,
Где жмётся маленькая Родина
К ногам уставшего Христа,
Где край гряды пестреет маками,
Где пьют, ликуя и скорбя.
И мне ли, выскочке, выскакивать?
Не убегают от себя...

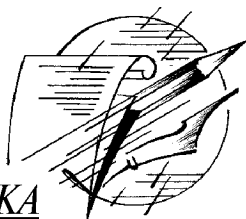
г. Каменск-Уральский Сведловской обл.

САХАЛИН

Скандал вокруг деятельности бывшего губернатора Сахалина вызвал некоторый, и, к сожалению, в основном нездоровый интерес к великому острову. Но его история вовсе не сводится только к тому, что градоначальника секут, а обыватели трепещут. История выдающихся мореплавателей, отважных землепроходцев, доблестных солдат и моряков, мудрых дипломатов, волевых администраторов — все это история Сахалина. Но каторга, волонтаризм, предательство, коррупция — и это тоже история Сахалина.

Между тем, нынешний год выпадает на множество юбилеев, связанных с Сахалином. В 1805 году его исследовал Крузенштерн, в 1850 году началось русское освоение острова, в 1875 году он был объявлен в нераздельном владении Российской империи, но уже с 1905 года ровно на 40 лет южная половина острова принадлежала Японии. И, наконец, в 1945 году весь Сахалин и Курильские острова стали полностью нашими.

Сахалинская область, включающая в себя остров Сахалин и Курильские острова, относится числу наиболее свое-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

образных регионов исторической России. Сахалинская область — единственная в России, полностью расположенная на островах. Но, разумеется, не в этом своеобразии этнической истории области. Собственно, на территории единой Сахалинской области можно выделить три подрегиона со своей этнической судьбой — 1. Северный Сахалин; 2. Южный Сахалин; 3. Курильские острова.

Сахалин — большой остров, вытянувшийся на 948 км с севера на юг. Он отделен от материка Татарским проливом и узким проливом Невельского. Северная треть Сахалина занята в основном Северо-Сахалинской низменностью. Восточное побережье в этой низменной части острова изрезано множеством лагун, вытянутых цепью вдоль берега и отделенных от моря песчаными косами. Остальные две трети острова гористы.

Климат Сахалина, как и прилегающей материковой части Дальнего Востока, муссонный. Зимний муссон, идущий с охлажденного материка, обуславливает суровость зимы; с летним муссоном связаны дожди и туманы, особенно интенсивные на побережье. Зимой в горах относительно много снега. Но, впрочем, поскольку Сахалин очень вытянут в меридиональном направлении, то климат на севере и юге острова очень различный — на севере почти тундра, на юге — почти тропики.

Люди заселили Сахалин еще со времен палеолита. Ко времени появления на Сахалине европейцев в XVII веке южную часть острова заселяли айны — коренные жители Японии и Курил. Северную часть острова, наряду с низовьями Амура, населяли гиляки (ныне — нивхи).

В 1643 году у берегов Малой Курильской гряды появились голландцы. В июле того же года они увидели берега Сахалина, но из-за сильного тумана капитан голландцев М.Г. де Фриз сделал вывод, что Сахалин является частью Хоккайдо. Вскоре началась эпоха русских открытий Сахалина. Первооткрывателями Сахалина были русские казаки-землепроходцы, пришедшие на Амур из Якутска. В 1639—1641 гг. отряд казаков Ивана Юрьевича Москвитина оказался вблизи понизовья Амура. Москвитинцы побывали на Шантарских островах. Здесь они от местных жителей получили первые сведения об Амуре и острове Сахалине. Анализ текста документов позволил достоверно установить, что зимой 1639/40 года на Охотском побережье местные эвены, хорошо знавшие морской путь к устью Амура, впервые сообщили русским о существовании «островов Гиляцкой орды», где живут «гиляки сидячие, а у них медведи кормленые».

Однако русские зверопромышленники предпочитали продвигаться в богатые морскими млекопитающими воды морей вокруг Камчатки и Аляски. В силу этого, Сахалин на какое-то время оказался в стороне от продвижения русских. Весь XVIII век русские, продвинувшиеся далеко в земли и моря Северной Америки, не интересовались Сахалином. Положение изменилось только в начале XIX столетия. Руководитель первой русской кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерн предпринял первое значительное исследование Сахалина.

Подойдя к Сахалину 14 мая 1805 г., его корабль бросил якорь в заливе Анива. И.Ф. Крузенштерн детально исследовал остров, ознакомился с жизнью айнов и раздал им подарки. Летом того же года участники экспедиции описали и положили на карту всё восточное и северо-западное побережье Сахалина, а также 14 островов Курильской гряды. Однако Крузенштерн посчитал Сахалин «полуостровом», считая, что он соединён с материком песчаным перешейком.

К этому времени в водах Сахалина и Курил стали появляться японцы. Несмотря на географическую близость, Япония в начале XIX века только начинала освоение северной части острова Хоккайдо (севернее которого находится Сахалин). Только с 1807 года первая группа самураев перезимовала на севере Хоккайдо. Отдельные японские рыбаки уже пытались вести лов в водах вокруг Сахалина, а отдельные купцы начали нерегулярную торговлю с аборигенами. Таким образом, Сахалин и Курилы в то время были еще «ничейной» землей (мнения аборигенов в счет не шло).

В 1805—1807 гг. лейтенант Н.А. Хвостов мичман и Г.И. Давыдов на кораблях «Юнона» и «Авось» совершили экспедицию к берегам Сахалина и Курильским островам. В течение всего плавания они вели исследование берегов, изучали быт и нравы местного населения, составили словарь айнов. Они также сожгли японские складские помещения на Сахалине и Курилах. Кстати, в современной Японии это рассматривается как «агрессия» против Страны восходящего солнца.

8 октября 1806 года Сахалин был провозглашен владением Российской империи. Правда, опять отвлеченность Петербурга европейскими делами и недооценка значения тихоокеанских владений России отложили закрепление Сахалина за Россией на деле. Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов за самоуправство даже были отданы под суд.

Решающую роль в присоединении Сахалина к России сыграл Г.И. Невельской. В 1849 г. на транспорте «Байкал» он обследовал восточные, северные и северо-западные берега

Сахалина, фарватер Амура и установил, что устье его доступно для морских судов, тем самым подтвердив, что Сахалин является островом. Подняв русский флаг, Г.И. Невельской начал практические действия по присоединению и заселению Сахалина.

21 сентября 1853 года у селения Томари-Анива с корабля «Николай» был высажен русский десант. Встретившись с айнскими старейшинами, Г.И. Невельской провозгласил Сахалин собственностью России.

В том же году Д.И. Орлов, по указанию Г.И. Невельского, основал первый на Сахалине русский военный пост Ильинский (ныне посёлок Ильинский), а сам Невельской на берегу залива Анива основал военный пост Муравьёвский (на месте будущего Корсакова).

По данным 1854 года, дополненным в 1857 году, на юге острова насчитывалось 95 айнских стойбищ, в которых проживало 2479 человек. Общая картина расселения туземцев выглядела следующим образом. На побережье залива Анива находилось 35 стойбищ, по берегу Охотского моря — 22, по берегу Татарского пролива — 35. Внутренние пространства южной части Сахалина оставались почти не заселенными. В северной части проживали гиляки. Общее число аборигенов не превышало 3 тысяч человек.

Решительным действиям России на Сахалине препятствовала правовая неопределенность Сахалина, на который претендовала Япония.

26 января 1855 года в японском городе Симода был подписан первый русско-японский трактат, по которому большая часть Курил сохранялась за Россией (граница была по проливу между о. Уруп и о. Итуруп), а Сахалин остался неразделённым. Только еще через 20 лет, по Петербургскому договору Япония признала за Россией весь Сахалин, а в обмен получила все Курилы.

Но и после этого освоение русскими Сахалина шло достаточно медленно. Невероятная отдаленность острова, непривычный для русского человека климат и нехватка людей препятствовали этому. И тогда в Петербурге появилась идея устроить на Сахалине каторгу. Предполагалось, что каторжане будут отдалены от основной России, и волей-неволей вынуждены будут заниматься честным трудом, перевоспитываясь и развивая остров. История английской каторги в Австралии и французской на Новой Каледонии, казалось, были положительным примером.

К этому подталкивала и социально-экономическая ситуация. В пореформенной России 60—90-х гг. XIX века проис-

ходили масштабные социальные изменения, такие, как обезземеливание крестьянства, бурный рост городов, в которых скапливались массы люмпенов и асоциальных элементов, что породило рост преступности. Одновременно усилились социальные движения. Крестьянские бунты, студенческие волнения, терроризм народников, забастовочная борьба — все это стало частью жизни второй половины XIX века. Соответственно, росло и число заключенных. Тюремные империи были переполнены. В поисках новых мест для ссыльных поселений правительство обратило взор на Сахалин. 18 апреля 1869 года Александр II утвердил «Положение Комитета об устройстве каторжных работ», которым Сахалин официально определялся как место ссылки. В том же 1869 году на остров была доставлена первая группа каторжников численностью в 800 человек. По подсчетам историков, до Русско-японской войны на остров было сослано примерно 40—45 тыс. человек. Условия каторги были ужасными, не случайно А. П. Чехов назвал Сахалин «адом на земле», а само название острова «Сахалин» приобрело весьма одиозную славу в стране. Всяких хулиганов и драчунов в России рубежа XIX — начала XX в. обычно называли «сахалинцами», подразумевая, что они кончат сахалинской каторгой. Политических заключенных на Сахалин обычно не отправляли; считается, что за все время существования каторги на остров отправили лишь 54 «политика», в основном из числа организаторов «Обуховской обороны» 1901 года в Петербурге.

По данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, на Сахалине проживало 28,1 тыс. человек, 72,8 % которого составляли мужчины и только 27,2 % — женщины. Это неблагоприятно сказывалось на «приживаемости» населения и его нравственно-бытовом укладе. Помимо вольных и невольных русских поселенцев на Сахалине в 1897 году проживали также аборигены: 1443 айнов, 1969 гиляков (нивхов), 749 ороков и 143 тунгуса (эвенка).

На 1 января 1902 года на Сахалине было уже 40 577 поселенцев, из них 5563 ссыльно-каторжных, 9885 ссыльно-поселенцев, было 9719 человек свободных поселенцев (чаще всего, родственников заключенных), аборигенов острова насчитывалось 3982 человека. Остальными жителями были охранники, чиновники каторги и члены их семей. Подавляющее большинство жителей проживали в южной части острова с его благоприятным климатом. О северном Сахалине А. П. Чехов в 1890 году мимоходом отозвался так: «Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения и поэтому в счет не идет...»

Основными населенными пунктами острова были тюрьмы. Каторжане работали главным образом на добыче угля. Закованные в кандалы, а нередко прикованные к тачке, кайлом и лопатой они должны были добиться полной самоукрепости своей каторги. Тяжелым подневольным трудом осужденных были построены десятки населенных пунктов острова, открыты и частично освоены месторождения полезных ископаемых (железных руд, каменного угля, нефти), проведены телеграфные линии, обработаны большие площади земли, созданы сельскохозяйственные фермы, налажено дорожное сообщение, возведены морские причалы и т.п. Возведение хозяйственных и административных зданий, осушка болот, рубка леса, ловля и засол рыбы, сенокос, погрузка-разгрузка морских судов, содержание в чистоте улиц и площадей, выращивание зерновых и овощных культур, разведение скота, птицы, выполнение слесарных, столярных, кожевенных работ, обслуживание метеорологических станций, почтовые перевозки — все также было занятием каторжан.

Духовную жизнь каторжного острова удовлетворяли 10 православных церквей и 6 часовен. Существовали также молитвенные дома лютеран, католиков, а также мечеть. Впрочем, сахалинцы не отличались высокой религиозностью. Один путешественник писал о своих впечатлениях в 1902 году в газете «Восточный вестник»: «Сахалинский поселенец редко даже перед церковью снимает шапку, а подходя к ведру с водкой, уже обязательно с благоговением снимает долой свою фуражку».

В годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. Сахалин стал театром военных действий. Летом 1905 года японские войска численностью 14 тысяч человек высадились на острове. И хотя русские войска, вместе с которыми сражались и призванные к оружию каторжане, храбро сопротивлялись, остров был захвачен. По Портсмутскому миру южная часть Сахалина отошла к Японии. С этого времени на 40 лет судьба двух частей острова была различной.

На оставшейся у России северной части каторга была ликвидирована. Как ни парадоксально, это привело к упадку и запустению острова. Численность населения сократилась сразу в 5 раз, поскольку остров покинули не только бывшие каторжане и их охрана, но и многие свободные поселенцы.

Русское правительство, конечно, принимало меры к заселению Северного Сахалина. Но эти меры были неэффективными. Помимо природных условий этой части острова, не привлекающих поселенцев, было еще обстоятельство, не спо-

собствующее ее дальнейшему заселению. Сахалин за годы существования каторги завоевал себе печальную славу. Вполне понятно, что желающих ехать на далекий остров, стоящий на краю света, находилось немного. Новый губернатор Северного Сахалина А. М. Валуев, учитывая дурную репутацию самого названия острова, даже предлагал переименовать Сахалин в остров Невельского. Впрочем, его инициатива не получила развития, остров сохранил историческое имя, и мало находилось желающих селиться на каторжном острове. В период столыпинских реформ на Дальний Восток переселились сотни тысяч человек, но этот поток обошел стороной Сахалин. За 1906—1914 гг. на северный Сахалин прибыло менее 2 тысяч переселенцев.

Переселение на Сахалин было делом далеко не легким. Правительство не позаботилось построить на острове порт, а все прежние порты были на юге в руках японцев. Пароход, бросавший якорь в нескольких километрах от берега, высаживал пассажиров, со всем их имуществом в лодки, которые по бурным волнам пролива доставляли переселенцев на пустынный берег.

Всего на Сахалине перед революцией проживало 8 тысяч человек, из них примерно 1800 человек составляли аборигены. Северный Сахалин оставался слабо заселенной окраиной, с неразвитым хозяйством и бездорожьем.

Но всё же после ликвидации каторги на Сахалине было создано довольно большое число постоянных населенных пунктов, как правило, немногочисленных. Были проложены и дороги между населенными пунктами и побережьем острова. Работы по изучению острова продолжались. Была проведена инструментальная съемка побережья и некоторых внутренних частей Северного Сахалина, составлены карты. Русские купцы и промышленники стали проявлять большой интерес к разработке природных богатств Сахалина. В 1911 году было подано 313 заявок на разведку и разработку месторождений нефти. Однако все попытки российских нефтяников оканчивались неудачей. Освоение нефтяных богатств и основательное заселение северо-востока Сахалина началось гораздо позже — уже при советской власти.

В годы Первой мировой войны население Северного Сахалина из-за призыва в армию и закрытия многих предприятий (что привело к выезду на материк многих занятых прежде рабочих) сократилось на тысячу человек. Революция и Гражданская война привели к оккупации российского Дальнего Востока иностранными интервентами, среди которых главную роль играли японцы. При этом Северный Сахалин был

оккупирован японцами в 1920 году даже без всяких оправданий в виде помощи антибольшевистским белым правительствам. Японская оккупация продолжалась до мая 1925 года. Власти Японии были не против «объединить» Сахалин под своей властью. Правда, Лига Наций, при всем своем антисоветизме, не дала бы Японии права открыто аннексировать Северный Сахалин, опасаясь прецедента пересмотра границ бывшего члена Антанты. В конце концов ввиду финансовых трудностей и под дипломатическим давлением СССР Япония вернула Северный Сахалин. Уходя, японцы постарались вывезти всё представляющее ценность. Они частью вывезли, частью уничтожили оборудование предприятий, сожгли много жилых и общественных зданий, привели в негодность угольные рудники, разобрали и вывезли единственный на Северном Сахалине железнодорожный путь, вырубали ценные леса, истребили множество пушных зверей. Ко времени ухода японцев на северном Сахалине проживали менее 4 тысяч жителей.

Но японцы сохранили право на улов рыбы в территориальных водах Северного Сахалина. Кроме того, СССР не имел права держать на Северном Сахалине войска, кроме пограничников. Таким образом, советский суверенитет над советской частью острова был неполным.

Советские власти немедленно начали «советизацию» и хозяйственное освоение своей части острова. Лучшим решением для обеих проблем здесь могло стать массовое заселение Северного Сахалина гражданами, лояльно настроенными по отношению к советскому государству, тем более что местное старожильческое русское население было малочисленным. Сахалинский ревком просил Москву особо обратить внимание на подбор переселенцев: «Нам нужны сюда не просто переселенцы, но переселенцы достаточно политической устойчивые или, во всяком случае, вполне лояльные к советской власти».

Впрочем, в 20-х гг. в условиях разрухи и общей бедности для переселенцев власти не могли выделить особых льгот. Население советской части острова росло очень медленно, и на 1 января 1929 г. оно составило всего 26,5 тыс. человек. Эта ситуация была вдвойне невыгодна для советской России, если учесть резкое осложнение международных отношений в конце 20-х годов, в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Особенно неприятно это выглядело на фоне ежегодного переселения 20 тысяч японцев на Южный Сахалин.

Тем не менее Северный Сахалин развивался быстро, с годами возрастало и его население. С 1925 по 1940 год численность жителей увеличилась в 22 раза и составила 110 тыс.

человек. На острове были созданы целые отрасли экономики, такие, как нефтяная, угольная, лесная, рыбная.

Доставка и обустройство переселенцев сопровождались огромными трудностями. Строительство благоустроенного жилья в области практически не велось. Основной тип жилья тогдашнего Сахалина представляли собой бараки. Это 20—30-комнатные сооружения, без элементарных удобств, с общей на весь барак плитой, без всяких подсобных помещений. Средняя жилая площадь на одного человека составляла в те годы по области около 3 кв. метров!

К концу 30-х годов в области значилось 384 населенных пункта. Север Сахалина стал наконец-то приобретать обжитой вид. Крупными населенными пунктами, конечно, по сахалинским меркам, были города Александровск (17,3 тыс. человек) и Оха (18,9 тыс. человек), рабочие поселки Дуэ (2,9 тыс. человек), Мгачи (2,0 тыс. человек), Октябрьский (1,9 тыс. человек), села Дербинское (1,5 тыс. человек), Кировское (1,2 тыс. человек). Но большинство сахалинских населенных пунктов были местами временного проживания. Это были туземные стойбища, лесоучастки, блокпосты, разъезды, заимки, поселки при рыбозаводах и комбинатах и т. п. Их создавали по мере производственной необходимости, и спустя какое-то время они исчезали.

Развивалась и местная культура. К 1940 году издавались 5 газет, открылись краеведческий музей, несколько театров, библиотеки. В отдаленных районах создавались клубы с киноустановками, красные уголки.

Впрочем, советский Сахалин не миновали и многие трагические моменты общей истории. Проводилась коллективизация, две последние действующие церкви были закрыты. Массовые репрессии, которые проводил начальник сахалинского НКВД Дреков, отличались особым размахом. Тем не менее Северный Сахалин перестал быть оторванным от основной России каторжным краем.

В августе 1945 года в результате Сахалинской и Курильской десантных операций японская часть Сахалина была объединена с советской. И весь остров вновь стал единым российским.

После раздела Сахалина по Портсмутскому договору японцы назвали свои владения Карафуто. Эта территория подчинялась министерству колоний и административно не входила в состав собственно Японии.

Почти все русское население покинуло Южный Сахалин (при том, что большая часть сахалинцев проживала именно

на юге острова). В 1909 году на Южном Сахалине еще проживали 208 русских, но вскоре и они оставили Сахалин. Около 2 тысяч аборигенов (айнов, орохонов, гиляков) остались под японской властью.

Япония начала усиленно заселять свою новую колонию. На Южном Сахалине строились морские порты, причалы, железные и шоссейные дороги, аэродромы. Началась промышленная добыча угля. В хозяйствах японских колонистов выращивалось более 40 сельскохозяйственных культур, от злаков до овощей. Японцы организовывали также рыбные и лесные промыслы, энергично занялись оленеводством и пушным промыслом. Основными объектами промышленной добычи в прибрежных водах Южного Сахалина являлись сельдь, лососевые, треска, минтай, иваси, камбала, крабы и морская капуста — ламинария. В целом на Карафуто приходилось 15 % общеяпонского улова рыбы, 1/3 потребляемой древесины и половина целлюлозы.

В Карафуто в 1935 году издавалось около 50 газет и столько же журналов по самой разнообразной тематике. Только в столице губернаторства городе Тоёхаре выходило 26 газет. Свои журнальные издания имели 14 промышленных объединений и молодежных организаций, а также 13 учебных заведений.

Впрочем, японцы сохранили сахалинскую традицию каторжного острова. На предприятиях и промыслах Карафуто трудились фактически подневольные рабочие из Кореи и Китая.

Население японской части острова в 1906 году составляло 12 тысяч человек, в 1912 году — 42 тысячи, в 1923 году — 140 тысяч и в 1939 году — свыше 390 тысяч, из них 50 тысяч корейцев. Аборигены острова — айны, только в 1934 году получили японское подданство. Впрочем, к этому времени их численность резко уменьшилась до нескольких сот человек.

Центром Карафуто стал город Тоёхара, образованный на месте русской деревни Владимировка. В этот период стремительно росли города Маока (Холмск), Рудака (Анива), Хонто (Невельск), Эсутору (Углегорск), Томариору (Томари), Сикука (бывший пост Тихменевский, ныне Поронайск), Ноеси (Лесогорск) и другие. Появляются десятки промышленных поселков и сотни небольших крестьянских селений. Тенденция к росту населения за счет переселенцев сохранялась и в дальнейшем. Нельзя не признать, что при японцах Карафуто развивался стремительно.

После поражения японских войск в Маньчжурии, а затем — на южной части Сахалина и Курильских островах последовала полная капитуляция Японии. Вторая мировая война завершилась.

Указом Президиума Верховного Совета СССР объявлялось, что «вся земля с ее недрами, лесами и водами на территории южной части острова Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью, то есть все-народным достоянием».

2 февраля 1946 г. на этих территориях была создана самостоятельная Южно-Сахалинская область, входившая, как и Сахалинская область, в состав Хабаровского края. Было определено административно-территориальное устройство новой области, утверждены 14 районов и их названия.

В первые же дни существования молодой области правительственная комиссия провела переименование городов, рабочих поселков и сел, географических пунктов. Были упразднены японские названия и восстановлены издавна существовавшие русские: Корсаков, Соловьевка, Хомутово, Мицулевка. Многие города, поселки, железнодорожные станции были названы в честь героев боев и выдающихся исследователей, ученых, писателей, связанных с Сахалином.

2 января 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Южно-Сахалинская область была ликвидирована, а ее территория включена в состав Сахалинской области. Одновременно область была выведена из состава Хабаровского края. Образование единой самостоятельной области в составе всех районов Северного, Южного Сахалина и Курильских островов явилось признанием ее большого политического и хозяйственного значения для страны. Так появилась новая, единственная в стране островная Сахалинская область. В этих территориальных границах область существует до настоящего времени.

Важнейшими проблемами первого периода были репатриация японского населения и заселение Южного Сахалина и Курильских островов гражданами СССР. Все это было решено в сжатые сроки, с 1946 по 1949 г.

В сентябре 1945 года, по данным советских военных властей, на Южном Сахалине оставалось 370 тысяч жителей. В том числе — 358,5 тысячи японцев и 23,5 тысячи корейцев, а также 812 человек аборигенного населения — айнов, орочонов, эвенков и нивхов. В это число не входили военнопленные и те гражданские японцы, что успели убежать в Японию.

В соответствии с трехсторонней договоренностью СССР, США и Японии с весны 1947 г. и до лета 1948 г. с Южного Сахалина и Курильских островов было репатрировано 357 тысяч подданных Японии, включая и коренной островной народ — айнов. В принципе, власти СССР были готовы оставить айнов на их родном острове, но под влиянием японской

пропаганды все айны покинули Сахалин и Курилы, лишившись своей родины. На Камчатке и северном Сахалине остались только некоторое количество людей смешанного айно-нивхского и айно-корейского происхождения.

Одновременно происходило массовое переселение советских людей на эти территории. К осени 1946 г. на Южном Сахалине и Курильских островах насчитывалось уже более 70 тысяч советских жителей. Число переселившихся сюда советских людей вскоре увеличилось до 350 тысяч, к 1949 г. их насчитывалось уже более 458 тысяч человек, а в 1957 году в области проживало 663,8 тысячи человек. Это был итог целенаправленной переселенческой политики государства, включавшей ряд эффективных мер и социальных гарантий с целью приостановки текучести населения, создания условий для закрепления кадров, уже адаптировавшихся здесь и получивших нужные для области профессии.

Ряды переселенцев состояли из рабочих, колхозников, демобилизованных солдат, направленных сюда выпускников вузов, представителей самых различных наций и народностей — русских, украинцев, белорусов, корейцев, чувашей, татар, азербайджанцев и многих других. Столица области, Южно-Сахалинск (бывшая Тоёхара, а еще ранее — Владимировка) быстро развивался, достигнув в 1959 году 85 тысяч жителей, и 165 тысяч в 1979 году.

Одновременно с решением сложных проблем заселения и развития экономики области активно решались социальные вопросы. Строились школы, детские сады, дома культуры, многие другие учреждения социальной сферы. Развернулось активное жилищное строительство. Впрочем, зигзаги правительственного курса в социальной сфере не способствовали нормальному развитию области.

Так, Н.С.Хрущев, посетив Сахалин, пришел к выводу, что остров по природным условиям, — «вторые Сочи», и отменил «северные» льготы сахалинцам. Все это совпало с «укрупнением» сельских населенных пунктов, уничтожением производственных артелей, и пр. Поскольку это также совпало с передачей китайцам Порт-Артура, а также с согласием Хрущева возврата Японии островов Малой Курильской гряды, то неудивительно, что все эти события вызвали среди сахалинцев панические слухи о грядущей передаче южной части Сахалина обратно Японии. В результате приток переселенцев в 1956—1961 гг. сократился, а количество прибывших стало меньше на 100 тысяч человек тех, кто покинул остров.

Тем не менее, остров развивался. Добывались нефть, газ и уголь. Работала рыбная промышленность. Начинало разви-

ваться выращивание морских биоресурсов. На берегу Анивской бухты, близ порта Корсакова на самом юге острова, действовал уникальный завод по производству агар-агара из морской капусты. Сахалин потихоньку стал терять свою островную оторванность. В 1953 году началось было строительство железнодорожного туннеля между Сахалином и материком. Правда, сразу после смерти Сталина строительство было заморожено. В 1973 году открыта паромная переправа Ванино — Холмск. Таким образом, сроки доставки грузов с острова сократились в 3 раза. Численность населения Сахалинской области (включая Курильские острова) в 1989 году достигла 710 тысяч человек. На острове проживали представители более 80 этносов. Коренные этносы острова — нивхи (бывшие гиляки), ороки и другие составляли лишь 0,4 % населения. Подавляющее большинство жителей области жили в южной части острова Сахалин. По советским меркам, сахалинцы были весьма зажиточными людьми. Например, средняя месячная заработная плата рабочих и служащих по области с 1970 по 1990 год увеличилась более чем в два раза, с 223,4 до 477,2 тогдашних рублей.

Распад СССР вызвал, как и по всему Дальнему Востоку, экономические потрясения, породившие массовый отток населения. С 1992 года численность населения Сахалинской области начинает сокращаться. В 2002 году в области проживали 546 тысяч жителей, в 2010 — уже только 479 тысяч. Было в значительной степени уничтожено промышленное производство. Правда, богатство сахалинского шельфа привело к появлению крупных проектов по добыче нефти и газа.

От Камчатки и почти до японского острова Хоккайдо протянулась дуга Курильских островов длиной 1200 км. Правда, общая площадь островов не такая уж большая — 16,5 тыс км². Однако их стратегическое и промысловое значение огромно.

К моменту прихода русских людей на Курильские острова население архипелага не было однородным. На острове Шумшу жили ительмены. Они частично ассимилировали местных айнов, а частично потеснили их на Парамушир и другие острова северной группы. На всех остальных островах жили только айны или «мохнатые курильцы», как их тогда называли русские.

В 1646 году русский землепроходец Н. Колобов узнал о неких бородатых жителях островов. Первооткрыватель Камчатки В. Атласов уже имел от жителей Камчатки определенные сведения об островах и их жителях. Вскоре русские мо-

реходцы проникали уже на сами острова, нанося их на карту. Этапы открытия Курил выглядели так: в 1711 г. И. Козыревским открыты и присоединены северные острова, Евреинов и Лужин в июне 1721 года открыли острова центральной группы Курил до Симушира включительно; в 1739 г. М. Шпанбергом и В. Вальтоном было проведено картографирование архипелага, основаны первые поселения (в 1743 году на острове Шумшу, в 1755 г. на острове Симушир и в 1794 году на острове Уруп); в 1778—1779 гг. И. М. Антипин и Д. Я. Шебалин привели в русское подданство большинство жителей Курил численностью свыше 1500 человек.

Начиная с 70-х годов XVIII и до начала XIX в. Курильские острова осваивались благодаря инициативе сибирских торгово-промышленных компаний. В это время Курильские острова рассматривались как форпост русских на Тихом океане, база для установления торговых отношений с соседней Японией. Как и раньше, велся интенсивный промысел каланаов, предпринимались попытки, хотя и неудачные, сельскохозяйственного освоения. Впрочем, основное внимание русских промышленников было обращено на Аляску, более богатую морскими животными, и поэтому Курильские острова несколько оставались в стороне от колонизации.

Научные исследования Курил, однако, продолжались. Большой вклад в их изучение внёс В. М. Головнин, совершивший в 1807—1813 гг. и 1817—1819 гг. кругосветные путешествия.

На следующем этапе, самом интенсивном и продолжительном (1828—1875 гг.), острова архипелага осваивались Российско-американской компанией, которая на условиях вольного найма использовала труд русских промышленников, алеутов, кадьякцев, аляскинских креолов и айнов. Некоторые алеуты и эскимосы с Аляски остались на Курилах.

Местные айны называли пришельцев словом «куру», откуда и пошло название архипелага. Впрочем, по другой точке зрения, на русских производили впечатление местные «курящие» (то есть дымящие) вулканы, почему они так и назвали острова. Постепенно острова вулканов стали частью русских владений в Тихом океане.

На Курильских островах в период с 1747 по 1877 г. существовало четыре долговременных поселения — на островах Шумшу, Симушир, Северный Чирпой и Уруп. Кроме этого, русские эпизодически зимовали на остальных островах архипелага.

В принципе, все эти поселения носили характер временных баз для морских промышленников и местом зимовок.

Но, впрочем, именно так начинали многие города на Русском Севере, Сибири, а также на Аляске. Некоторые временные поселения существовали непрерывно по несколько лет. На Урупe, большом гористом острове в центральной части архипелага, поселение промышленников просуществовало в общей сложности более 10 лет — с 1775 по 1785 год. За это время был исследован весь остров, местные жители приведены в российское подданство, были произведены посевы ржи, пшеницы, ячменя, которые дали урожай. Затем, в 1794 году, по инициативе Г.И. Шелехова, на Урупe возникло новое русское промысловое поселение, просуществовавшее до 1805 года. Необходимо отметить, что после смерти Г.И. Шелехова судьбой поселения многие годы никто не интересовался. За 11 лет из России не пришло ни одно судно, и горстка русских людей фактически была предоставлена сама себе. Тем не менее они вели промысел каланов, установили связь с японцами, которые начали свои экспедиции в южной части Курил.

В 1828 году Российско-американская компания отправила из Новоархангельска на Уруп бриг «Байкал» с отрядом промышленников. Отряд состоял из 12 человек русских и 49 кадыякцев. Для устройства нового поселения на бриге имелись строевой лес, доски, кирпич, пушки, ружья, инструменты, материалы, запас провизии на 2 года и другие необходимые вещи. Начальником поселения был назначен Сысой Слободчиков, служивший ранее на Аляске и Гавайях.

Только в течение 1828—1829 гг. промысел на Урупe доставил компании мехов более чем на 800 тыс. руб. В 30—40-е годы XIX столетия поселение стабильно развивалось. Там постоянно проживало от 30 до 70 переселенцев из русских владений в Америке под управлением нескольких русских и креолов.

При переселении на Курилы предпочтение отдавалось молодым семейным людям и должникам компании. Периодически проводилась частичная ротация поселенцев, и по истечении 4—5 лет население острова полностью заменялось, но некоторые оставались на 2—3 срока.

Каждый год селения Курильского отдела посещали суда компании, которые привозили все необходимое, забирали пушнину и отвозили ее в Охотск.

Монотонная жизнь на Урупe нарушилась только в сентябре 1855 г., когда в ходе Крымской войны на мирное поселение совершили нападение и временно захватили его англо-французские корабли. Был нанесен значительный материальный ущерб, но уже через 2 года все разрушенное было восстановлено.

После ликвидации Российско-американской компании в 1867 г. почти все русские выехали с Курильских островов, а алеуты остались и продолжали вести промысел.

Еще одно русское поселение было на острове Симушир. Оно возникло еще в 1755 году как временное поселение. С 1832 года здесь жили уже постоянно. В 1870-х гг. здесь насчитывались 13 домов и проживали 57 постоянных колонистов. Жители поселка занимались преимущественно морским зверобойным промыслом. В то же время у них были домашние животные: овцы, коровы; имели они и небольшие огороды, где выращивали овощи.

Шумшу, самый северный остров Курильской гряды, уже с 1743 года посещался русскими. В 1749 году поселенцы организовали на острове первую русскую школу для айнов, существовавшую до 1785 года. В период существования Российско-американской компании на Шумшу был процветающий поселок, в котором жили и русские, и алеуты, и айны.

Тем не менее власть России была на Курилах еще не очень твердой. Первый серьезный удар по благосостоянию русских поселений был нанесен после продажи русских владений на Аляске и ликвидации Российско-американской компании в 1867 году. Вскоре после этого все русские и креолы покинули острова, но многие алеуты остались, обретя здесь вторую родину.

Второй удар был серьезней. В 1875 году в соответствии с Санкт-Петербургским договором вся Курильская гряда была передана Россией Японии в обмен на отказ Японии от притязаний на Южный Сахалин. Русские покинули Курилы, которые они осваивали целое столетие.

Японцы владели Курильскими островами до 1945 года. На острова прибыли японские колонисты, занимавшиеся в основном рыболовством. Правда, курильский климат не очень нравился японцам. На северных островах в 30-х гг. вообще зимовало лишь 200 человек. На южных островах японских колонистов было около 17 тысяч. В целом Курилы рассматривались властями Японии как база для военных действий в северной части Тихого океана. К лету 1945 года численность военных на архипелаге составляла 80 тысяч человек! Для местных айнов японский период оказался фатальным. Сначала, в 1883 году, все айны с северных островов были переселены на остров Шикотан в настоящую резервацию. Постепенно айны вымирали под влиянием тяжелых условий, и в 1941 году айнов на всех Курильских островах осталось лишь 50 человек!

В августе 1945 года Курильские острова были освобождены и включены в состав СССР. 17 тысяч японцев и местные

айны были выселены. На острова прибыли переселенцы со всего Советского Союза. В 1989 году их было уже 30 тысяч человек.

Природные условия Курил далеко не всегда благоприятны для человека. Так, в ноябре 1952 года цунами полностью уничтожило город Северо-Курильск и ряд поселков. Погибло 2300 человек. И в дальнейшем землетрясения, цунами, извержения вулканов стали повседневной реальностью курильчан, своего рода частью их образа жизни.

Увы, распад СССР привел к массовому выезду (острова оставили треть прежних жителей). Это объяснялось, среди прочего, намеренным вредительством окружения президента Ельцина, желавшего продать (в буквальном смысле) острова Японии, и для этого развернувшие газетную шумиху по поводу «неэффективности» российского владения островами. Пользуясь неопределенными формулировками так и не подписанного договора СССР и Японии от 1956 года, Япония и поныне выдвигает официальные территориальные претензии на Южные Курилы, которые ранее, по договору Симодо 1855 года, признавались японскими. Тем не менее, благодаря борьбе патриотической общественности и местных жителей, острова остаются (надеюсь, и впредь останутся) российскими. В 2011 году правительство России удвоило финансирование Курильских островов.

Сахалинская область — историческая родина малочисленных народов Крайнего Севера: нивхов, уильта (ороков), эвенков, нанайцев и других этносов. Правда, на сегодняшнем Сахалине уже нет айнов и значительно сократилась численность остальных аборигенов.

В начале XIX века на Сахалине проживали три основные этнические группы: нивхи — в основном на севере острова, уильта (ороки) — в центральной части и айны — на юге Сахалина и Курильских островах. Отмечалось также небольшое число эвенков.

Айны — один из древнейших и загадочных народов планеты. Ранее айны заселяли и значительную часть Японских островов. Они резко отличались от соседних монголоидных народов не только физическим обликом, но и своеобразным языком и многими чертами материальной и духовной культуры. Светлокожие бородатые мужчины-айны и женщины с татуировкой вокруг рта и на руках были воинственным народом. Их основное вооружение — мечи с портупейми из растительных волокон, тяжелые боевые колотушки с острыми шипами, лук и стрелы. С этим вооружением айны много ве-

ков стойко противостояли японцам, которые медленно продвигались на север, постепенно истребляя или ассимилируя айнов. Впрочем, айны на Сахалине и Курилах были более малочисленные и остальные по сравнению со своими соплеменниками. Они жили в условиях родового строя, занимаясь рыболовством, морским промыслом, охотой. В 1945 году сахалинские и курильские айны, несмотря на предложения советской военной администрации на присоединенных территориях прежнего Карафута остаться на родине, выехали вместе с японцами в Японию. В результате на всем Южном Сахалине не осталось аборигенов, и все его жители — потомки переселенцев XX века. В Японии на острове Хоккайдо в начале XXI века проживали 16 тысяч айнов, причем из них менее 1 тысячи являются потомками сахалинских и курильских айнов.

Нивхи — наиболее многочисленны среди коренных народов острова Сахалин. Основным районом расселения было побережье северной части острова. Они занимались рыболовством, промыслом нерпы и сивуча, охотой на медведя, оленя, пушного зверя, собирательством таежных растений и корней. Для передвижения по воде служили лодки различных модификаций.

В советское время нивхов приобщали к культуре. Нивх Владимир Санги разработал нивхский алфавит, осуществил ряд переводов русской классической литературы на нивхский язык. В 1990 году стала выходить газета на нивхском языке. В 1993 году В. Санги был избран вождем народа нивхов.

Уильта (ороки) и эвенки — представители тунгусо-маньчжурской семьи. Отличительная черта их культуры — оленеводство, требовавшее кочевого образа жизни. Домашний олень — главное транспортное животное, которое используется под седло и выюк, а зимой запрягается в нарту. Зимой кочевые маршруты проходили по тайге северного Сахалина, летом — на побережье Охотского моря и в районе залива Терпения. Важную роль в жизни ороков, как и всех аборигенов Сахалина, играли рыболовство и промысел морского зверя.

Коренные этносы в начале XXI века насчитывали чуть более 3,8 тысячи человек.

На Сахалине проживает также интересная этническая группа, в настоящее время имеющая черты самостоятельного этноса, — сахалинские корейцы. Они не являются аборигенами острова, они прибыли на Сахалин в значительной степени не по доброй воле. Наконец, они отличаются от советских корейцев (корё-сарам) тем, что переселялись не в

Россию, а в японские владения. Наконец, их предки в основном прибыли их южных провинций Кореи, а не из северных, как у основной части корё-сарам.

Первые корейцы, вообще-то, прибывали еще на российский Сахалин. В 1897 году на острове проживали 67 корейцев. В дальнейшем некоторое количество корейцев оказалось на Северном Сахалине. В основном это были перебравшиеся на остров корейцы с русского Дальнего Востока. Но в 1937 году все корейцы были депортированы. Это коснулось и корейцев советского Северного Сахалина. В районы Средней Азии и Казахстана было вывезено 293 корейские семьи общей численностью 1155 человек.

С 1905 года на юге острова стала образовываться другая корейская общность. Японские власти начали усиленную колонизацию Южного Сахалина, в том числе и за счёт принудительно доставляемой дешёвой рабочей силы с Корейского полуострова. Некоторые корейцы приезжали добровольно, в надежде на лучшую жизнь. Но все корейцы находились под жёстким военно-полицейским контролем.

По данным советской администрации, после окончания войны на Южном Сахалине осталось 23,5 тыс. корейцев. Будучи японскими подданными, они теперь оказались на положении лиц без гражданства. Советские власти в отношении корейцев исходили из того, что они в основном настроены антияпонски, весьма трудолюбивы и поэтому окажутся очень полезными при хозяйственном развитии новых советских территорий. Впрочем, власти Японии всегда относились к корейцам с чувством расистского высокомерия, и отказывались принимать даже тех корейцев, что сохранили японское гражданство. Так что даже лояльные Японии корейцы были брошены Японией на Сахалине. Позднее число сахалинских корейцев несколько возросло за счет рабочих, прибывших из Северной Кореи, а также вернувшейся на Дальний Восток части ранее депортированных.

Начиная с 1952 года сахалинским корейцам разрешили получать гражданство СССР, часть из них имели паспорта КНДР, часть оставались лицами без гражданства (апатридами), наконец, некоторые еще долго формально считались гражданами Японии. Лишь к концу 60-х гг. все сахалинские корейцы официально стали гражданами Советского Союза.

Постепенно корейцы наладили жизнь на ставшем для них родным острове. Их численность возросла к концу 80-х гг. до 35 тысяч человек.

К концу 1980-х гг. в народном хозяйстве области было занято почти 11,5 тыс. корейцев, из них в промышленности —

более 4 тыс., в сельском хозяйстве — примерно 1 тыс., строительстве и коммунальном хозяйстве — 2,3 тыс., в бытовом обслуживании — 1,8 тыс., на транспорте — 0,5 тыс., в сферах образования и культуры — 1,8 тыс. Около 2 тыс. корейцев были заняты на руководящих и инженерно-технических должностях, почти 7 тыс. имели высококвалифицированную рабочую специальность. Характерно, что в 1960—1980-х гг., работая совместно с русскими людьми, корейцы не образовывали сугубо национальных трудовых коллективов, за исключением малочисленных звеньев и бригад. Но в целом они являлись важнейшей составляющей кадрового потенциала Сахалинской области, играли важную роль в развитии её производительных сил.

К этому времени произошла языковая русификация корейцев. По итогам переписи 1989 года, из проживавших в Сахалинской области 35,2 тыс. корейцев своим родным языком считали корейский 12,9 тыс., или 36,6%, тогда как в 1959 г. — 39,7 тыс., или 93,8 %. Правда, языковая русификация сахалинцев была не такая значительная, как у корейцев Средней Азии.

В советский период культурная жизнь сахалинского корейского населения развивалась достаточно противоречиво. В первые послевоенные десятилетия создавались условия для ликвидации неграмотности среди корейцев, открывались национальные школы, выходили издания на корейском языке, развивались театральные-художественные формы культуры и пр.

Впрочем, культурная русификация корейцев стала фактом. Показательно, что на вопрос, какие предметы национальной культуры имеются у них дома, школьники корейской национальности называли иконы, матрешки и другие элементы русской традиционной культуры, поскольку русская культура для них изначально «своя». В настоящее время примерно половина сахалинских корейцев состоит в браке с представителями другой национальности, хотя еще в 60—70-е гг. XX века подобные браки были редкостью.

В постсоветский период сахалинские корейцы также испытывали множество социальных проблем. Однако надо отдать им должное — они достаточно быстро приспособились к новым экономическим реалиям. Сегодня корейцы хорошо представлены в деловой жизни острова. Падение пресловутого «железного занавеса» сделало возможным эмиграцию корейцев в Южную Корею и Японию. Показательно, что количество эмигрантов оказалось небольшим — примерно 5% корейцев Сахалина выехали в Южную Корею, Японию или в США. Гораздо

больше сахалинских корейцев перебралось в континентальную часть России. В целом сахалинские корейцы оказались весьма жизнеспособным и активным этносом.

Основное население Сахалина составляют русские. Поскольку они в большинстве своем потомки переселенцев советского времени, трудно выделить какие-либо особые черты, которые бы отличали сахалинцев от основной массы русских. Тем не менее, как отмечает уроженка Сахалина, доктор философских наук А.А. Еромасова, «природные, непредсказуемые условия, особенно на Курильских островах, сделали сахалинца духовно закаленным, собранным, деловитым, энергичным, но, согласно статистике, физическое здоровье русских, живущих на Сахалине, оставляет желать лучшего. Как правило, это сердечные, желудочные болезни, ревматизм и артрит от сырости и холода. Но в целом сахалинцы жизнерадостны, выносливы, трудолюбивы, целенаправленны».

Русское население Сахалина довольно образованно. В 60—80-е гг. XX века Сахалинская область занимала одно из первых мест по доле выписываемых на душу населения научных и художественных периодических изданий. В области насчитывались 204 библиотеки и 16 музеев. В 1998 году открылся университет. Среди местных жителей очень многие работают на рыболовецких или грузовых судах, часто бывая за границей (и значительно реже — на материковой России).

В почти полностью атеизированной области происходит возрождение православия. В 1993 году возникла самостоятельная Южно-Сахалинская епархия. В 2011 году на Сахалине и Курилах насчитывалось 89 храмов, 1 монастырь. Большой собор Вознесения открылся в Южно-Сахалинске. Окормляют верующих 48 священников и 10 дьяконов. Помимо русских, среди православных верующих есть корейцы и представители аборигенных народов. Русская идентичность сахалинцев не ставится никем под сомнение. И значит, этот край был и будет российским.

РАСКАЗЫ

КРЕСТИК

Мне сызмальства по душе запах полыни. Идешь по лугу, обязательно нагнешься и сорвешь на ходу макушку бледно-серебристой травы. Разотрешь ее в ладони и не надышишься этим необыкновенным запахом. В ней смешались запахи всех трав, ее окружавших. И что удивительно: она для роста выбирает не буйство красок, не себе ровню по высоте, а обязательно красуется там, где трава поменьше и солнца побольше. Чаще всего у тропинок — пусть человек видит, проходя мимо, что на земле не только счастливые колокольчики и ромашки, а есть и еще обиженный цветок.

Полынь пахнет слезами. Отчаянностью. Потерей. А еще стойкостью, силой, выносливостью. Крепкая трава, по-другому не скажешь.

У нас за деревней росло полыни видимо-невидимо. Пустынное место на подходе к родниковой речке сплошь было изрезано мелкими тропинками. Бабы несли на коромыслах белье полоскать. Мужики лыко мочили, а потом здесь же, среди песен ключей, плели лап-

ПРОЗА

ти, кошали. Лапти к зиме, а кошали к сенокосной, да и к другой крестьянской работе — в них удобно еду носить.

В полдень к звонкой речушке дед Иван по прозвищу Бусек подгонял стадо, и коровы сначала пили холодную воду, а потом складывали сытые бока на лугу и дремали.

К этому времени поспевали и мы — босоногие, крикливые. Скатимся с пологих оврагов со всех деревенских улиц и без промедления, голышом — в воду. Через несколько минут выскакиваем на берег и, не разжимая губ, начинаем друг друга показывать, как замерзли в воде.

— Застынете, — кричали нам тетки.

— Ноги сведет, потопнете, — шумели мужики.

И только дед Иван Бусек улыбался:

— Шалите, ничего с вами не станется.

Не шалил в это лето только я один. Прибегал вместе со всеми к речке, на ходу стаскивал с себя штаны, бросал их набегу на землю, а рубашку снять стеснялся. Под рубашкой на груди у меня, у одного-единственного, был крестик.

До этого лета крестики были у каждого, а как в школу пошли, как Анна Яковлевна строго-настрого приказала: «Бога нет», так все крестики и снимали. Я не снял.

Мне было жалко расставаться с ним. То ли по привычке. То ли хотелось испытать справедливость бабушкиных слов: «С крестом ты всегда человеком будешь».

Мне хотелось быть человеком. И я прятал крестик, как мог. На все пуговики застегивал рубашку, под самое горлышко. Хотя воротник сдавливал шею — терпел.

Так вот устроена деревенская жизнь — каждый в ней житель как на ладони. Не был исключением и я. Откуда просочилась моя тайна, никто никогда не узнает, только все мои друзья не столько поддразнивали меня, сколько пугали.

— Слушай, — шепотом на ухо предупредил меня Сашок Калмыков, — если крестика не снимешь, тебя ведь из школы выгонят.

— Это за что же?

— Как за что? За крестик! Тебе же сказали, что Бога нет, а ты не веришь.

— Не верю. Почему же все в церковь ходят, и их за это никто не наказывает.

— Какой ты глупый. Они же большие.

— А маленьких, значит, можно?

— Да еще как! Нам вот книжку читали, там девочку распяли, она верующая была. А ты умоленный, что ли, такой, что со своим крестиком расстаться не можешь? Помяни мое слово, тебе еще за это здорово попадет.

Другие же ребята, побойчее, просто кричали мне:
— Смотрите, у нас поп растет! Поп — толоконный лоб! Все в школе про тебя расскажем.

Был ли я верующим, в то время я этого не знал, скорее всего, не понимал, что это такое — быть верующим. Но мне всегда нравилось приходить в церковь и слушать, как звучит голос священника. Спокойно звучит, успокаивающе. А еще больше любил слушать хор. Он состоял из сельских певуний, а мужские голоса в него привносили старики — люди из степенных семей и уважаемые на деревне.

Больше всего мне нравилось поправлять свечи на каноне, у распятия. Там всегда было трогательно и серьезно. С низкими поклонами подходили к этому жертвенному месту люди. Скорбно ставили свечи, и они сначала весело потрескивали, отражаясь в приглушенном блеске икон, а потом наклонялись и слезливо плавились, наполняя чашечки подсвечников воском.

Скорее всего, милый сельский священник Василий Ильинский и заприметил меня именно там, а еще и потому, что каждую праздничную службу я подходил к нему причащаться. Он только ласково улыбался и кротко, тихо произносил: «С Богом, на пользу тебе, сынок». А однажды взял, да и определил мне место в храме — именно у канона:

— Уж больно ты душевно свечи поправляешь. Стой здесь, помогай вот бабе Поле, а после службы мы здесь с тобой помолимся.

И мы молились. Батюшка читал имена в поминаньцах. Женщины раздавали после службы кутью, и я был рад услужить священнику. А вот верующий я или не верующий, не знал этого.

А река-то зовет. Шумом. Плеском. Прохладой.

А раздеться-то не могу.

Тут еще Сашок кричит:

— Чего стоишь, давай прям в рубашке!

И уж решил совсем: в рубашке так в рубашке.

— А ты крестик-то сними да вот здесь на кустик полыни и повесь. Я посторожу, — обернулся ко мне пастух.

— Можно?

— Чего же нельзя. Мне все равно за коровами смотреть и за твоей одежкой пригляну.

Я расстегнул ворот рубашки и через голову снял ее. Свернул аккуратно, нашел высокий куст полыни и положил рубашку около.

Снял крестик и долго искал местечко, куда бы его в полыни запрятать. Нашел. Спрятал.

— Ты уж, дедушка, не обмани.

— Да ты что, глупенький. Соколом присмотрю.

Ноги сами понесли к воде — сами и остановились. Я вернулся к кусту полыни, еще раз поправил спрятанный крестик. Сколько помнил себя, столько он со мной и был. Распятие с одной стороны, слова с другой потускнели, поистерлись. Сколько раз менялась суровая нитка! А все равно шел от крестика домашний теплый свет. И когда он на шее, всегда казалось, будто мама тебя обнимает.

— Дедушка, ты уж...

— Гляди на него. Вот Фома-то...

— Чего же я раньше до этого не додумал, — шептали мои уста, а ноги неслись к реке. Один кувырок, второй и прямо на руках влетел в воду. Она, настоящая, ледяная, обвила все тело, исколола холодной сосулькой лицо и обняла просторно, широко и приветливо.

Пошли нырки, за ними догонялки.

Выскочишь на берег, скукожишься от солнца и понимаешь: в воде теплее. И снова в речку!

Не заметили, как бабы белье унесли, мужики лыко пособирали. Не видно стада... Стада не видно! А как же дед Бусек? Он же обещал покараулить.

Одежонка как лежала, так и лежит возле полыни. Штаны. Рубашка. Ага, вот сюда я крестик повесил. Только чуть-чуть согреюсь и возьму. Нет его!

Так я же его перепрятал. Вот сюда, вот здесь. Да где же он?

Может, кто ногой задел, и он упал в другое место. В траве нет. Нет его и возле другого полынного куста, и у третьего нет, и у четвертого.

Сколько кустов полыни я обшарил, сказать трудно, но крестика так и не нашел.

Горьким и заплаканным воротился домой. Как мог, так и рассказал о случившемся.

Всю ночь мне снились приятели. Кто поддразнивал: «Разиня — крест потерял». Кто смеялся: «Так тебе и надо, поп — толоконный лоб». Кто совсем грозился: «Всё в школе расскажем. Вот уж попадет тебе».

А утром, только-только открыл глаза, я увидел напротив на столе свой потерянный крестик. Он висел на корявой веточке полыни, а сама веточка стояла в стакане с водой.

— Бабунь, это откуда же мой крестик?

— Да Ваня-Бусек сегодня ранехонько заходил. Вчера, говорит, устал, не дошел до нашего дома. Вот крестик твой принес. Ты, говорит, уж не больно ругай своего-то... Принес. Он,

наш Ваня, с детства был обязательным. Приподними-ка голову, я тебе крестик на шею одену.

Ладошка сама собой прикрыла на груди крестик, и я крепко заснул. Снилось мне залитая солнцем лесная поляна, вся изукрашенная цветами.

ГРЕХ

Первая улица в нашем селе заканчивалась обрывисто — Андреевой горой, а под ней неглубокая раскоряченная речушка. Воды-то всего ничего, пригоршни чистой не зачерпнёшь — обязательно с песком, а народу она немало навредила.

Весной как разольётся, так и отрежет половинку улиц от другой половинки. Выйдут утром люди на работу, а перейти с берега на берег не могут. Поругаются-поругаются, а делать нечего, и идут за полтора километра за деревню, туда, где речка сужается в берегах и где плотник Василий Крупнов мостик с перильцами смастерил.

Летом совсем не пересыхала — родниками подпитывалась. Через нее и мост не построишь: чего его строить, если куриные лапки не зальёт, а вот не пройдет человек, чтобы обувь не замочить. Да к тому же широченной была.

А уж хитрющая, страх. Идешь, и воды-то совсем ничего, песок, травка, гальяны снуют взад-вперед. А как встанет человек на травку, так и провалится по колено.

Зато по склонам речушки, как раз на Андреевой горе, росло тополей и ивняка бессчётное множество. В прятки играть — одно удовольствие. Это нам, малышне. А постарше... Как только отрочество кудрявилось и взрослело, под каждым кустом белело девичье платье — со смехом, вздохами, поцелуями. По вечерам здесь звенела и плакала гармошка, и девки завлекательными голосами выводили:

*Ты подгорна, ты подгорна,
Широкая улица.
Почему, скажи, подгорна,
Сердце так волнуется?*

Нам же гора над безымянной речкой дорога была особенно зимой. После школы, как только домашнее задание было выучено, собирались все ребяташки на Андреевой горе и кувыркались в снегу, в войнушки играли, катались — кто на санках, кто в лукошко себя усаживал, а кто прямо так — на своем пальтишке.

По вечерам мы, собравшись гурьбой, тихонько кралась к колхозным конюшням, наваливались всей ватагой на сани и катили их на Андрееву гору. Потом уминались, приподнимали над землей оглобли и мчались под гору, визжа и смеясь. Иногда сани возвращали, а иногда так и оставляли их под горой.

Этим же летом нам всем предстояло проститься с Андреевой горой. Прослышали, будто хотят строить асфальтированную дорогу. И ждали мы этого. А как же — асфальт у нас! Чудно! И дождалась.

Утром бабушка ткнула в бок:

— Вставай, бульдозер пришел.

— Какой бульдозер?

— Какой-какой, большущий, с ковшом.

— А ковшик-то ему зачем?

— Андрееву гору срыть, вот зачем.

Как был в одних трусах, так и высочил на улицу. Надо же Сашка разбудить, Маруську, Иван Широков поди дрыхнет.

Нет, ты гляди-ка: они уже здесь стоят.

— Чего же не будите, — кричу им обиженно.

— Бабка сказала, что сама тебя поднимет. Ты смотри, смотри!

И я смотрю: бульдозер попятился, ковш свой большущий опустил на землю и завернул лужайку, будто половик. А та с трудом поддается — веками росла на ней трава-мурава, сколько ботинок девки здесь проплясали, пасхальных яиц тут перекатано бессчётно, каких только слёз на неё не ископало, и вот сейчас её не будет.

До вечера простояли. Сдалась лужайка.

— Ты так и будешь людей смешить, — зашептал рядом бабушкин голос. И только тут я опомнился: как был в трусах, так в них целый день и простоял.

И как же нам всем было жалко Андреевой горы. И как же мы все ненавидели эту неведомую пока фантастическую асфальтированную дорогу.

Утром следующего дня, не сговариваясь, пришли на Андрееву гору, а её и нет. Прямо с улицы до нашей родной речушки пологая чёрная траншея. Широкая, с двух сторон высокие, будто ножом отрезанный хлеб, края.

Всё вокруг изменилось. Осиротел дом тетки Капровой. Он крайним стоял на горе, а теперь стоит один, как милостыню просит. Чуть подалее должен быть лесниковый дом, а его из-за высоких бровок совсем и не видно. И вся улица получилась исковерканной — ни ромашек тебе, ни лопухов, ни репейников.

Походили молча, потосковали и решили: а давайте эти ровные края палками исковыряем. Назло всем. Отомстим.

Натаскали больших тополиных веток, оборвали с них сучки и листья и принялись мстить. Только ткнул в землю, в самый верх бровки, и отвалилась большая глыба. Пока она сползала, к моим ногам упал здоровенный глиняный горшок. Чудно! Горшок коричневатый, будто маслом облитый, а сверху рогожкой накрытый. Да не столько накрытый, а как бы рогожка приклеена.

Поднял — тяжеленный. Из стороны в сторону наклонил, что-то там тяжело переливается. Держу обеими руками.

— Заяц, я горшок какой-то нашёл. Смотри, — это я Зайца, Валерку Войнова, к себе подзываю. Тот трусливый всегда, а любопытства немерено. Подошёл.

— Эт где ты взял?

— Да вон, сверху свалился. Я землю палкой ковырнул, он и поехал.

— Давай тряпку оторвём, — предложил Валерка.

— Отрывай, тебе же сподручнее. Ты рви, а я держу.

Валерка-Заяц попробовал одной рукой тряпицу сорвать, не получается.

— Держи крепче, — это он мне, а сам двумя руками уцепился за рогожку и дернул.

В горшке на солнце сразу же зажелтели мелкие монетки.

Как тут оказалась тётка Матрена, никто не заметил. Она пробралась в наш шумный кружок и сказала, как отрезала:

— Это старые деньги, хлам, он совсем вам не нужен. Ну-ка, дайте мне горшок, — и выхватила его из моих рук. Прижала к груди и засемила к дому.

Мы ещё постояли. Все ещё раз понаблюдали, как я показывал, откуда горшок свалился. Подходили к Валеркиной ладошке, на которой красовались две маленькие монетки желтоватого цвета, — он успел всё-таки из горшка их взять. На том всё и закончилось.

Игры пошли одна за другой, никто не заметил, как солнце за бугор закатилось.

Вечером к нам в дом Валеркина мать заявила. Громкоголосая, высоченная.

— Ты знаешь, — с порога крикнула она матери, — твой-то золото нашёл.

— Какое золото? — не повернула головы матушка. — Опять ты напридумывала Бог знает что.

— Да ты посмотри! — и достаёт из кармана платок, а в уголке на нём узелок завязан. Вынимает из узелка две моне-

ты. — Мой пришёл и выложил эти деньги на стол, говорит, нашли. Целый горшок нашли.

— Где же твой горшок? — подала голос бабушка. — Неужто правда?

— Правда, бабуня. — И я рассказал всё, что произошло сегодня: как мстить за Андрееву гору собрались, как палок наломали, как горшок упал, как рогожку с него сдирали, как тетка Матрёнка Ухова у нас горшок отобрала и к себе домой утащила.

— А ведь и вправду золотые, — крутила в руках одну монетку бабушка. — Ты где, говоришь, горшок-то выпал?

Я ещё раз рассказал, как было дело.

— Точно деньги Трошка спрятал. Здесь амбар у него стоял. Уж прижимистый был, на извозе промышлял. Сколько народу в монастырь перевозил, да и обратно тоже. Видать, всякий люд попадался. Всю семью голодом заморил, а золотишко поднакопил. Он ещё в парнях ходил, а всё трезвонил: «Хватит в нищете жить». Под амбаром спрятал, так-так. После смерти детки-то искали — не нашли, — говорила бабушка. — Ну что же, Матренка его из своих рук не выпустит. Не тот человек.

— Как не выпустит? — громыхала Валеркина мать. — Я ей сейчас покажу, как клады отбирать. Отдаст, не тут-то было.

Она махнула рукой в сторону матери: «Все равно не пойдёшь» — и с силой хлопнула дверью.

Что там было у тётки Матренки в доме, никто не знает, только через час соседка возвратилась и бросила:

— Говорит, слушайте вы глупых детей. Ничего не брала и не видела, ещё и перекрестилась.

Бабушкины губы одними уголками выдали улыбку.

— Бабунь, а что же это она неправду говорит, что не брала. Взгля же.

— Да ты не думай про это. С чужого ещё никто в богатыри не выходил.

Никто-то никто, только заметили люди, как изменилась жизнь тетки Матренки. Трудодни её не интересовали, а потому на колхозный ток не торопилась. На усад не выходила, всё ссылалась на нездоровье, хотя на вид была кровь с молоком. Картошку копали мы, малышня да соседки, зато платила всем исправно. До сих пор помню ее двадцатикопеечные блестящие денежки.

— Где деньги берёт? — посмеивались соседки. — Куёт что ли дома по ночам?

Иногда тетка Матрёнка пропадала на неделю, а по возвращении торопилась через речку в магазин. Шла оттуда вся в кульках — с сахаром, конфетками, пряниками.

Подрастать стал, понял, где же тётка Матрёнка деньги брала. Не принесло золото ей радости. Старший сын, почему-то его Лопухом прозывали, всё бутылки из магазина таскал, напивался и буянил в доме, а потом и вовсе в тюрьму попал. Младший, добрый малый, по той же дороге направился и угодил под трактор.

А тётка... А тётка Матрёнка умирала заброшенной и одинокой.

— С чужого ещё никто в богатыри не выходил, — повторяли соседки бабушкины слова и несли Матрёнке кто кусок пирога, кто чашку грибов, кто баночку варенья.

ВОЙНА

За нашими коноплянниками — глубокий овраг с покатыми склонами. Наверное, здесь рос бы березняк, но мужики приохотились в этих травяных ложбинах сенокосничать. Не валки сваливать, не копны ставить, а так, по мелочи, для телят стригли литовками разнотравье. Если осень и сорила берёзовыми семенами, и они прорастали жиденькими побегами, всё равно жильцами не становились — попадали вместе с травой под косы и съедались домашним молодняком.

Зато с весны до осени здесь настоящая скатерть-самобранка. Не успеет ещё талая вода навеселиться, как по склону виднеются наши головы. Ребятишки рвут первоцвет и надеются всласть молочной зелени. Потом вместе с гусиными лапками, худенькими желтоватыми цветочками, лезет щавель, тут уж нам и вовсе раздолье — родители посылают принести нежную зеленоватую кислятину для завтрашних пирогов. А пока рвёшь, сколько щавеля этого, молодого, сочного, наешься.

Как только клубника отцветёт, мы не раз на бугор сбегает: каждый для себя местечко примечает, где клубники больше всего цвело, и по всему склону несётся:

— Чур, мое! Чур, мое!

Это мы так своё место огораживаем. А как только ягоды клубники с одного бока закраснеются, никого нигде искать не нужно — с утра до вечера мы ползаем по склонам, рвём ягоду и бросаем её и в рот, и в банки. Только едим больше, чем для дома собираем, ягода сладкая, не горчит, как земляника, и много её никогда не бывает.

А дальше начинаются маленькие неказистые рощицы. Кишкина и взаправду на кишку смахивает. Тонкая, извилистая, как будто на змейку-медянку похожа, но сноровистая.

Мелкие ёлки по низу разбежались, к небу совершенно не поднимаются, а ширятся, толстеют и тропинку загораживают. Здесь всегда сыро, даже трава, как на лысой голове волосы, редкая. На бугры березки карабкаются, все спины себе поизломают, потому ни одной ровной, все горбатые.

Мы не любили Кишкину, как не любили и Коровью вершину. Деревенским пастухам она нравилась. Посредине этой рощицы был широкий луг, а вход и выход один. Луговина со всех сторон окружена прямыми склонами, туда и загоняли на водопой стадо пастухи. Загонят коров, сами разместятся у прогона, выход и закрыт. Не только поесть можно, но и вздремнуть. Коровы потопчутся-потопчутся, поревут, пожалуются, да и улягутся.

Где уж нам было по сердцу, так это в Камне. Уютная рощица, просторная, куда ни глянь, везде солнышко, хотя ели густые, березняк плотный. Около тропинки, бегущей наверх, большой камень, поросший мхом. Как бывало приятно в жаркий полдень посидеть на нём, влажном и прохладном. А чуть поднимешься по тропе и попадаешь в царство света, радости. Если где и водилось бесчисленное множество шмелей, то только тут. Если где и рос дикий лук, так только в Камне. Отсюда, утопая по уши в пушистом снегу, мы накануне Рождества обязательно приносили ёлку домой. Нам казалось, что от неё шёл не только еловый запах, но и ещё запах лета — увядшей куриной слепотой, выгоревшей кашицей и перезрелой земляникой.

С рождественской ёлкой вообще чудеса творились. Крохотные, мы в Камне выбирали самую высоченную ёлку. Нет бы срубить маленькую, аккуратную, чтобы по силам до деревни донести, так нет, нам нужна была самая густая и высокая. С утра её подрубили под корень, а приволакивали домой уже по темну.

Взрослые ругали нас весело, выносили пилу и отпиливали макушку. А хоть и маковка, а получалась ёлка во всю комнату — широкая, нарядная, с шишками.

О том, что с утра во рту маковой росинки не было, никто не вспоминал, все усаживались за бумагу, краску, клей, и начиналось чудо. Кто зверушек рисовал, кто их вырезал, кто раскрашивал, и уже поздно-поздно вечером ёлка становилась нарядной, разноцветной, и начинались хороводы.

Жила в нашей деревне в ту пору бабушка-одиночка. Со всем одна, ни родственников у неё, ни подруг. Как она в нашей деревне появилась и откуда, тоже никто не знал. Откупила крошечный домик под церковной горой, в нем и жила. Мирно жила, тихо и скромно. Много по нашим рощам ходи-

ла, грибов приносила видимо-невидимо, и все знали, что душистее солёных валуев, чем у бабки этой, в деревне не было.

Малюсенькая росточком, но весёлая. Водилось за ней одно чудачество — она курила. Никто у нас отродясь не видывал, чтобы тётка, да еще и бабушка, курила. Звали её Пашей, а в деревне все называли Пашей-курилкой. Так вот, каждый раз, как только ёлка была наряжена, раздавался стук в окно, и все, не сговариваясь, в один голос кричали радостно:

— Паша идет!

И вправду — она. Раскутывала себя от многочисленных платков, сбрасывала с плеч худенькую, протёртую до дыр шубейку и раскидывала крестом руки:

— Ну-ка, становись.

И мы становились в хоровод, и начинались песни и пляски: впереди Паша, а мы возле неё. До сих пор помню старую песню, с которой начинался наш детский рождественский вечер:

*Как за нашим за двором
Росла трава шелкова,
Зелёная мурава.*

Мы в хороводе, друг за другом изображаем, кто дом, кто луг перед домом, кто траву-мураву, а песня продолжалась:

*По той траве панья шла;
За паньей пан идет,
Кричит: панья ты моя!
— А я, сударь, не твоя, —
Родимаго батюшки,
Сударыни матушки.*

Постарше ребята начинают кавалера изображать, важничать, нижнюю губу до носа дотягивают. Одна рука за спиной, другая за отворот рубахи засунута, а Паша как раз панью изображает. Кокетничает, руками от женихов отмахивается и звонко, совсем по-девичьи, смеётся и поёт.

А после каждой песни лезла в карман фартука и доставала оттуда карамельки — нарядные, крепкие, сладкие-пресладкие.

Паша не делала перерыва после хоровода, а останавливалась, поправляла платочек на голове, подходила к божничке и тихо-тихо начинала:

*— Рождество Твое, Христе Боже наш,
озарило мир светом знания,*

*ибо чрез него звёздам служащие
звездой были научаемы
Тебе поклоняться, Солнцу правды,
и знать Тебя, с высоты Восходящее Светило.
Господи, слава Тебе!*

Взрослые подпевали, а мы стояли, заморожённые.

Каково было весело в Камне по осени. Все поляны покрывались золотинками, а под ними, чаще всего березовыми листьями, стайками росли, прижимаясь плотно друг к другу, черные грузди. Большие, с шапку вымахают, а к ним такая малышня прижмется, что больше помнёшь, чем в лукошко положишь. Зато никогда с пустыми руками домой не придёшь. С геройского плеча лукошко в сенях поставишь, рядом сядешь и ожидаешься, пока кто-нибудь из взрослых из комнаты выйдет.

— Батюшки мои, как же ты столько донёс, — возрадуется голосок бабушки, — вот уж молодец так молодец! Ну, нечего нам печалиться, всю зиму с грибами будем.

И начнется суматоха. Сначала грибы в большое корыто положат, водой колодезной зальют. Потом промоют и ещё раз водой накроют, а потом отправятся в огород за смородиновыми и вишнёвыми листьями. Как только в кадке чёрные грузди на место лягут, такой запах по всему дому разольется, что кажется — в окно снова весна постучалась.

Была у нас в Камне и своя тайна. У подножия одного из склонов прижилась лисица. Жила себе тихо, никому не мешала, и ведь что удивительно — на нас никакого внимания не обращала, совсем не боялась. Мы-то её побаивались, и хотя Сашок Калмыков всегда говорил: «Подумаешь, лиса, глупое создание», но зверь — он хоть и малосенский, всё равно зверь. Поди разгадай, что у него на уме. Да нас не столько лиса занимала, сколько её детёныш.

Каждую осень у лисицы был только один детёныш, и такой забавный и доверчивый, что на наши голоса выходил из норы, усаживался, как собака, на задние лапы и крутил головой во все стороны. Куда мы пошли, и его взгляд за нами. Куда мы побежали, и он свой сопливый носик в нашу сторону направляет. До тех пор сидит, пока мамалисица с охоты не вернётся. Ткнет детёныша в бок и — в нору, и тот за ней.

А ещё посредине рощицы высился бугорок с острым верхом. Летом на нём было уютно лежать на солнышке, а зимой не так страшно съезжать на лыжах. Словом, любили мы все, без исключения, эту весёлую рощицу.

Только однажды нас напугал Камень. Только-только пристроились на макушке высокого бугорка позагорать, поскидали штаны и рубахи и улеглись уютно на прохладную травку. Только-только начинался наш нескладный разговор вперемешку со смехом и подколками. Только-только Шурган Войнов принес нам берёзовые ветки, чтобы отгонять комаров, как небо сначала ухнуло гулко, а потом раздался удар такой силы, будто несколько громов сошлись воедино.

Мы прижались к земле, впились в неё, закрыли руками головы.

— Это что такое? — не помню теперь, кто произнес слова.

— Бомбят, — высказал кто-то предположение.

— Война, наверное, опять фашисты, — это уже Сашок Калмыков. — Я только вчера кино в клубе смотрел. Про войну. Там всё так начиналось.

— Перебьют нас, а как же дома?

— Дома тоже не лучше. — И в эту минуту над нашими головами пролетел «кукурузник».

— «Кукурузники» на войне не воевали, — прошептал я скорее для себя, но услышали все.

— Много ты знаешь, ещё как воевали. Тебе же говорят русским языком: только вчера в клубе видел.

— Пряма так и разглядел «кукурузника».

— Вот и разглядел, ты что — не веришь? — сжал кулаки Сашок.

Но тут с другой стороны, от леса, послышался снова гул самолета, и ещё один «кукурузник» пролетел над нами, да так низко, что цифры и буквы на боках самолета стали ясно различимы.

— Наши, не фашисты, значит, не война.

— Что же это так бабахнуло? Конечно, война.

— Но самолёт-то наш!

— А ты первый видел, он что — наш?

— Тот далеко был и высоко. Неужели по нашей деревне врезали?

Самолеты еще покружили в небе и улетели в сторону леса.

Как же страшно и боязливо было подниматься и идти в сторону деревни. А вдруг сейчас придем, а там наших домов нету? А как же родители? Что же стало с бабушкой?

И так мне стало жалко бабуню, что я первым не выдержал и дал рёву.

— Чего ты сопли-то развесил? — вскрикнул на меня Сашок Калмыков и завыл, одновременно натягивая на себя штаны и рубаху. — Одевайтесь, домой пошли.

И мы пошли. Сначала медленно, как бы нехотя, а потом припустились со всех ног. Три километра до деревни промчались стрелами и остановились вкопанными.

Бабушка спокойно кормила кур, подсыпая им зерно прямо на лужайку.

— Бабунь, война же!

— Ты посмотри, солнышко-то сегодня какое: не палит, а будто гладит. Всё тихо, иди-ка кваску мне принеси.

— Так стреляли же!

— Никто не стрелял, а взрыв какой-то был. Может, гром так ударил.

— Ты что, какой гром, на улице даже махонькой тучки нет.

— Может, где далеко. У нас не видно, а слышно было. Не только ты один, и я перепугалась. Иди, иди, принеси квасу, да сам испей, холодный он, а уж вкуснящий.

Бабку окружили соседки, и все вели разговор о взрыве, а я не успевал бегать к кадке и черпать большим ковшом квас.

Вечером к нам на огонёк заглянула Паша-курилка. Оторвала уголок газеты, скрутила козью ножку, достала кiset и насыпала в крученую бумажку табака. Закурила.

— Сегодня в Сарове последний храм взорвали. Вот ведь что делается.

— Господи-Боже мой, прости нам прогрешения наши вольные, — перекрестилась бабушка и заплакала.

А Саров от нас в пяти верстах...

РАЗГОВОРЫ У ПЕЧКИ

Вот он я — снежный ком. Ни руками пошевелить, ни ногой переступить через порог. То ли шапка приросла к волосам, то ли волосы примёрзли к шапке. То ли пальцы приклеились к шерстяным варежкам, то ли варежки срослись с мёрзлыми пальцами. Шаровары от валенок не отодрать, как и не разлепить ресницы.

— Нагулялось горе моё, — перетаскивает меня через порог бабушка. — Уж сколько можно твердить: погибнешь ты в этом сугробе. Все дети, как дети, а этот, пока до посинения не накувыркается, домой не вернётся.

Губы мои стараются вымолвить слово, но ничего не получается.

— Что ты мне говоришь? Повтори-ка.

Пытаюсь, но падаю на пол. Нет, сил во мне полно, а вот валенки подвели. Намёрзший снег в тепле подтаял, и ноги сами по себе расплзлись в разные стороны.

— Эх ты, жалость моя, — поднимает меня с пола бабушка и развязывает узел козепуховой шали, что повязана у меня на шее. — Да где же он, этот узел?

Был впереди, а оказался сбоку, весь в снегу и заледенелый. Бабушка наклоняется к шали и пытается зубами развязать крепкий узелок.

Развязала, расстегнула пуговицы на драненьком полушубке. Вместе с шароварами сняла валенки, а вот с варежками заканителилась.

— Пальцы разожди! — вскрикнула бабушка.

— Не ра-зо-жи-ма-ют-ся, — кривятся мои губы.

— Да ты их приморозил, — сгребла меня в охапку бабушка и потащила в нашу маленькую кухонку. Здесь, возле печки на лавке, всегда стоит ведро с холодной колодезной водой. Подтащила, поставила рядом и опустила мои руки вместе с варежками в ледяной пожар.

Я заохал, застонал и завыл.

— Ты ещё пореви мне, — возвысила голос бабушка. — Аль не знал, что творил! Маленький, что ли? Вон вымахал, скоро со сковородник будешь, а разума с наперсток. Как был гулевой, таким и остался, али время для тебя нет — с утра ушёл, а на дворе сумерки уже.

Так хочется возразить, нагрубить даже, только язык застрял за зубами от холода и боли.

— Стой! — приказала бабушка, а сама сняла с полки банку и стала развязывать с неё тряпичку.

Я знаю, что в банке гусиный жир, и каждый раз, когда возвращаюсь домой снежным комом, она мажет мне этим противным снадобьем щёки и нос.

— Мне бы чайку, — подвываю я.

— Горяченького, с сахаром, поди, али с малинишным вареньем? — как-то полусмехом, полуиздевкой произносит бабушка.

Уж такого я вовсе не стерпел и заревел во весь голос.

— Реви, реви, только не на кого тебе губы гнуть. Да ты посильнее, чтобы у Володиных услышали, — сдернула с меня варежки бабушка и взялась за банку. Руки мои заалели и сморщились, как перележавшие яблоки, а кончики пальцев ломили страшной болью.

От гусиного сала боль утихла. Свежая фланелевая рубашка приятно обхватила моё худое тельце, трусы обласкали мой сухонький зад, а тут подоспела чашка горячего чая. С малиничным вареньем.

Бабушка пододвинула к голландке табуретку, ещё дедом сработанную, усадила меня плотнее к боку печки:

— Хлебай свой чай да посматривай на лампаду.
— Зачем же на лампаду? — Мои губы оживились.
— Какой ты непонятливый! Печка спину твою греет, а огонёк перед образами — душу. Как тепло вместе соединится, так и будет хорошо, а то, не ровен час, снова ангину подхватишь. Мучайся тогда с тобой.

Бабушка подошла к столу, легонько приподнялась и поправила фитилёк лампы. Огонек покачался из стороны в сторону, поискрился и поплыл ровным светом.

— Вот и хорошо, давай-ка так вот с тобой и посумерничаем. Ты, поди, всех до дома проводил, а тебя никто.

— Почему это никто? Полина меня с улицы угнала.

— Это какая такая Полина?

— Ну, Сёмнова, какая же ещё.

— Давно ли она в твоих подружках ходить стала?

— Придумала! Как же она мне может быть подружкой, если это тетка взрослая?

— Да по твоим словам, она и не тетка вовсе, если ты ее Полиной прозываешь.

— Так её все так зовут, не я же один.

— Все как хотят, а тебе должно быть стыдно. Она взрослый человек. Да и фамилия ее не Сёмнова, а Балуева. По отчеству прозывают. Ну и что, что одна живёт, бобылкой, на её долю знаешь сколько плохого выпало — на сотню хватит, вот потому и стала тихой да немногословной, всё с улыбкой, всё с услужением. А то, что одна, — война её судьбой обделила. Да таких у нас много на деревне.

— Как это обделила?

— Нашей Полине с детства не везло, она же одна осталась, без отца-матери, те рано умерли. А сиротство — тяжёлая дорожка, всё тычки да подзатылины. Ей бы потом в девках гулять, а она в город сбежала, с такими же горемыками. Там на стройке тачки возила да носилки с землей таскала, а потом и вовсе в Таганрог уехала.

— Это где такой Таганрог находится?

— Точно тебе не скажу, но как бы ближе к украинской стороне, там её война и застала, в плен к немцам попала.

— Прямо вот к самым настоящим? К фашистам?

— Да, почти четыре года на них работала, а как домой возвратилась, пошла ухаживать за поросятами на колхозную ферму. Зимой и летом — всё в резиновых сапогах, она по хлебке по-хорошему не похлебала. Кусок хлеба в руки и на работу. Домой прибежит, дела подделает и снова на работу. Я иногда думаю: спит ли она когда?

Как же так — вот эта маленькая неказистая Полина таскала тяжёлые носилки в Таганроге? Она росточком-то всего ничего, а побывала в фашистском плену.

— Да ты меня не слушаешь совсем?

— Как не слушаю, слушаю, только больно мне чудно, чтобы Поли... чтобы тетя Поля на войну ходила.

— Её силой в плен увезли, страху, говорит, натерпелась на всю жизнь. Протерпит, такой уж крест ей выпал. Ты вот обрати внимание, как Полина себя в храме ведёт. Я не могу налюбоваться, когда она крестится. Другие будто торопятся, за рукой не уследишь, как крестное знамение кладут, а она, Поля-то, осеняет себя, будто крестом дорожит. Не поторопится, пальчики один к одному соединит и так ласково молится, что заглядеться можно. Сколько раз заглядывалась.

— Как уж ты смогла разглядеть, если она реже нас в церковь ходит, — возразил я бабушке.

— А ты не считай, ее Господь за это простит. Была бы её воля — чаще бы ходила, она такая. А потом — она же обязательная: как работу бросить? Другие вон, семейные, у Полины и выходной отберут. Поймают прямо на дороге и ну клянчить: подмени меня, подмени, и столько всякой всячины наплетут, мёртвый согласится. Вот так она без выходных и наяривает, а как случай подвернётся, всегда в церковь идет.

Бабушка выхватила из-под кровати донце, приладила его на табуретку, а к нему ещё и лопатку. Прикрепила к лопатке клочок овечьей шерсти и взяла в руки веретено.

Намочила пальцы правой руки, ловко оттянула шерсть и скрутила малюсенькую ниточку. Ловко и быстро завязала узелок на остром кончике веретена, и он закружился в бабушкиных руках.

Не пройдет и часа, как веретено накрутит на бока шерстяную нитку и отяжелеет, будет вырываться из бабушкиных рук и падать на пол, а та поднимать его и ворчать.

Пока бабуня дело не наладит, пока шерстяная нитка не выпрямится и не станет ровной, разговора не получится.

Окошко у стола заиндевело, промёрзло. Оно скоро оттаёт и заплачет, а я прилачился к нему и горячими пальчиками примостился рожицы рисовать. Прижмёшь кончик пальца — растает льдинка. Другим пальчиком прижмёшь тонкий ледок — ещё одно капельное оконце появится, а за ними носик нарисуеться, улыбающийся рот, брови. Занимательный человечек получается.

Вот же взаправду Полина в церковь редко ходит. А может, на самом деле ей некогда, или она, как Стеня Кузнецова, бабюшку не признаёт?

У Стёши Кузнецовой маленький приземистый домик стоял крайним на улице-высочке. Улица эта выбивалась из деревенского порядка и убегала аккуратно к широкой березовой рощице.

Жила Стёша уединённо, вела свое нехитрое хозяйство по-старому: ни у кого на усаде не росло просо, а у неё вместе с картошками колосилась высокая, тонкая в стебле каша. Будущая каша. Как только приходило время, Стёша брала в руки серп и срезала просяные колосья. Потом их сушила на проулке возле дома, выбивала зёрна палкой. В тихое солнечное утро выносила из амбара ступу и подолгу колдовала над зерном. В хлопчатый мешок пересыпала из ступы готовое пшено и растапливала большую, в пол-избы, печь.

Часа через два по улице разгуливал запах свежей пшенной каши, да такой, что мы, ребята, как бы совершенно случайно, оказывались возле Стёшиной избы и играли в догонялки до тех пор, пока старушка не выйдет на крылечко и не пригласит:

— А ну-ка, айда кашу есть.

На столе в переднем углу стояла большая алюминиевая чашка, а в ней только что сваренная каша, приправленная конопляным маслом.

Деревянные ложки выбивали дробь по краям чашки. Губы смолились от масла. Улыбки из обрадованных превращались в довольные и сытые, а Стёша всё подкладывала и подкладывала каши:

— Ешьте, такой дома не сварят.

Но вот что интересно — в большие праздники Стёша Кузнецова не выходила на улицу и никогда в церковь не ходила. Идут соседи, на Стёшины окна поглядят, шаг задержат, а заходить в дом — не заходят. Махнут рукой только:

— Совсем старуха поглупела, в храм не ходит.

А с жизнью Стёша прощалась накануне Пасхи. Как только, рассказывала мне бабушка, на церковной паперти разнеслось: «Христос воскрес из мертвых...», её дыхание и приостановилось.

— Не нам судить Стёшу, она славная была, труженица. Господь таких любит.

Вот, думаю, и с Полиной так случится.

Пальчики разрисовали всё окошко, и оно, не дожидаясь печного тепла, заплакало, открывая зеркало заката — ярко-красный горизонт, приправленный надвигающейся ночью.

— Ты чего же приумолк?

Если бабушка вновь заговорила, значит, нитка ровная побежала. Значит, совсем скоро она нанижет нитку мне на ладони и будет крутить её в клубок.

— Да вот про тётю Полю думаю.

— И чего же ты придумал?

— Ничего, только не верится мне, чтобы эта маленькая тетка в плену была.

— Эх, милый мой, на веку, как на току, и натопчешься, и намолотишься. Человек через всё проходит и со всем справляется, если он крепкий человек. Немудрено ему сломаться, немудрено, а вот Полина наша не ломается...

Утро следующего дня задалось ярким и солнечным. Гурьбой мы прилаживали сани и выкатывали их на гору. По тропинке к нам навстречу семенила Полина Сёмнова — с работы шла.

— Здравствуй, тётя Поля, — крикнул я ей из толпы.

— Ты чего это её так? — резанул Мишка Грунин.

— А как?

— Так она Полина.

А Полина поравнялась с нами, улыбнулась одному мне и вновь заторопилась.

Тут-то я и рассказал всем, что мне бабушка рассказывала.

— Выдумки, — вновь вскричал Мишка Грунин, — я ведь всё дома расспрошу.

И расспросил, и подтвердил мои слова.

Вечером же на этой самой горе, увидев спешащую Полину, мы хором закричали:

— На работу что ли бежишь, тётя Поля?

— На неё, на неё родимую, — ответила та, приостановилась и мило заулыбалась. Нам. Синеватому вечеру. Первой звёздочке, что заблестела рядом с горизонтом.

ЗЕРКАЛО

НОВЕЛЛА

На Голгофу поднимается греческий монах. Теплым стал поручень перил от рук паломников. Скоро Рождество. Запах кадильного дыма. Затенённость. В скале — трещина. Грек подошел к месту прибавания Его ко кресту. Кадит, освящает. Народ сторонится, давая пройти. Вот освящается место деления риз. Раскачивается кадило, как маятник старинных часов. Потом он спускается по лестнице справа. Идет к камню Миропомазания. На Голгофу с голубком взлетал и дымок.

Вторым устремился на Голгофу армянин в багровом. Освящает престол, место прибавания ко кресту, место деления риз.

Третьим был копт в шапочке, на которой двенадцать крестиков.

И вот все вернулись на свои места.

Высокий монах поправил фитили в лампадках. И хотя он рослый, но ему приходилось вставать на лестницу. И потом начал молиться, и паломники подступили к нему. Альпиде надо было поговорить с ним, но куда в такой толпе.

ПРОЗА

— Некоторые историки религий считают, что Честная Риза Господа — это не совсем нешвейный Хитон, — продолжает Марк-экскурсовод.

Альпиде нравится слушать гидов и изучать языки, разговаривать с народом на их наречии. Она уже провела экскурсию за сто шекелей.

— Прочитаем в Священном Писании: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон...» Хитон и ризы из Иерусалима вывозились. Персидский шах передал ризу русскому царю Михаилу Фёдоровичу, которую после завоевания Грузии обрел у митрополита. — Марк нанизывает фразы, будто мясо на шампуре, чтобы удивить.

Высокий монах сел в кресло, приложив руку к черной взлохмаченной бороде, словно так молиться легче. И Альпида подошла.

Монах приложил к ее глазу ладанку, а потом дал понюхать. Ладанка старинная, необыкновенной работы, но почти пустая — ладана в ней оказалось совсем мало. Она перед отъездом попросила передать книгу архимандриту. Рядом оказался Марк и, как опытный коллекционер, разглядывал ладанку.

Перед живоносным крестом — два подсвечника. Она зажгла свечу и поставила в песок. Святой огонь не гасится до схождения нового огня. Монах-грек слушает, как потрескивают свечи.

...На следующее воскресенье в греческом приделе угощали кофе. Монахи сидели вдоль стены.

Альпида увидела высокого монаха с Голгофы и спросила, передал ли он книгу.

Монах встал, приложил руку к бороде и спокойно уверил: «Да». Борода у него была большая, с хорошую лопату, и угольная.

И вдруг она спросила с трепещущей надеждой, может, и здесь она найдет учеников:

— Вы хотите говорить по-русски?

— Да! — С Голгофы просиял луч радостного света, пробежал по его лицу, бороде.

Она дала ему свой номер телефона.

Когда монах с Голгофы начал заниматься с ней, ему хотелось говорить по-русски хорошо. Но оказалось, что русские падежи и спряжения расходятся с греческими и что греки утратили и некоторые звуки или вообще их не имели. И что-

бы она ни делала, русские существительные не хотели склоняться, а глаголы спрягаться по-гречески.

Он удивлялся ее нетерпению. Ей казалось, будто через педагогическую строгость он быстрее освоит смешанные спряжения. И грек, потупив взор, подчинялся ее строгости, прикладывая большую руку к бороде, и, надавливая, успокаивая в себе что-то вздохмаченное.

Уроки чистописания велись на коленях у него. Она очень хотела, чтобы он говорил на её языке. И вглядывалась, как он укладывал свою бороду спокойнее: эти чувствующие волосы перестали пугать её.

...Каждый день Альпида слушала разные легенды гидов, записывала их. Ей казалось здесь все огромной киносъёмочной площадкой.

Однажды монах на Голгофе захотел дотронуться до ее руки, но она по-женски, инстинктивно, убрала руку.

Он смутился. И дал ей недогоревшую свечу с подсвечника у Креста Господня. Свеча была еще теплой и пахла медом, лесом, воском и еще чем-то чистым, может, небесным дождем, который прошел и смыл всю грязь с Земли.

...Он звонил по телефону вечером.

— Я монах из храма. Я иду. Я буду.

И стучал в дверь.

— Я пришел.

Она смеялась.

— Да?

— Да. Я пришел. Я иду.

Он прикладывал руку к губам, к бороде, к груди, словно прокладывал дорогу словам. Сегодня принес апельсинов. Это были самые сладкие апельсины иерусалимские, быть может, из райского сада мироздания, до которого здесь пятнадцать минут пешком, так как машины по Старому городу не ездят.

— Я хочу ехать Россия.

— Когда? — Она провела пальцами по серебряной цепочке, поправив золотой крестик.

— Потом... — он следил за её пальцами. — Летом.

Они занимались каждый день, и на обед всегда было что-нибудь вкусное в ее скромном номере хостела. А вот буквы «пережевывались» трудно.

Капризнее всего была буква «Ы».

— «Ы...» — Повторил он, а получилась «И».

— Мы будем говорить по-русски.

— Ми, — получалось у него вместо «мы».

Это смешило её: «Бить» вместо «быть».

— Я бил здесь вчера.

— Кого?

Он купил коричневую тетрадь, цвета глиняных табличек. И просил писать крупными печатными буквами.

— Не так, не так! — махал он руками, как ребенок-дошкольник, если буквы являлись прописные.

Она писала заглавными печатными буквами примеры.

Он требовал, чтобы печатные буквы были как напечатанные, аккуратные, красивые и похожие каждая на себя, как в типографии. У нее был размашистый, броский почерк, и приходилось стараться, точно первокласснице.

— «Ы» — звук грубый.

— «Ы-Ы-Ы...»

Он принес кагор, свадебный, фанаторийский, терпкий, с ароматом чайного листа.

— Пасха, — сказал он и перекрестился, словно Пасха уже наступила.

...Небо над Старым городом удивляет: оно низкое ночью: звезды дарят каждому свою путеводную нить, проникая и в арабские глубокие окна в древних каменных стенах.

Ночью в арабском пещерно-каменном хостеле холодно. В полстены одно окно и во всю стену другое, и ветер словно ищет кого-то, сквозит во все щели. Но вдруг открылась дверь и кто-то неслышно вошел. Остановился. И стал рассматривать ее лицо. Сердце стучало всё громче.

— Кто? — пересилила страх и резко встала, готовая к самозащите.

Стена-окно. Одеяло на полу, совсем близко от раскаленных спиралей старого советского электрического обогревателя. Трюмо не было, но ночью в окна можно смотреться, как в зеркало. Холод, как на Синае. Впервые выжимала там свой пот. Если бы царь Моисей явился, то и он бы позавидовал ее мечте и воле. Ветер на всем горном свете. И звезды на вершинах. И нешлифованный гранит. Ночь, камни, дыхание верблюдов. И Сфинкс безмолвно взирает, как восходишь к самому себе, все выше.

...На следующее утро опять весна. За молитвой муэдзина — начало рассвета. В комнате был белый пластиковый стул, как в летнем открытом кафе. Он сидел на стул, она сидела на кровати.

Монах удивлялся, когда приходил к русской учительнице:

— Учительница. Стол нет? — Его слова звучали с удивленным вопросом.

Она на пальцах изображала шумерское колесо? Или клубок Ариадны?

Он кивал бородой, весело светились глаза, словно он нашел выход из лабиринта серебряной паутины размотавшегося клубка.

Мед, который он принес, был смешан с пергой, маточным молочком и еще с чем-то необыкновенным. Запах от меда расходился над горячим чаем, как миро из золотой ладанки, которым он щедро делился.

В понедельник ученик не пришел. Альпида пожаловалась Амель, глядя в запотевшее зеркало и ожидая, когда поднимется пенка арабского кофе.

— Позвони своему Тезею, — улыбнулась соседка, диагностируя опытным глазом врача нечто другое, во всяком случае, не уроки русского.

— Не могу.

— Почему?

— Он монах из Храма. — Скромность оберегала её.

— Что это у тебя? — дотронулась паломница-врач до шеи. — Крестик золотой, с камешком. А нить серебряная.

Над уроками учительницы она шутила, наслаждаясь запахом кофе:

— У них другие понятия, другое руководящее начало. Греки приняли христианство с 335 года.

Паломницы шли в Кафедральный собор, где служат греки. Амель в клетчатом платке, который пожертвовали ей в монастыре. В греческом храме стулья с подлокотниками, можно расслабиться, если болит спина.

...После службы условились идти к русскоговорящему греку. У архимандрита Амель взяла сковороду. Она с воюющей Украины. Врач-кардиолог подрабатывала четыре часа в ресторане посудомойкой за сорок шекелей, объясняла, словно извиняясь: «Копеечку надо заработать». Двести пятьдесят шекелей в неделю за кровать, стул, тумбочку и электрическую плитку, над которой запотевало зеркало, когда они с Альпидой готовили ужин.

— Как ваше сердце? — Врач слушает пульс архимандрита.

— А разве я схож с мертвым? — играл он в сердитого монаха, а в глазах — доброта светится.

— Вы сделали кардиограмму? Вы же обещали, что сделаете. Спасибо за сковороду: знаете, это для меня, как «дары волхвов» у О'Генри.

-
- Что мог знать американец о вифлеемских Дарах Волхвов?
— Прошу прощенья за сравненья.

Прошло три дня. Ученик-монах опаздывал, Альпида позвонила.

- Я монах из Храма.
— Сегодня урок русского языка.
— Я живу в храме. Я иду. Десять минут ждать.

Он пришел, но не выучил спряжения неправильных глаголов.

- Сколько вам лет? — спросил он без всякого акцента.
Она не ответила, отвела глаза. Что за искушение?

...Заканчивался пост, приближался праздник. И гиды чаще сменяли один другого, и тысячи паломников взбирались на Голгофу.

— Справа от креста — Иоанн Богослов, — показывает Марк американским, немецким, испанским, французским и эфиопским паломникам. — В то время, чтобы показать красоту мужчины, писали его с женским лицом. С другой стороны вы видите Деву Марию...

Днем Альпида среди паломниц, а вечером ждет ученика-монаха на занятие. Он не пришел. Она обижалась, хотя понимала, что обижаться нельзя на монаха, он не принадлежит ни ей, ни себе, ни даже тем урокам, которые она проводила. Он монах из Храма. Она думала о потерянном времени, и это ее раздражало. Она даже на молитве думала о нем. Это выводило из равновесия.

Альпида роптала на свою привязанность. И исповедала свою тоску новой подруге Амель.

— Я не знаю, что делать? — Учительница смотрела на неё, словно та может ухаживать её. — Он опускает глаза, когда смотрю. А они такие чистые! И Амель, делая салат из фруктов, рассказывала со здоровым цинизмом врача.

— Один молодой монах не удержался и привел в келью девушку. Другой монах увидел и доложил игумену. Игумен приходит: «Где девушка?» Старый монах сидит на сундуке у молодого: «Где, какая девушка? Мы сидим, разговариваем». Когда игумен ушел, монах-старчик встал, открыл крышку, выпустил девушку. Монахи друг друга не выдают, у них другие понятия.

...Вечером молния, гром, и Альпида подумала: а как же бедуины на горе Синай? Ветер воет так же, как в Москве зимой.

Он не пришел. Она позвонила вчера. Он сказал «Завтра». А сегодня уже «завтра», а он не пришел. Дождь тропический вторые сутки.

...Утром она спрашивала у архимандрита, не теряя достоинства:

— Где мой ученик?

Молчание.

Но она ждала ученика и готовила ему подарок.

Наступил праздник. Высокий монах пришел в арабский хостел. Вынул золотую цепочку и попросил снять ее крестик с серебряной цепочки.

Но крестика не было.

— Я продала золотой крестик и купила самый лучший ладан. — Она протянула ему ладан, и попросила дать ладанку.

Величие души покорило его. Он встал, почти касаясь головой потолка. И приложив руку к бороде на груди, улыбался, как не улыбался ни один счастливый монах.

Как объяснить ей, что он продал ладанку и купил золотую цепочку для её золотого крестика?

Она поцеловала его руку.

Он застыл, словно в зеркале.

В окна смотрели звезды, и среди них была путеводная, та, что освещает путь и паломникам, и волхвам.

Утром к высокому монаху подошел казначей:

— Где моя ладанка? — смотрел грозно, как минотавр, который подарил ему эту дорогую старинную вещь.

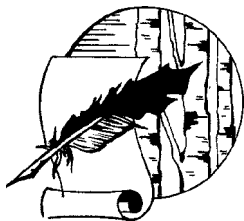
— Я подарил её.

— Кому?

Монах молчал.

Через неделю высокий монах исчез из Храма.

Когда Альпида вернулась из монастыря Святой Екатерины в Египте, ей продлили визу на три месяца. Она искала его по монастырям. Греков было много, они похожи друг на друга, но никто не был похож на высокого монаха из Храма.

Елена САПРЫКИНА

ДО КРАЯ ИСТИНЫ...

* * *

Как это облако безгласно!
Оно повисло надо мной.
Одной тревогой опоясан
Мой ветхий дом и шар земной.

И звезды, в гулкой колыбели
Тысячелетия влача,
Едва ль дотронуться посмели
Хотя бы кончиком луча

До края истины, до срока,
До отражения в крови,
До первоцвета, первотока,
Перволюбви...

* * *

Осталось ждать совсем немного:
Быть может, час. Быть может, день.
Там, где пылит моя дорога
Среди поникших деревень.

Среди распластанных оврагов
Я буду ждать Твоих вестей,
Глотая ветреную влагу
Со всех российских волостей.

И поразит меня, как громом,
И стану я Тебе близка.

А Ты пройдешь в молчанье строгом
По-над течением леска.

По-над течением погоста,
По-над течением любви.
И я пойму легко и просто
Слова и Таинства Твои.

* * *

И дождь, и снег, и облачные стены
Отгородили солнце от живых.
Мы, словно тени зонтичных растений,
Молчим, стесняясь участи своих.

Но я храню и помню, понимаю
Твоей любви космический корабль.
Где Млечный Путь — что улочка кривая,
И солнце — на песке застывший краб.

Беги, беги, мой многоногий спутник!
Свети, свети, мой неустанный диск!
О, как поёт Земли ночная лютня,
Где вышли мы из океанских брызг!

Когда кричит крылатая ракета,
От горизонта рассекая высь,
Мне странно, что живут ещё поэты,
Ещё поэты не перевелись.

* * *

Какая стройная душа
У этой пихтовой аллеи.
Ветвями дней моих шурша,
Она мне кажется милее.

Она вошла в меня, как звук,
Протяжный, из иного мира.
И не тревога, не испуг
Запомнился, а цвет сапфира.

Я шла по мягкому ковру,
Как по игольчатому чуду.

И мне казалось — не умру,
А встану в облачную грудю.

И буду так же трепетать,
Иголки мертвые бросая,
И буду так же лепетать,
Как эта девочка босая...

* * *

На брусчатке губ твоих — вода.
Так весною лужицы сверкают,
И гудят ночные провода,
Бронзовые искры высекают.

И дымы над городом, дымы,
Неуёмный гул вечерней трассы.
Мы и сами — слабые шумы,
Гвоздики мозаичной пластмассы.

Не оставь нас, Боже, не оставь!
Дай увидеть краешек восхода,
Где взлетает, крылья распластав,
Молодая ласточка — природа.

* * *

Мой день — мой кокон безымянный,
Беззвездный и немой, как рыба.
Один лишь миг благоуханный,
Когда мы встретиться могли бы.

Один лишь миг — скольжение нити,
Один каприз в пространстве сонном.
О, жизнь продлите, жизнь продлите —
Мне в этом мире потрясенном.

Вокруг тоски в каморе тесной
Свой вековой клубок мотаю.
Глотаю солнечные всплески,
И слезы горькие глотаю.

О чем шумите, воеводы,
Над этой жизнью безымянной.
Там прочной нитью лягут годы,
Где вызрел миг благоуханный.

* * *

Такая жизнь — как промельк жадный,
Вся эта облачная хмарь,
И тишина, и шум парадный,
И убиенный государь...

Наполнен мир игрою плоти.
Дрожит кощеева игла.
Кому вы души отдаете?
Он вам грозит из-за угла.

Уж лучше кокон, лучше келья,
Чем ледяной закон зверья
В дыму последнего похмелья
И в злой тоске небытия.

* * *

Как ярк белый свет и неутешен ветер!
И распласталась ночь на диске дня.
И мириады звёзд на стыке двух столетий
Скользят меж нами, вкрадчиво звеня.

А мы идём сквозь шум и океан кромсаем,
На кораблях обид вползая в тишину.
Дрожит ладонь луны, и тень её косая
Легла, перечеркнув огромную страну.

Куда ни поверни — потерянное, злое.
Кого ни позови — туманное «терпи».
Разложены слова на нотный стан покоя,
И музыка одна — купи, купи, купи...

К любви не подверстать ни славу, ни богатство.
И время, как всегда, застало нас врасплох.
Глядишь, в распыл уйдут любовь и постоянство.
Кому кричать «ау», когда весь мир оглох?

* * *

Смотри туда, где дышит горизонт,
Где облако восходит золотое.
Там тишина. Всё остальное — фронт.
Окопы и война — всё остальное.

Окошки наподобие бойниц.
Стоят дома во тьме заградотрядом.
Зато роднее ты не встретишь лиц,
Чем те, что были в эти ночи рядом.

Там русские идут. Они близки,
Они врагов испепеляют взглядом.
Внушают страх их дерзкие броски.
Они идут командовать парадом.

* * *

Москва, пронизанная током,
Опутанная проводами...
Прильнуть, припасть к твоим истокам
Всё больше хочется с годами.

Всё чаще в тёмной парусине
Ночных небес над головой
Мне видятся лучи России,
Сходящиеся над Москвой.

Сходящиеся над Берлином
В тот памятный весенний день.
Мир не погиб. Пройдя полмира,
Мой дед шагнул через плетень.

Вот он в шинели, на откосе
Махорку крутит, свет в окне...
А на расстрелянной берёзе
Сидят грачи, как на броне.

Какие фото мир оставил
И в письмах выслала война!
Семидесятью верстаем
Весну. Победа и весна.

От русских лиц, от этих вспышек,
Течёт московских улиц шёлк.
Ты новых встретила мальчишек,
Врастающих в Бессмертный полк.

* * *

Мне приснился гул Донецка.
Кто от пуль меня укрыл?
И весомо, долго, резко
Кто со мною говорил?

Страшно мне. Кругом разрывы.
Ополченец рядом встал.
Я спросила: «Кто вам крылья
Всем для подвигов раздал?»

И слегка насупив брови,
Мне ответил тот боец:
«Эх, родная, кто же кроме?
Значит, стало быть, Отец».

Боже правый! Боже правый!
Воздух чёрен, воздух взрыт.
И дома горят под градом.
Только правда не горит.

Не могла понять я сразу.
Этот сон придал мне сил.
Я люблю народ Донбасса.
Он от пуль меня укрыл.

* * *

Кто знает, где берёт поэт отвагу?
Как снайпер, совесть бьёт на поражение.
Листвой ложатся строки на бумагу —
К Преображенью.

Какие дни! Но их осталось мало.
Они поют печаль одну и ту же.
Неси, поэт, в груди и лязг вокзала,
И стружку стужи.

Войди в огонь. Душа чужая — пламень.
И не жалея весёлого «былого».
Судьбу свою ты по краям оплавил,
И вышло слово.

Оно тебе — и посох, и котомка.
Смотри — оно раскинулось равниной.
Скажи его, скажи его потомку
И стань былиной.

* * *

Время бродячих собак
В городе этом шатком.
Время кровавых драк
И беспощадной жатвы.

Кто-то идёт в обход,
Кто-то ушёл в траншею...
Врёте, что мой народ
Отдал иглу Кошею.

Совесь не знает сна.
Душу — поди, осили.
Будет ещё весна.
Будет ещё Россия.

* * *

На подступах к воротам Светограда,
На улицах, торжественно-пустых,
Затеплилась весенняя лампада,
Качаясь на цепочках золотых.

Приду сюда, забыв мою берлогу.
Кругом — ручьёв живая беготня
И громкая капель, и Слава Богу —
Весна стоит и смотрит на меня.

* * *

От рябин в глазах рябит.
Хочется дышать прохладой,
Хочется бежать в зенит
И кружиться листопадом.

Просто так — сойти в овраг
Ослепительною глиной.

Любоваться — просто так
Этой чистою картиной,

Этим фейерверком дня,
Горьким увяданьем мира,
Этой поступью огня
И падением кумира.

* * *

Открылись окна в сад. Задиристая вишня
Плеснула мне в лицо зелёный звездопад.
И этот лёгкий дым, и этот сумрак мгlistый
Не первый год со мной пространство бороздят.

Но был и новый звук в таинственной минуте,
Когда вишнёвый лик так близко подошёл.
И дни мои легли, свежи, как эти прутья,
На золотой закат, на Царственный престол.

РОЛЬ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА В СОЗДАНИИ РУССКОГО МИРА

При великом князе Владимире история русичей вышла из области сказаний, языческих мифов и фантазий и перешла в область документальной истории, засвидетельствованной отцами-основателями исторической науки — древними греками. Без документов говорить об истории очень трудно и едва ли возможно. В противном случае к обсуждению истории охотно подключаются разного рода политические фантазёры, фэнтэзи-писатели, фэнтэзи-язычники и откровенно больные люди. В качестве примера можно привести известные теперь на Украине книги и учебники по её истории с глубиной повествования в 12 000 лет и даже в 140 000 лет! Я спросил одного такого «творца» украинской истории: «Какими ты пользовался источниками и документами, утверждая те или иные вещи в своей истории?» Оказалось, что все его утверждения были «явлены ему в откровениях». Ни больше ни меньше.

Мы же, опираясь на свидетельства греческих хронистов, можем законно утверждать, что великий князь Владимир вместе с великой княгиней Ольгой являются основателя-

РУССКИЙ МИР

ми и духовными крестителями всего Русского мира — Православно-славянского цивилизационного домена. Их духовно-культурные влияния не ограничиваются только Киевской Русью, а распространяются на весь Русский мир непосредственно и через их великих потомков: Ярослава Мудрого, Владимира Ярославича, Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского, Юрия Долгорукого и других.

Людам, участвующим в разрешении чрезвычайных ситуаций (спецназовцам, пожарным, бойцам МЧС и горноспасателям) хорошо известно, как много значит состояние духа всех тех людей, которые так или иначе вовлечены в чрезвычайные события. Сильный и мобилизованный на задачи дух укрепляет человека не только духовно, психологически, но и физически. В состоянии мобилизованного духа человек может делать чудеса. И примеров этому много. Так же, в принципе, обстоит дело и с народом и его национальным духом. Народ, находящийся в состоянии духовного подъёма, одерживает великие победы, осуществляет великие свершения и успешно преодолевает тяжёлые испытания, выпавшие на его долю.

Великие государи, вожди и политические деятели отличаются от посредственных деятелей прежде всего своим чутким отношением к состоянию народного духа. Вспомним, с одной стороны, великих благоверных князей Александра Невского, Дмитрия Донского, талантливых военачальников генералиссимуса А.В. Суворова, адмирала Ф.Ф. Ушакова, русских генералов П.А. Румянцева, П.С. Салтыкова, А.А. Брусилова, Г.К. Жукова и их отношение к национальной вере, состоянию духа народа и духа своих воинов. Вспомним, с другой стороны, политических деятелей совсем иной формации: таких, как Лже-Дмитрий, Троцкий, Ельцин, и как они относились к национальной вере и состоянию духа народа, какой разгул при них получали еретики и представители всяких пришлых формирований, сект, сомнительных обществ и лож.

Зачинателем плеяды великих русских государственных деятелей, чутко относившихся к народному духу и православной вере в нашем Отечестве, был великий благоверный Киевский князь Владимир Святославич Красное Солнышко. Он — первый из древнерусских князей обратил внимание на важность создания единого общерусского духа и общерусской веры и сделал в этом направлении принципиально важный шаг — крестил Русь.

Сейчас можно найти людей, которые утверждают, что у русских уже была в то время своя древняя вера и свои боги: Сварог, Дажьд-бог, Стри-бог и другие. Но они либо забыва-

ют, либо не знают, что в то время на территории Киевской и Новгородской Руси проживало во многих областях больше угро-финнов, чем славян-русичей. По раскопкам, по характеру захоронений установлено, что в зависимости от области около 80—40% жителей Русской равнины того времени были угро-финны, и только 60—20% — славяне. Показательно, что третьим святым Русской Православной Церкви после Бориса и Глеба был их сподвижник Георгий Угрин, угор (венгр) по национальности. Известный богатырь русской земли — святой Русской Православной Церкви Илья Муромец по национальности тоже был либо муро, либо мордва (оба этих народа принадлежат угро-финской группе). В Новгородской земле кроме ильменских словен жило ещё многочисленное угро-финское племя «чудь», которое ходило на Царьград ещё вместе с князем Олегом, что и отмечено в летописи. Но до принятия Православия у угро-финнов были свои собственные боги, отличные от славянских.

Так что великий и мудрый князь Владимир Святославич смотрел прямо в корень, когда понял, что на огромном пространстве Восточной Европы одними славянами не обойтись, надо строить новый Русский мир, новую духовно-историческую общность на новой духовной реальности. Дух — это не что-то вечно застывшее в космической мерзлоте, а живое начало, оплодотворяющее всё сущее. Великий Владимир сделал очень мудрый духовный выбор — выбрал дух христианского Православия. Причём выбор этот не был поспешным, он предварительно разослал своих послов не только в Византию, но и в исламский мир и к буддистам.

Для того чтобы полнее понять историческую значимость замечательного духовного шага великого русского князя Владимира, очень полезно освежить в памяти труды выдающегося русского мыслителя Константина Леонтьева «Россия и Византия» и «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения».

В 987—988 гг. крестился сам Владимир и его близкое окружение — сначала нужен был живой пример и живая закваска. Во Христе князь Владимир получил имя Василий. Местом его крещения была часовня на Южном берегу Крыма в Херсонесе. Это место стало святым и для Русской Православной Церкви и, для всей истории Русского мира. Известно, что святынями не разбрасываются. И недавние события в Крыму нам ещё раз это подтвердили.

Осознанность своего выбора великий князь подтвердил своей женитьбой на греческой царевне Анне, сестре императоров Василия II и Константина. С нею на Русь приехали

греческие священники и стали крестить все слои русского общества. Появились первые монахи. Примерно через полтора-два года после Киева крестилась Новгородская Русь вместе с чудью. В 989 году город Корсунь (Херсонес) в Крыму вошёл в состав Руси. Теперь это город Севастополь. Это совершенно естественное историческое событие. Всё этническое разнообразие Руси было крещено единым Духом Православия! Не язычества, не иудаизма, не католицизма, не униатства, не протестантизма, а именно Духом Православия! Это теперь — исторический факт.

В 989 г. 26 ноября князь Владимир-Василий построил в Киеве первую православную церковь в честь Георгия Победоносца. За год до этого он привёз из Корсуни (Херсонеса) икону Богородицы, которая впоследствии была названа Корсунской иконой Божией Матери.

В 991 г. великий князь поставил, с согласия патриарха Фотия, первого Киевского митрополита — Леона, а в Новгороде — архиепископа Акима Корсунина, по иным городам — епископов, попов и дьяконов, чтобы крестили всю Землю Русскую. Вскоре Киев стал столицей сильного, культурного и образованного в Европе государства. В Киеве и других городах открылись училища, в монастырях создавались библиотеки, на Руси появились прекрасные образцы византийского искусства и зодчества, храмы украсились живописью, керамикой, золотом и серебром. Появилась плеяда выдающихся русских монахов, прежде всего, Киево-Печерских: Антония, Феодосия, Агапита, Амвросия, Алипия и других, внёсших большой вклад в развитие русской духовной культуры, богословия, книжной культуры, русского церковного и литературного языка.

На юге и юго-востоке Руси великий князь построил цепь городов-крепостей, преградивших путь кочевникам на Русь. Князь был озабочен безопасностью Руси и многократно собирал воинскую рать из словен, кривичей, вятичей и чуди против печенегов, половцев и хазаров.

При великом Владимире получило дальнейшее развитие на Руси такое явление, как варяги. Многие доверчивые люди в России, сбитые с толку западниками, полагают, что варяги — это скандинавы-викинги. Но это не так. Документально первыми варягами на Руси были внуки новгородского князя Гостомысла: Рюрик, Синеус и Трувор, которые никакого отношения к скандинавам не имели и не имеют до сих пор. Это подтверждают и немецкие хроники. Вообще западникам свойственно вольное отношение к летописным текстам. Так, они утверждают, что новгородцы призвали варягов потому,

что на Руси не было порядка. Но в летописи написано: «...потому что не было наряда». Средний западник не улавливает разницы между русскими понятиями «порядок» и «наряд». Военному же человеку не надо объяснять эту разницу. Варяги были призваны на Русь как наряд, задачей которого была охрана «пути из варяг в греки», т.е. «из Руси в греки», от Ладоги по Волхову, Ильменю, Шелони в Днепр и так далее в Чёрное море, а по Волге — и в Каспийское. Варяги Руси не охраняли торговые пути по Финскому заливу и Балтике. Об этом говорят и опорные базы варягов: Труворово городище у Пскова, Рюриково городище у Великого Новгорода и Синеусово городище у Белого озера. Эти же городища не стояли на Неве, на Финском заливе или на Балтике. Если принять всё это во внимание, то станет ясно, что варяги на Руси — это первая русская часть особого назначения, первый наш «спецназ». Кроме варягов «путь из варяг в греки» обслуживали и специальные сёла на торговом пути, которые чинили лады и делали новые. Если вникать в русскую историю, то станет ясно, что то, что многое делается сейчас, — это хорошо забытое древнее. Корни важных начинаний сегодня находятся в Новгородской и Киевской Руси, и свой профессиональный праздник наши спецназовцы могут обоснованно отмечать в день призвания варягов на Русь.

Русские сказания сообщают нам, что Владимир Красное Солнце был собеседником великих русских богатырей: Ильи Муромца, Яна Усмошвеца, Александра Поповича, Рагдая Удалого, причём никто из них не был скандинавом, но все они несли вместе с варягами труд и наряд по охране русского пути из варяг в греки.

В 992 г. великим Владимиром был заложен город Белгород под Киевом.

В 993 г. ходил князь Владимир на «хорватов белых» и победил их. Здесь надо отметить, что в 970—980 гг. великий князь Владимир совершил целый ряд успешных походов на соседние славянские земли и присоединил их к киево-новгородским землям: в 978 г. — полоцкие земли и польские города Перемышль и Червень; в 981—982 гг. совершил поход в земли вятичей; в 983 г. подчинил себе ятвягов, а в 984 г. — радимичей. При этом он заменял племенных князей своими: так, в Полоцке сел его сын Изяслав, в древлянской земле — сын Святослав, в Новгороде — сын Вышеслав, а затем Ярослав; в Тмутаракане и Чернигове — сын Мстислав; в Смоленске — сын Станислав, в Ростове — сын Борис, в Муроме — Глеб, в Пскове — сын Судислав.

Подчинив себе ятвягов, великий князь открыл Руси ещё один выход — на Балтику и тем заложил свой камень в

русскую балтийскую политику и историю русского флота, развитые далее Иоанном Грозным-Рюриковичем, Алексеем Михайловичем и Петром Алексеевичем Романовыми. Эта политика нашла своё отражение и в брачных отношениях Владимира и его потомков с королевскими домами Европы.

Примечательна и несколько загадочна, на первый взгляд, политика великого князя Владимира относительно Тмутараканского княжества: он отдал его во владение сыну Мстиславу, которому также отдал и Черниговское княжество. Черниговское княжество находится в непосредственной близости от Киева, и его верность Киеву должна была быть особо вне подозрения. Из того факта, что Тмутаракань Владимир отдал тоже Мстиславу, следует, что она также должна была надёжно принадлежать Киевской Руси.

Почему равноапостольному Владимиру и многим последующим русским князьям так важно было надёжно владеть Тмутараканью? Тмутаракань — это то, что сегодня обеспечивает надёжную связь Руси-России с её духовными источниками: Крымом, Корсунью и Таманским полуостровом, с низовьями Кубани. Собственно Тмутараканью являлись Керченский и Таманский полуострова, которые тогда сами по себе были центрами греческого православия. Кроме того, Тамань и низовья Кубани были опорными землями для связи Руси с западным Кавказом, который также являлся центром развития и распространения Православия. И сегодня ещё в Абхазии в местечке Илор можно посетить церковь, которую, по преданию, построил священикомученик Георгий Победоносец. В селе Дранды в хорошем состоянии сохранилась греческая церковь VI века, в селах Лыхны и Мыку до сих пор действуют православные храмы X—XII веков постройки. В ущелье Каманы по сей день православные посещают святые места: пещеру, где было 3-е обретение главы Иоанна Крестителя, могилу святого мученика Василиска, храм и раку святителя Иоанна Златоуста. Всё это святые первых веков Православной веры. А в Новом Афоне православные посещают и почитают пещеру и место гибели Симона Кананита, брата Господнего по обручнику Иосифу.

Нелишне также заметить, что Мстислав среди сынов великого Владимира был одним из наиболее грекофильных.

Примирая отношения с Киевом, польский король Болеслав I выдал свою дочь за приёмного сына Владимира Святополка Ярославича. Дочери, внучки и правнучки великого князя становились королевами норвежскими, шведскими, богемскими, польскими и венгерскими.

Скончался Владимир в 1015 г. 28 июля сын Святополк привёз его в Киев, где он был отпет в Десятинной церкви. Летопись по этому поводу сообщает: «Се ж уведавше людие без числа снисдошася, и вложша в гроб мраморен и схраниша тело с плачем блаженного великого князя Володимира». Его похоронили рядом с последней его женой Анной.

От шести браков было у Владимира 13 сыновей и 3 дочери: от Рогнеды — Ярослав Мудрый, Вышеслав, Изяслав и Всеволод; от «грекини Ярополча» — приёмный Святополк; от богемской княжны Малфриды — Святослав и Вячеслав; от «чехыни» — Мстислав Храбрый и Станислав; от «болгарыни» — Судислав и Позвизд и дочь Прямыслава; от Анны — Борис и Глеб и две дочери Мария и Предслава.

Русская православная церковь причислила Великого князя Владимира к лику святых в чине равноапостольного за верность вере христианской и за крещение Руси. Память ему отмечается 28 июля.

В 1636 г. митрополит Пётр Могила, осматривая развалины Десятинной церкви, разрушенной в 1240 г. татарами Батухана, велел поглубже раскопать замеченную им яму и нашёл 2 мраморных гроба, в которых, судя по надписям, лежали великий равноапостольный Владимир и его жена Анна.

Глава равноапостольного Владимира была перенесена в собор Киево-Печерской Лавры, где она хранилась в серебряной раке при алтаре придела святого Архангела Михаила. Судьба мраморных гробов сейчас неизвестна.

Поминая сегодня Великого благоверного и равноапостольного князя земли Русской Владимира Святославича, мы прежде всего должны отметить его труды во благо нашего национального духа, ту духовную закваску и ту плеяду святых воинов, которую он оставил потомкам после себя. Он дал нам веру во Святую Троицу, во Святого Духа — Духа единства и любви, но не рыночного духа широкого потребления разнообразных вер. Он дал нам понять, что духовная среда народа — это не полянка для игр и развлечений, а святыня, которую необходимо неусыпно хранить из века в век. Своими делами он показал потомкам, что православная духовная основа Руси — это не то, что можно смешивать с язычеством кочевых орд и духовными вывертами германцев, скандинавов, ляхов и других отступников от Православной веры.

Святыми русской земли и Русской Православной Церкви, кроме него, стали три его сына: Борис, Глеб и Ярослав Мудрый, супруга Ярослава — Анна и внук равноапостольного князя — Владимир Новгородский, а также последую-

шие Рюриковичи — русские святые: Андрей Боголюбский, Александр Невский, Дмитрий Донской. А сколько святых, в том числе и святых воинов, родилось и созрело в стенах русских монастырей, история которых тоже началась при великом равноапостольном князе Владимире, великом строителе Русского государства и Русского мира!

Великого равноапостольного князя Владимира мы, его праправнуки, должны с благодарностью вспоминать и как выдающегося русского идеолога, и как выдающегося полководца Древней Руси.

Память Великого равноапостольного князя Владимира увековечена благодарными потомками в памятниках ему — в Москве, Севастополе, Великом Новгороде, Киеве, в иконах Русской православной Церкви, во многих живописных работах, в названиях кораблей российского флота, в орденах русской и российской армии: орденах святого Владимира 1—4 степеней.

Прошло уже более 1000 лет со времени крещения народов Восточной Европы, а её жители по прежнему благодарно именуют себя русичами, потомками тех русичей, которые заложили духовные и общественно-политические основы Новгородской, Белой, Киевской, Червонной, Малой, Великой и Новой Руси!

Сергей СОКУРОВ

РОССИЯ — ИМЯ НЕТЛЕННОЕ

Знакомьтесь, кто не сподобился ещё: Франтишек Духинский, вернее, его загробная тень, хотя сегодня на Украине о нём можно сказать, что он «живеет всех живых». Разве без этого *полуземляка* «свидомых (сознательных) украинцев» смогла бы их «наукова думка» (научная мысль), заражая тех, у кого в голове с «думками» затруднение, дойти до идеи отка-

зять державообразующему народу Российской Федерации в праве называть себя русскими, а свою страну Россией?

Эпидемия, поражающая головной мозг потомков *древних укров* (бредовые предки украинцев), началась в Российской империи ещё при правлении Николая I. Тогда и вынырнул из тьмы неизвестности на свет наш Духинский. Именно наш, так как сей наполовину малоросс, другой половиной — польский шляхтич взращивался на правом берегу Днепра болезненными воспоминаниями о былой славе Речи Посполитой. Когда-то *крули* и панство пытались прибрать к рукам все русские земли, но получилось наоборот.

Учась в Киевском университете, Франтишек мечтал о восстановлении независимой Польши «от можа до можа», то есть от берегов Балтики до Таврии, с возвращением Варшаве всех земель Южной и Западной Руси, не меньше. Такой возможностью он вдохновился в период Крымской войны: Запад поможет! Подданный царя Николая поступил волонтером в английский экспедиционный корпус, чтобы своими руками уменьшить поголовье вражеских москалей. Из этой затеи ничего не вышло. Россия, формально проиграв войну, не уступила победителям ни пяти своей земли. Неудачливый печальник Великой Польши и клятвопреступник посчитал за благо скрыться от «всевидящего глаза» родины, но не «за стеной Кавказа», а за Рейном. Избрав оружием мести перо историка, принялся глаголить о незаконности владения Романовыми малороссийских земель на основании древнего родства южных и северных племён, некогда входивших в одну державу с центром в Киеве. Ибо никакого родства не было и нет, вещал повсюду Духинский, поскольку московиты не русичи, а некие «туранцы» уральского происхождения. Оттуда, от племени *масыков* или *мокселей*, по Франтишкеку, их самоназвание — москаль. Европа радостно взволновалась: появилось «законное основание» для вытеснения «не в меру» усиливающуюся Россию за Урал. Немногочисленные тогда «самостийники», в основном поляки и ополяченные малороссы, подхватили и стали разрабатывать идею. На сегодняшний день она, упрощённо, выглядит так: украинцы и поляки — это однородное славянское тело, вроде близнецов Качиньских, не разлей вода. А русские (великороссы) отличаются от них даже расовыми признаками, свойственными то ли тюркам, то ли угро-финнам, а скорее тем и другим сразу. Что туземцы «заокских болот», которые заслуживают презренную кличку *москали*, с трудом «навчились балакати на слов'янській мові» (на славянском языке), преступно (!) овладев буквально всей литературой киевского периода — от

былин до «Слова о полку Игореве». Заодно москали присвоили себе, за Окой, само святое имя — Русь, как последнюю свитку Отца городов русских (вариант: *Мати городомъ русьскым*). Словом, **украли** название страны на Днестре, вокруг Киева. Не от этого ли глагола произошло имя существительное **Украина**?

Кстати, о «воровстве имён». Что слышно о таком мародёрстве в европах? Выходит, если стать на точку зрения последователей Духинского, название Франция растащили по всей Галлии из владений франков, что в долине Сены, нечистые, видать, на руку всякие там нормандцы, бургундцы, провансальцы и прочие «не франки». Ещё случаи массового «воровства». Греки Византийской империи, с центром в Константинополе, нагло «перекрестились» в *ромеев*, сиречь, римлян, и 1000 лет жили ворованным. А Польша название страны украли у Малой Польши? Малую Армению, выходит, ограбили остальные армяне? Что знаменательно: жители французского департамента Иль-де-Франс, например, не предъявляют обвинений другим французам в воровстве. Видимо, здесь надо искать причину в уникальной ментальности украинства (не путать с украинцами!). Или же мы стали свидетелями редчайшего коллективного заболевания, типа мании преследования. Оно поразило часть русского общества, которая пожелала непременно отделиться от остальной массы сородичей, оборвать все связи, забыть общее прошлое, чтобы утешаться самостийными сказками-ужасиками.

Здесь, к месту, отмечу, что в результате недавно проведенного генного анализа учёными Великобритании, России и Эстонии подтверждено, что жители центральных областей РФ, Поднепровья, Белоруссии, восточных районов Польши и Литвы относятся к одному антропологическому типу. Но на такие «мелочи» мало обращают внимание те, кто узрел пользу в практическом использовании «Теории Духинского». В первое время особенную активность в распространении экзотической теории проявляли французы. Ведь к их досаде, героически павший в 1855 году Севастополь не стал реваншем за Париж, принявший на постой Русскую армию 41 годом ранее. Но французский же историк Б. де Куртене первым заговорил о научной несостоятельности Духинского, назвав его этнографические изыскания приёмами ангажированного политика. Вскоре учёный мир, насытившись баснями беглого поляка, стал забывать о нём. Однако в международных заинтересованных кругах его теорию взяли на заметку, а для польских националистов и ополеченных до неузнаваемости части малороссов его откровения всегда ос-

тавались свежими и востребованными. Теория развивалась апологетами, подхватывалась «параллельными учениями» об извечной враждебности русских варваров к славянам и оспитальному цивилизованному (подчёркивалось) миру. А после майданного переворота на Украине, в конце зимы 2014 года, взгляды Духинского и последователей приняты в руководящих кругах хунты как основополагающее учение новой Украины, ещё не европейской, не натовской, но уже русофобской до крайности и агрессивной в отношении Москвы.

Самостийные сказки приняли форму политического вызова, как предвестника ультиматумов. Я имею в виду развёрнутое в украинском обществе руками пещерных националистов и учёных историков (*науковцив*), поддержанное ВР, Урядом и паном прэзыдэнтотом, обсуждение права 1/8 части Ойкумены называться Россией. Затеяники ссылаются на второе имя продолжательницы киевской державности — Московия. Оно существовало до Петра Великого в Западной Европе со времени «открытия» ею огромной христианской державы Рюриковичей в XV веке (в 3 раза обширнее Священной Римской империи Германской нации). Именно название «Московия» считают свидомиты законным, а Россия (как производное от «Русь») — «украденным» москвитами у несчастного Киева. Разберёмся.

Название «Русь» для всей державы Рюриковичей, даже поделённой на уделы, закрепилось до нашествия Батыя. При том, укоренилось эллинизированное название Руси — Россия. Каталонский портолан Анжелино Дулсерта (1339) рисует страну *Rossia* с гг. Ростовом, Москвой и Рязанью; значит, и окраина киевской державы, носила то же название, что и её центр. Портолан этот подтверждает Ливонскую хронику XIII века: «Даугава течет из Русской земли» (истоки названной реки — на Валдае. — С.С.), «Дерпт лежит на границе с Русской землей», «Русы из Суздаля», «в Русской земле есть город Новгород». Папа Григорий IX в 1231 году в своей грамоте называет великого князя Владимирского (в его владениях находилась и Москва) Юрием *Regi* (т.е. правителем) *Russiae*. Названные документы свидетельствуют, что владения в.к. владимирских и московских изначально назывались Русью и Россией.

Но после того, как св. Русь оказалась в вассальной зависимости от хана Золотой орды, а западные и южные княжества стали воеводствами польской и литовской корон, возникла необходимость в устной речи и на письме различать эти части. Знаменательно, что королём России (*rex Rossiae*) уже на карте 1400 г., всего лишь 20 лет спустя после Куликов-

ской битвы, назван возле изображения государя князь московский. На венецианской карте Андрея Бианки 1436 г. указаны: *Rosie*, *Rosie imperio* и *Rosie Magna* (перевод: Россия, Российская империя (!), Россия Великая). А уже на карте 1459 г. француза Мауро Камальдула указаны: на Днепре — *Rossia Rossa*, к северо-западу, под Литвой, — *Rossia Negra*, на северо-востоке, у Москвы — *Rossia Biancha*, а над Новгородом — просто *Rossia*.

Всё чаще наравне с названием Россия звучало за рубежом: «Московия». Этим названием уточнялось, о какой именно Руси идёт речь. Ведь кроме Московской, сбросившей окончательно иго Орды в 1480 г., была Русь, подвластная Вильнюсу, и Русь, управляемая сначала из Кракова, потом — из Варшавы. Такая практика существовала в Европе с древности — называть страну по названию столицы, если столичный город по какой-то причине пользовался громкой известностью. Мы знаем великую империю, которая называлась *Rex Romana* — Римский мир или проще — Рим, именем имперского центра. Да и раннюю киевскую протодержаву на Востоке называли Куябией. Но название «Московия» на Западе не стало единственным, более того, старое имя страны со временем вытеснило его полностью. А дома говорили и писали Русь, Россия. Вот примеры двойного или предпочтительного названия нашего Отечества:

Венецианский дипломат Барбаро в книге путешествий, написанной шесть веков назад, отметил: «Мы достигли границ России». Великого князя Московского Ивана III он называет «*duc de Rossia*» (герцогом России). Папский легат Поссевино, посетивший Москву Иоанна Грозного спустя столетие, записал: «Что касается схизмы и смысла учения греков (а русские, или московиты, идут по их стопам)...». А вот из записок его современника, австрийского посланника фон Герберштейна: «Руссией владеют три государя. Большая ее часть принадлежит Великому князю Московскому». Отмечает, что «Московия является главой Руссии». В предисловии к «Запискам о Московии» обещает описания «Руссии». Завершу этот ряд примеров обращением в письме польского короля и полководца Стефана Батория Ивану Грозному: «Ивану Васильевичу, государю русскому».

Итак, вернёмся к Поссевино: «Русские или московиты». Наши предки уверенно выбрали первое. И когда Богдан Хмельницкий привёл православное население освобождённого им и московскими стрельцами Левобережья из католического ига под высокую руку Государя Всея Руси, то русские встретились с русскими. Ибо украинец (иначе — мало-

росс) тогда значил то же, что сейчас сибиряк, или помор, или волжанин. Впервые, лет восемьсот назад Украиной назвали полосу Переяславского княжества, пограничную с Диким полем. Для поляков после Брестской унии Украиной стала вся захваченная ими вместе с литовцами Южная Русь (см. карты Боплана). Видимо, хоть и обнаружили «древних укров» то ли в Трое, то ли в Этрурии пронырливые «наковци» из «свидомитов», нынешние лидеры республики Украина понимают всю убогость «окраинного» названия с фантастически блестящим прошлым, сочиняемым под звон бандуры. Украина чего? Европы? Или всего «свободного мира»? Вернуться к другому краевому названию — к Малороссии? Оскорбительно. Укры ж великие по определению. Подошла бы Киевская Русь, только ведь проклятые тураны украли вывеску с ворот незалежной державы на берегах Днепра. Отобрать? Нет сил оголодавшему на европейском выборе украинству перелезть через паркан (забор), который нагородил премьер Яйценюк (сходство с формой черепа, не подумайте чего). Осталось одно: принудить Москву не мытьём, так катаньем самой отказаться от незаконного имени «Россия». Европа поможет. И *мэрыканци* в стороне не останутся, готовят мировое общественное мнение. Уже готовят в усиленные санкции.

Верю, сейчас найдутся среди нас миротовцы, станут убеждать: да пусть забирают свою Русь и производные от этого имени. Братья ведь! Чем не пожертвуешь ради дружбы народов? Мы же прожили 74 года без печали, без «прото Россия» в РСФСР и СССР. И сейчас РФ в запасе имеем. Не то чтобы от русскости своей отказывались, но как-то отложили её в чулан, с глаз долой, чтобы не прельщала, стеснялись вслух произносить, а кто ляпал сдуру, мол, я русский, тут же мощный хор заглушал: «Мы — советские люди!». Согласен, мы-то, может быть, и советские, но наши братья единокровные — хуже немецких образца 1941 года. И чтобы сладить с ними и другими любителями выставять фальшивые счета, нам необходимо оставаться всегда русскими, не соблазняться химерами переименований исторического лика России и её души.

Мне видится воля Провидения, давшего нам столь звучное, нетленное имя — Россия. Пока оно не забыто нами, пока оно с нами, как стальной каркас души, пока оно над нами, как путеводная звезда, пока оно звучит набатным колоколом, перекрывая языколомные аббревиатуры, мы неодолимы силами зла.

АГОНИЯ ЕВРОПЫ

Некогда могущественный, вызывавший во всем остальном мире почтительный трепет, а теперь все более дряхлеющий организм Европы привлекает к себе стаи молодых хищников, которые с отчаянной радостью будут рвать ее на куски, наслаждаясь предсмертными всхлипываниями своей жертвы.

Европа издыхает от смертоносной заразы либерализма. Отвергнув дисциплину, осмеяв иерархию, она десятилетиями наслаждалась безумием гедонизма. Утучняя плоть, она пробуравила всепоглощающую черную дыру в том именно месте своего существования, где должен был подвизаться бессмертный дух. Европа восхищалась своей дерзостью, когда вслед за одним безумцем повторяла «мы убили Бога»; она поверглась в прах перед другим безумцем, провозгласившим богом себя и людей одной с ним крови.

Пару десятилетий спустя, измельчав в своих стремлениях, Европа повергалась в прах уже перед жалкими кривляниями музыкантов, с неподдельным энтузиазмом возводя их в ранг излюбленных кумиров. Так Европа превратилась в развратную, вечно брюзжащую старуху. Она провозгласила своим богом чрево, а славу отождествила со срамом. И тем приготовила себе возмездие. Ее жалкие кумиры, ее жалкие божки не возбуждают в молодых хищниках ничего, кроме презрения и ярости.

Торжественно обставленные шествия содомитов — яркие, переливающиеся радужными красками, но смердящие гноем нарывы на теле Европы. Это не яркая осенняя листва деревьев, принесших вовремя свой плод. Это смрад заживо гниющей от прежних излишеств плоти, шумный праздник всепоглощающей смерти. Молодые хищники накапливают силы, чтобы разорвать ненавистную блудницу в клочья. Они текут в Европу ручьями и полноводными реками, чтобы совершить казнь. Чтобы сжечь ее гниющую плоть в пламенеющих вихрях революций.

Они стекаются, чтобы делить добычу, чтобы грабить награбленное, чтобы развеять по ветру накопленные столетиями богатства. Они — Божий бич, их преступления способны принести благо пробуждения от греховного сна. Если б не их нашествие, Европа бы просто сгнила, отравив своим смрадом прочие части Земного шара, заразив их неизлечимой гангреной. Но теперь она повергнута в смуту, которая вырвет из оцепенения, предавшихся спячке сердец мужество, веру, самопожертвование.

Благо для Европы заключается в том, что сквозь непроглядную мглу пробивается с Востока свет спасительного маяка. Это Русь, вырастающая неприступной скалой против свирепых волн всемирных потрясений. Она — Хартланд, сердце человечества, без которого последнее обречено на скорейшую смерть. Лучшие люди утопающей в волнах нечестия Европы уже плывут в Россию — кто на шлюпках, кто — на обломках досок и мачт. Они блаженны в своем устремлении из горящего и одновременно превращающегося в Мертвое море Содомы.

На смену гедонизму приходит зверство, на смену утонченному комфорту — груды зловонной грязи, на смену храмам высоких искусств — их печальные руины. Что свершится с некогда блиставшей цивилизацией, лучше всего иллюстрирует нынешняя Пальмира, хранитель которой после пыток казнен и памятники которой обращаются в груды обломков. Стратегическими целями псевдоисламского государства обозначены Стамбул и Рим, то есть два обветшавших Рима, две обветшавшие колыбели христианской цивилизации. Она держалась верой и сильным государством. Когда веру оплевали, а силу общего дела объявили врагом индивидуальности, смерть была предрешена. Ей предшествует начавшаяся на наших глазах агония.

Кто разбудил столетиями дремавшую энергию Арабского мира, кто вселил в него демонов мировой революции? Это троцкисты, в свое время обломавшие зубы о Третий Рим, погибшие сотнями тысяч окоченевших трупов на его ледяных просторах. В 1918 году они убили белого Царя, но природа России не терпит пустоты, поэтому восстал генералиссимус в белом кителе с золотыми погонами, совершивший возмездие над всемирными возмутителями, над стаями бешеных гиен, которые вгрызались в плоть России, чтобы надругаться над богоносным народом и уничтожить его.

Сталинизм страшен троцкистам своей несовместимостью с либеральными ценностями, над которыми они сами смеются, но которые им необходимы в качестве питательной среды. Как черви плодятся там, где много гнили, так троцкисты — там, где процветает либерализм. Сталинизм страшен троцкистам своей иерархией и дисциплиной. От него веет величием древних царей и благородством древних героев.

Троцкого на Западе почитают как принципиального и наиболее последовательного врага России. Перед его памятью благоговеют. Например, «Русская служба ВВС», опубликовавшая 20 августа сего года воспоминания внука Лейбы Давыдовича. 20-го же августа «Голос Америки» разместил статью Ариэля Коэна под названием «ГКЧП-2 победил». Материал начинается словами: «Вспоминая почти четвертьвековую историю августовского путча 1991 года, понимаешь, что сегодняшней Россией правят прямые наследники ГКЧП». Разумеется, Коэн лжет. Но важно другое, его выводы: «Нынешние российские идеологи ведут себя так, как будто взяли на вооружение сталинские лозунги». Это самый большой «грех», потому что только сталинизма всерьез боится всемирный олигархат, интересы которого озвучивает Коэн. Враги русского дела улавливают своим острым чутьем, как Русь обретает форму, как расправляются ее крылья, как наливаются силой мускулы, как небесный свет озаряет ее чело. Это их пугает, и они по-змеиному шипят и жалят, чем только ускоряют восстановление русского корабля.

Европе, не приемлющей сталинизма, самостоятельно не устоять против новых троцкистов и взбудораженного ими Арабского мира. Она не верит сильному государству и боится его. Поэтому в ней будут господствовать беззаконие и власть сумасшедших хамов.

Сталинизм как проверенное временем, несокрушимое оружие против сатанинской перманентной революции необходимо современному миру словно воздух. К началу XX века атмосфера царских дворцов была отравлена либерализмом. От царей даже не ждали — требовали доброты и милосердия, отвергая самую возможность царской грозы, точно величайшего беззакония. Но как летнее солнце без живительной влаги, приходящей вместе с громом, лишь сушит и жжет, так незаслуженная милость сушит и жжет своего, казалось бы, счастливого получателя.

Сталинизм привнес в идею власти так недостававшую ей грозу. Ему привычно ставят в вину Гражданскую войну и массовые репрессии, путая местами причины и следствия. В 20-х годах прошлого века выбор стоял не между династией Романовых и сталинизмом, а между троцкистами и сталинизмом. И русский вместе с союзными ему народами сделал свой выбор.

Если бы к началу 30-х годов у власти в России оказались троцкисты, они бы выжали из нее все соки, чтобы бросить полумертвое безвольное существо, уставшее от издевательств и голода, к ногам Гитлера. Не зря последний рекомендовал читать своим приближенным книгу Троцкого «Моя жизнь».

Бессмертная заслуга сталинизма перед человечеством заключается в сокрушении сатанинского третьего рейха, этой злой пародии на Третий Рим. Через один подвиг уничтожения третьего рейха Русь вновь обрела достоинство Третьего Рима, ограды Церкви Христовой. И не нынешним непрошеным судьям осуждать его вождя Иосифа Сталина.

Новую агонию Европы может остановить, как и семь десятилетий назад, сталинизм. Враги христианской цивилизации это прекрасно понимают и не перестанут день и ночь поливать его грязью. Он диаметрально противоположен расслабляющему, мертвящему либерализму, и в этом его сила.

Точно бальзам на раны уставшим от злой комедии «дружбы» с Западом народам России — последние решения наших властей. Это антисанкции, призванные сделать Российское государство самодостаточным. Это публичное уничтожение контрабандной продукции. Это 20 лет колонии, предназначенные украинским террористам-кинематографистам. Это взятие с поличным эстонского шпиона. Это пресечение преступной деятельности сектантов. Это уничтожение террористического подполья на Кавказе. Да, это всё сталинизм. Он несет с собой радость освобождения от либеральной чумы. Он — рассвет над измученной либеральной гнилью планеты. Он — последняя возможность еще несколько продлить ее существование. Взойдет русское солнце, или же его принудительно закатят, — зависит от каждого из нас.

Николай ОРЛОВ (Ялта)

СПАСИТЕ ДОНБАСС!

В последнее время все, кто пытается осмыслить происходящее на Донбассе, не являясь при этом непосредственными участниками событий, вынужденно балансируют между условными лагерями тех, кто считает, что «всё пропало», и теми, кто верит в «хитрый план Путина». Но чтобы не играть в этот

бесконечный пасьянс, необходимо просто вспомнить и сопоставить некоторые факты из нашей современной истории. Вероятно, тогда станет более-менее понятно, что на самом деле происходит на Донбассе.

Начнём сначала. В августе 1991 года в Москве состоялась неудачная попытка государственного переворота (ГКЧП), в ходе которой в город была введена бронетехника, под гусеницами которой погибли несколько демонстрантов. В итоге путч провалился, всех путчистов арестовали (кроме Пуго, который якобы покончил жизнь самоубийством), а Горбачёв с помпой вернулся в Москву... Тем не менее данное обстоятельство на Украине посчитали очень веской причиной для того, чтобы провозгласить свою «незалежность» от Москвы. А теперь сравним эти события с событиями 2014 года в Киеве. На Майдане вооруженные боевики в течение долгого времени избивали молодых безоружных солдат внутренних войск и жгли милиционеров «Беркута», однако это должного эффекта не производило, пока, в конце концов, не была устроена провокация с расстрелом из снайперских винтовок одновременно и боевиков и милиционеров. Вот тогда переворот перешел в завершающую стадию, и власть захватили откровенные фашисты, которые показали, что для достижения своих целей они не побрезгуют ничем. В ответ на это в Харькове был проведен съезд депутатов всех уровней, на котором было принято решение не признавать хунту. Кроме того, утверждалось, что до нормализации обстановки в Киеве вся власть в регионах переходит к представителям местных советов. Данным обстоятельством и воспользовались крымчане, почувствовавшие явную угрозу своей жизни. В марте состоялся референдум, на котором жители полуострова определили свою дальнейшую судьбу. Жители Донбасса также решили организовать свой референдум, хотя в Москве почему-то посчитали этот шаг «преждевременным»...

А теперь давайте сравним степень угрозы населению, которая была в 1991 и в 2014 году. В 1991 году жители УССР свободно использовали украинский язык во всех сферах жизни — в 2014 был введён запрет на использование русского языка. В 1991 году никто не сбивался в вооруженные стаи, не избивал и не убивал жителей УССР за инакомыслие — в 2014 году вооруженные молодчики жгли автобусы, избивали и убивали сторонников антимайдана, захватывали склады с оружием, поставили на колени бойцов львовского «Беркута» за то, что те добросовестно исполняли обязанности по охране общественного порядка... И самое главное, к моменту провозглашения «незалежности» Украины в 1991 году ГКЧП уже

прекратил своё существование, и во время проведения декабрьского референдума 1991 года никто не препятствовал волеизъявлению украинцев. Стоит ли говорить, что в 2014 году ко дню голосования на Донбассе хунта уже всю «порезвилась» на юго-востоке. Достаточно вспомнить, как в середине апреля триста запорожских «спартанцев», окруженные превосходящей по численности вооруженной толпой националистов, в течение нескольких часов отражали атаки и так и не покорились фашистам. Затем было чудовищное демонстративное убийство одесских антифашистов в Доме профсоюзов 2 мая, расстрел мирных мариупольцев 9 мая... Отсюда вывод: уровень угроз населению отделившихся в 1991 и в 2014 годах регионов несопоставимы по своим масштабам, поэтому решения жителей Крыма и жителей Донбасса, безусловно, являются гораздо более оправданными, чем решения жителей Украины в 1991 году.

Исходя из первого вывода, напрашивается вопрос, почему Российской Федерацией в 1991 году было признано новое государство Украина и подписаны Беловежские соглашения, а признания Донецкой и Луганской Народных республик ни в 2014, ни в 2015 году не последовало? Разве это не политика «двойных стандартов» со стороны руководства России? Возникает также следующий вопрос: признаёт ли Российская Федерация легитимность нынешней украинской власти? Если признает, тогда возникает целая череда юридических казусов. В Конституции Украины чётко прописано, как осуществляется смена президента и на какой срок ему даются полномочия. Господин Порошенко занял пост в тот момент, когда полномочия предыдущего президента ещё не истекли, он не подал в отставку и не прошёл процедуру импичмента. Кроме того, в Конституции Украины чётко прописано, что Крым является неотъемлемой частью Украины, а президент Украины является гарантом Конституции. Если Россия признаёт президентство Порошенко как свершившийся факт, тогда Россия автоматически признаёт и Конституцию, гарантом которой он является, а, следовательно, и законность украинских претензий на Крым. То же самое относится и к т.н. АТО, которую Порошенко ведёт на Донбассе. Ведь он объясняет свои действия исключительно борьбой за территориальную целостность, а жителей Донбасса считает террористами, которых можно без суда и следствия уничтожить любым способом (хоть ядерным оружием, которого у него, слава Богу, нет). Да и странные какие-то на Донбассе «террористы», которые не взорвали ни одного дома в Киеве (как это было на Каширском шоссе в Москве), не подорвали ни

одного пассажирского поезда где-нибудь под Львовом (наподобие «Невского экспресса») или в Киевском метро (по типу московской станции «Парк культуры»), не захватили ни одного роддома (как это было в Будённовске) или какую-нибудь киевскую печерскую гимназию (по типу Беслана), или кинопалац «Украина» (по типу «Норд-Оста»). Очень странные «террористы».

Если Россия признаёт Порошенко и считает Донбасс неотъемлемой частью Украины, тогда, получается, и войну (вернее, АТО) на Донбассе нужно рассматривать как сугубо внутреннее дело Украины. В таком случае нам всем просто нужно стать сторонними наблюдателями и молча созерцать, как ежедневно нашими «украинскими братьями» в отношении «своих же сограждан» осуществляется геноцид: невыплата пенсий и пособий, блокирование доставки продуктов, лекарств, электричества и воды, обстрелы химическим оружием (фосфорными снарядами), кассетными бомбами, тактическими ракетами, ракетными системами залпового огня («Град», «Смерч», «Ураган»), артиллерийскими системами «Пион», «Гиацинт», а на «освобожденных» от «сепаратистов» территориях совершаются пытки, избиения, изнасилования и убийства мирного населения... Только вот что мы будем делать, если нашему «другу» Петру всё-таки удастся зачистить Донбасс, и он устремит свои взоры на Крым, который он уже давно (видимо, по доброте душевной) блокирует, в т.ч. путем перекрытия Северо-Крымского канала?

И, наконец, последний вопрос: чем отличается механизм принятия решения о начале операции по принуждению грузинского агрессора к миру в 2008 году в непризнанной на тот момент Россией Республике Южная Осетия от решения не принуждать к миру украинского агрессора в непризнанных Россией ДНР и ЛНР в 2014—2015 гг.? Если причина заключается в убийствах грузинской армией российских миротворцев, то чем в таком случае отличаются жестокие убийства украинскими военными российских журналистов, работавших на Донбассе?

Естественно, ответа на эти вопросы не последует. Но только все прекрасно помнят про сказанные однажды с высоких трибун слова о единстве Русского мира и что русские в беде своих не бросают. А свои слова у русских принято подкреплять реальными делами. В данном случае речь идет не о гуманитарных конвоях, хотя и они, безусловно, важны, да только «белые КамАЗы» никак не могут уберечь дончан и луганчан от украинских мин и снарядов. Кстати, а на каком основании Россия отправляет гуманитарные конвои на Донбасс,

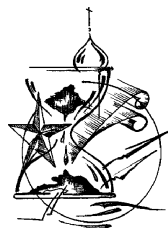
если официального запроса на это из Киева не поступало?.. Пришла пора заставить «уважаемых партнёров» прекратить расстреливать Донбасс и переключиться на более насущные дела. Причём, сколько бы ни придумывалось новых «минсков», сколько бы ни пытались запихнуть свободолюбивых и мужественных дончан и луганчан обратно в Бандерштат, вопрос этот рано или поздно придётся решать, не забывая, что каждый день раздумий приводит к гибели или ранениям десятков жителей Донбасса — **наших людей**. А избежать «драки» и замириться с нацистами не получится.

Медведев как президент в августе 2008 года смог принять чрезвычайно важное и ответственное решение, и американские ястребы ничего не смогли с этим поделаться. По-видимому, не минует эта чаша и Путина. И первым шагом на этом сложном пути должно стать признание ДНР и ЛНР и подписание с ними договора об экономической и военной помощи. ДНР и ЛНР, в которых люди умеют и любят работать, в скором времени смогут восстановить своё хозяйство и стать образцовыми, экономически развитыми республиками. А затем их примеру могут последовать Харьковская, Одесская, Николаевская, Херсонская, Запорожская области. Это позволит постепенно переформатировать бывшую русофобскую унитарную Украину в дружественное федеративное государство Новороссия, которое со временем может стать субъектом Российской Федерации. И это будет и по закону и по справедливости. Государство Украина перестало существовать в тот момент, когда была растоптана её Конституция и начался её фактический распад. Следовательно, каждый регион этого бывшего государства имеет право на самоопределение. Это и будет реальным собиранием земель Русского мира, а не пустыми декларациями.

СВЯТОЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ПРОТИВ «ЕРЕСИ УКРАИНСТВА»

Благодаря принятию Православия конгломерат славянских племен стал русским народом. Православные миссионеры и подвижники создали манифесты русского национального самосознания, такие, как «Повесть временных лет» преподобного Нестора Летописца, «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, первый учебник русской истории — киевский «Синописис» архимандрита Иннокентия (Гизеля). Поэтому временно победившая на Юго-Западной Руси «ересь украинства» — это отречение от святого князя Владимира и православного русского выбора.

«Украинствующих» еретиков ничего так не страшит, как правда о русской Руси, по греческому произношению — России, правда о Малороссии. Именно поэтому перед Днем Святого Владимира в Киеве был запрещен грандиозный православный концерт с участием таких выдающихся людей, как Олег Карамазов и Эмир Кустурица, который бы реально дезомбирова- л малороссийскую молодежь. А перед самым праздником нацисты смертельно ранили в голову священника Романа Новикова,

строителя храма покровительницы студентов святой Татьяны в Киеве за то, что этот священник-миссионер строил студенческий храм и републиковал великие тексты убиенного Олесе Бузины за Малороссию, такие, как «Воскрешение Малороссии». Покушение обставлено хунтой с особым цинизмом как «нападение квартирных воров», которые сделали пастырю «контрольный выстрел в голову», но из квартиры ничего не унесли. Это покушение — запугивание Церкви. Режим Порошенко напоминает, что у бандеровцев не дрогнула рука убить в 1943 году Киевского митрополита Алексия (Громадского) и сотни священников, не желавших отделяться от Русской Церкви и отречься от Руси. И сейчас не дрогнет.

Но нынешний Киевский митрополит Онуфрий и Церковь Руси не испугались! 27 июля на Крестный Ход в Киеве во главе с митрополитом Онуфрием собралось более ста тысяч человек! Митрополит Онуфрий показал себя как «православный Махатма Ганди», который собирает сотни тысяч людей, больше, чем все «майданы» и униатские и раскольнические шабаши, и силой своего духовно-нравственного авторитета способен побороть хунту и «мазепинскую ересь».

Кто и как фабрикует «ересь украинства»? Еще в 1994 году глава украинского отделения Фонда Сороса г-н Гаврилишин в интервью киевской газете «Зеркало недели» с гордостью заявил, что ими выпущены десятки наименований учебников по истории Украины «антиколониальной» направленности. В некоторых из них авторы насчитали, например, четыре русско-украинских войны (!). На особенности так называемой «украинофильской» (то есть «антимосковской») интерпретации истории следует обратить внимание, ибо именно эта школа стала образцом тенденциозности, поражая абсолютно небрежливым отношением к прямым фальсификациям. Впрочем, этим «грешили» еще такие столпы украинофильства, как Николай Костомаров. Вызовы «мазепинцев» против русской церкви, культуры и государственности столь серьезны, что не ответить на них было бы ошибкой.

Основные идеологемы этой школы таковы. Население Московского государства — не славянское, а смешанное, славяно-финно-угорское, и поэтому население России и Малороссии (Украины) никогда не было единым народом. Мало того, Москва узурпировала имя Руси (теория о неславянском происхождении великороссов, впервые сформулированная преподавателем Уманской базилианской школы Франциском Духинским в целях идеологического оправдания польских претензий на эти земли, затем перекочевала в труды Грушевского и компании). «Варварская Москва» ок-

купировала «культурную Русь-Украину», превратив ее в свою колонию. Поэтому отделение от России есть закономерный результат национально-освободительной борьбы и антироссийский результат есть результат «многовекового подавления украинской культуры».

А теперь посмотрим, что говорит на этот счет история. Тезис о неславянском происхождении народа Северо-Восточной Руси опровергается как письменными источниками, так и исторической топонимикой. Уже в XII веке практически исчезают упоминания о финно-угорских племенах чудь, меря и т.д., полностью ассимилированных русскими. Историческая топонимика свидетельствует о тотальной колонизации жителями Киевской и Галицкой Руси этого края: два города Галича (на западе и северо-востоке Руси), два Звенигорода (аналогично), два Владимира — Волынский и на Клязьме, четыре Новгорода — Великий, Волынский, Северский и Нижний, два Перемышля, две реки Лыбеди и три — Припяти и т.д. Домонгольская архитектура, иконопись, фольклор сохранились в основном на севере и востоке Руси. Жило сознание не только национально-культурного, но и политического единства русской земли от Галича до Волги. Свидетельство тому — активное участие волынского князя Дмитрия Боброка в Куликовской битве и идеологическое обоснование «собирания русских земель вокруг Москвы» коренным галичанином митрополитом Московским Петром (XIV век).

Источники свидетельствуют об однозначно русском и российском самосознании жителей Киева, Львова и Вильны в XIV—XVIII веках. На эту тему М.Максимович (1804—1873) — знаменитый южнорусский этнограф и историк, называвший себя «щирым малороссиянином», написал работу «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси», отрывки из которой уместно процитировать: «Не очень давно было толкование о том, будто Киевская и вся западная Русь не называлась Россией до ее присоединения к Руси восточной; будто и название Малой России или Малороссии придано Киевской Руси уже по соединении ее с Русью Великой или Московской. Чтобы уничтожить навсегда этот несправедливый и нерусский толк, надо обратить его в исторический вопрос: когда в Киеве и в других западнорусских областях своенародные имена Русь, Русский начали заменять по греческому произношению их именами Россия, Российский? Ответ: с 90-х годов XVI века... Основанием такого ответа служат того времени акты, письменные, и книги, печатанные в разных областях Русских... Приведу свидетельства тех и других.

Вот первая книга, напечатанная в Киеве, в типографии Печерской Лавры — «Часослов» 1617 года. В предисловии к ней иеродиакона Захария Копыстенского сказано: «Се, правоверный христианин и всяк благоверный читателю, от нарочитых мест в России Кийовских, сиречь Лавры Печерския»... Основательница Киевского Божоявленского братства Анна Гулевична Лозына в своей записи о том 1615 года, говорит, что она учреждает его — «правоверным и благочестивым христианам народу Российского, в поветах воеводств Киевского, Волынского и Брацлавского будучим...» Окружная грамота 1629 года, напечатанная в Киеве, начинается так: «Иов Ворецкий, милостию Божией архиепископ Киевский и Галицкий в Всея России...»

Но довольно о Киеве, обратимся к земле Галицкой.

Там Львовское братство в своей типографии прежде всего издало «Граматику» 1591 года в наставление «многояменитому Руссийскому роду»... Того же, 1592 года, Львовское братство обращалось в Москву к царю Федору Ивановичу с просительными посланиями, в которых именуют его «светлым царем Руссийским», вспоминают «князя Владимира, крестившего весь Руссийский род» и т. п. В земле Волынской находим то же... Такое же употребление имен Россия, Руссийский было тогда и на Северо-Западе русском».

Какое же было подлинное отношение киевлян, волынян и львовян той эпохи к северной, Московской Руси?

Следует отметить, что идеология национально-политического единства Южной и Северной России была выработана в большей степени именно в Киеве. Венцом ее стал знаменитый киевский «Синописис», написанный предположительно киево-печерским архимандритом Иннокентием Гизелем (во второй половине XVII в.). Эта книга переиздавалась около 30 раз и стала первым учебным пособием по русской истории. Согласно «Синописису», «русский», «российский», «славянороссийский» народ — един. Он происходит от Иафетова сына Мосоха (имя последнего сохраняется в имени Москвы), и он «племени его» весь целиком. Именно «Синописис» утверждает главенство суздальско-владимирских князей после разорения Киева татарами.

По «Синописису», Россия — едина. Ее начальный центр — царственный град Киев, Москва — его законная и прямая наследница в значении общего «православно-российского» государственного центра. Весь русский народ един, и временное отделение его части от России в другие государства (Польшу и Литву) «милостью Божией» завершается воссоединением в единое «государство Руссийское» (И. И. Лапно. Идея единства России в Юго-Западной Руси. — Прага, 1929).

В результате воссоединения 1654 года уроженцы Киева и Львова, начиная с XVIII века, сделались хозяевами положения на церковном, научном и литературном поприще России.

Еще более красноречиво участие Северо- и особенно Юго-Западной Руси в создании общерусского литературного, «книжного» языка. Смело можно сказать, что участие это — преобладающее: грамматика, лексика, орфография и первые церковно-славянские и русские словари созданы во Львове, Киеве и Вильне.

Какова же была языковая ситуация в середине XVII в. в Юго-Западной Руси? Она обрисована в грамматике Иоанна Ужевича (1643 г.). В ней описывается «Lingua sacra» или «словенороссийский язык» (так именовался церковно-славянский) — высокий книжный язык, язык богослужения и богословия, lingua slavonica или «проста мова» — гражданский, светский литературный и деловой русский язык, и «lingua popularis» — диалектная речь.

В Киеве в 1627 г. «протосингел от Иерусалимского патриаршего престола и архитипограф Российския церкви» ученый монах, подлинный энциклопедист того времени Памва Берында издает толковый словарь «Лексикон словенороссийский или слов объяснение». В нем «руская» речь (в после словии к Киевской Постной Триоди 1627 г. Берында называет «просто мову» «российской беседой общей»), противопоставляется народным диалектам — «волынскою» и «литовскою» мове. Кодификация «словенороссийского» языка была произведена в основном в Киеве, Львове и Вильне.

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого стала учебником церковно-славянского языка для всей Русской Церкви буквально на века. «Проста мова» стала основой общерусского литературного языка «...*Действительно, «проста мова» не оказала почти никакого влияния на современный украинский и белорусский литературный языки... Однако, на историю русского литературного языка «проста мова» как компонент юго-западнорусской языковой ситуации оказала весьма существенное влияние. Достаточно указать, что если сегодня мы говорим об антитезе «русского» и «церковнославянского» языков, то мы следуем именно югозападнорусской, а не великорусской традиции... Это связано с тем, что условно называется иногда «третьим южнославянским влиянием», т.е. влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII в.: во второй половине XVII века это влияние приобретает характер массовой экспансии югозападнорусской культуры на великорусскую территорию» (Б.А. Успенский*

«Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.) М, 1994).

«Говорят, что Петр Великий гражданскую печать выдумал, а, оказывается, он, просто-напросто, заимствовал ее у галичан и прочих малорусов, которые употребляли ее еще в XVI в. Заголовки многих грамот и статуты, виденные мною в Ставропигии, начерчены чисто нашими гражданскими буквами, а текст, писанный в XVI в. — очевидный прототип нашей скорописи и нашей прописки елисаветинских и екатерининских времен». («Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева», С.-Пб., 1868).

Что касается диалектов — «волынкой», «литовской» и многих других мов, то о «целесообразности» создания на их основе местных литературных языков лучше всего сказал замечательный галицко-русский историк Денис Зубрицкий в своем письме к М.А. Максимовичу: «...Ваши мне сообщенные основательные и со систематической точностью изданные сочинения — откуда идет русская земля, и исследование о русском языке читал я с величайшим любопытством и вниманием. Вы опровергли сильным словом мечтательные утверждения писателей и выдумки как о происхождении народа, так и о русском языке, которые мне всегда не нравились... Что касается до наречий русского языка, то их бесчисленное число: внимательный наблюдатель, странствуя по русской земле, найдет почти в каждом округе, даже в каждой деревне, хотя и неприметное различие в произношении, изречении, прозодии, даже в употреблении слов, и весьма естественно. По исчислению г-на Шмидель *Litterarische Anreiger* 1882 г. есть 114 наречий немецких столь одно от другого расходящихся, что немец друг друга никогда не разумеет, но язык есть всегда немецкий, и невзирая на сие, ученые немцы в Риге, Берлине, Вене и даже в Страсбурге употребляют в книгах и общегитии лучших обществ одно словесное наречие. Я бы желал, чтобы и русские тем примером пользовались...» (Пути истории, Т.Г. Изд. Карпато-русского литературного общества, Нью-Йорк, 1977).

Что же касается создания литературы на «киевско-полтавской мове», то здесь уместно процитировать Н. Костомарова: «Пока польское восстание не встревожило умов и сердец на Руси... самое стремление к развитию малороссийского языка и литературы не только никого не пугало признаками разложения государства, но и самими великороссами принималось с братской любовью» (Н. Ульянов, «Происхождение украинского сепаратизма», М., 1996). Все это дало повод известному русскому философу Николаю Тру-

бецкому утверждать, что «та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской культуры».

Откуда же и когда возникла идеология «украинофильства», а точнее — украинского сепаратизма? Исследуя генезис «самостийнического» движения, невозможно не отметить его эпигонский характер и зловещую роль идеологов польского реванша XIX века. Недаром церковный историк Георгий Флоровский метко называл полонофильскую и латинофильскую ориентацию части южнорусской шляхты «провинциальной схоластикой» (Пути русского богословия. — Париж, 1937). Как отмечено исследователями, «настали разделы Польши, и вот тогда польские ученые заговорили об особой украинской национальности... В первой четверти XIX века появилась особая «украинская» школа польских ученых и поэтов, давшая таких представителей, как К.Свидзинский, И.Гощинский, М.Грабовский, Э.Гуликовский, Б.Залесский и др., которые продолжали развивать начала, заложенные гр. Потоцким, и подготовили тот фундамент, на котором создавалось здание современного украинства. Всеми своими корнями украинская идеология вросла в польскую почву» (Труды подготовительной по национальным делам комиссии. — Одесса, 1912). В историю вошла также крылатая фраза ксендза Калинки: «Все-таки лучше самостоятельная Русь, чем Русь Российская. Если Гриць не может быть моим, говорит известная мысль, пускай, по крайней мере, он не будет ни мой, ни твой».

Однако степень влияния «самостийнической» идеологии еще в первой четверти XX века была совершенно ничтожной. Об этом ясно свидетельствуют результаты единственного в те годы прецедента свободного волеизъявления граждан. Речь идет о муниципальных выборах на Украине летом 1917 года. На этих выборах в органы местного самоуправления было избрано: от общероссийских партий — 870 депутатов, от украинских федералистских партий — 128, от сепаратистов — ни одного (А.Дикий. Неизвращенная история Украины-Руси. Т. 2. — Нью-Йорк, 1961).

Следует отметить также, что пресловутая Центральная Рада никогда и никем (!) не избиралась (это был просто клуб единомышленников) и что «первый президент» Украины Михаил Грушевский был избран именно этой Центральной Радой, а не народом.

От какой же черты следует отсчитывать «успехи» самостийничества? Тут надо сказать, что существует тема, о ко-

торой наши оппоненты знают, но предпочитают умалчивать. Широкая же публика о ней вообще не осведомлена. Речь идет, с одной стороны, о русском национальном возрождении Галицкой и Карпатской Руси в XIX—XX веках, а с другой — об австро-венгерском геноциде русских (политических процессах над «русософилами», концлагерях и массовых казнях, унесших более 60 тыс. жизней) и о роли «украино-австрийской партии» в вышеназванном черном деле.

О масштабах русского национального возрождения в Галиции красноречиво свидетельствует собранная более 100 тыс. подписей русских галичан петиция в Венский парламент: «Высокая палата! Галицко-русский народ по своему историческому прошлому, культуре и языку стоит в тесной связи с заселяющим смежные с Галицкой землей малоросским племенем в России, которое вместе с великорусским и белорусским составляет цельную этнографическую группу, то есть русский народ. Язык этого народа, выработанный тысячелетним трудом всех трех русских племен и занимающий в настоящее время одно из первых мест среди мировых языков, Галицкая Русь считала и считает своим и за ним лишь признает право быть языком ее литературы, науки и вообще культуры. Доказательством этого является тот факт, что за права этого языка у нас в Галиции боролись такие выдающиеся деятели, как епископы Яхимович и Иосиф Сембратович, ученые и писатели Денис Зубрицкий, Иоанн Наумович, Устианович, Дедицкий, Головацкий, Площанский, Добрянский, Петрушевич, Гушалевиц, из младших же — Залозецкий, Свистун, Хиляк, Мончаловский, Иван Левицкий, Дудыкевич, братья Марковы, Вергун, Яворский, Святитский, Глебовицкий, Глушкевич, Полянский и многие другие. Общерусский литературный язык у нас в Галиции в повсеместном употреблении. Галицко-русские общественные учреждения и студенческие общества ведут прения, протоколы, переписку на русском литературном языке. На этом же языке у нас издавна издавались и теперь издаются ежедневные повременные издания, как: «Слово», «Пролом», «Червонная Русь», «Галичанин», «Беседа», «Страхопуд», «Издания Галицко-русской матицы», «Русская библиотека», «Живое слово», «Живая мысль», «Славянский век», «Издания общества имени Михаила Качковского», расходящиеся в тысячах экземпляров». Далее в петиции приводились требования свободы изучения и преподавания русского языка, истории и права на русских землях, входивших в состав Австро-Венгрии (Ф.Аристов. Карпато-русские писатели. Т. 1. — Москва, 1916).

Столь же динамично стал развиваться процесс возвращения униатов в православие (на крупные церковные праздники до 400 крестных ходов прорывалось через австрийскую границу в Почаевскую лавру). В ответ на рост русского возрождения в подвластных ей областях Австро-Венгрия развязала геноцид.

Сначала было проведено несколько показательных процессов над священниками и мирянами, переходившими в православие и говорившими по-русски. Это так называемые «Процесс Ольги Грабарь» (1882), первый и второй Мармарош-Сигетские процессы (1912—1914) над закарпатскими крестьянами, целыми селами, переходившими в лоно Православной Церкви (более 90 человек осуждены, тысячи же крестьян несколько лет жили на осадном положении), процесс Максима Сандовича и Семена Бендасюка (1914), процесс доктора богословия Ф. Богатырца и «Дело братьев Геровских» на Буковине (1912—1914).

Затем, когда разразилась Первая мировая война, начался массовый антирусский террор. Была создана сеть концлагерей. (Самый известный из них — Талергоф, близ г. Грац в Австрии.) В первое время было уничтожено более 60 тыс. человек, более 100 тыс. бежали в Россию, еще около 80 тыс. было уничтожено после первого отступления русской армии, в том числе уничтожено около 300 униатских священников, заподозренных в симпатиях к православию и России. Эти сведения приводит польский депутат Венского парламента А. Дашинский. (Все русские депутаты этого парламента были расстреляны.) («Временник», Львов, 1938 г.)

Вот что писал об этих событиях галицко-русский историк В. Ваврик: «Австро-мадьярский террор сразу на всех участках охватил прикарпатскую Русь... Наши братья, вырвавшиеся от Руси, стали не только прислужниками Габсбургской монархии, но и подлейшими доносчиками и даже палачами родного народа... они исполняли самые подлые, постыдные поручения немецких наездников. Достаточно взять в руки украинскую газету «Діло», издававшуюся для интеллигенции, чтобы убедиться в этом окончательно. Сокальский уезд был поленом в глазах «украинских патриотов», поэтому доносы с их стороны сыпались на русских людей, как град из черной тучи... Педагог Стенятинский выдавал видных, деятельных крестьян в окoliце... В селе Маковисках на своих прихожан доносил священник-униат Крайчик. В селе Сошница «мужи доверия» украинцы Михаил Слюсарь, войт Михаил Кушнир и другие донесли на своих односельчан, на основании их доноса крестьян повесили... Двоих — Нико-

лая Смигоровского и Андрея Гардого мадьяры-улары привязали к своим седлам и волокли четыре километра до села Задубровы и обратно, потом повесили на вербах. В Станиславской тюрьме на Дуброве расстрелы шли с утра до вечера...

Талергоф... В дневниках и записках талергофских невольников имеем точное описание этого австрийского пекла. Первую партию русских галичан пригнали в Талергоф 4 сентября 1914 года. До зимы 1916-го в Талергофе не было барачков. Сбившийся в кучу народ лежал на сырой земле под открытым небом, выставленный на холод, мрак, дождь и мороз... Священник Иоанн Машак под датой 11 декабря 1914 года отметил, что 11 человек загрызены вшами. По всей талергофской площади повбивали столбы, на которых довольно часто висели и без того люто потрепанные мученики, происходила «анбинден» — славная немецкая процедура подвешивания за одну ногу. Изъятий не было даже для женщин и священников... Но все-таки пакости немцев не сравнятся с издевательствами своих же. Немец не мог так глубоко влезть своими железными сапогами в душу славянина-русина, как этот же русин, назвавший себя украинцем, вроде официала полиции г. Перемышля Тимчука, доносчика и палача, который выражался о родном народе как о скотине. Он был правой рукой палача Пиллера, которому давал справки об арестантах. Тимчука, однако, перещеголял другой украинец — униатский попович Чировский, обер-лейтенант австрийского запаса... Все невольники Талергофа характеризуют его как профессионального мучителя и палача».

А вот свидетельство еще одного узника Талергофа, М.А. Марко: «Жутко и больно вспоминать о том тяжком периоде близкой еще истории нашего народа, когда родной брат, вышедший из одних бытовых и этнографических условий, без содрогания души становился не только на стороне физических мучителей части своего народа, но даже больше — требовал этих мучений, настаивал на них... Прикарпатские «украинцы» были одними из главных виновников нашей народной мариологии во время войны».

Интереснейшая, но малоизвестная страница истории — это советский период, совершенно превратно трактуемый историками-самостийниками. А между тем первые 20 лет «Радянської Влади» являются поистине золотым веком самостийщины. Тотальная украинизация, проводившаяся на фоне геноцида русского народа, разгрома русской культуры, Церкви, уничтожения интеллигенции, была важной составной частью ленинской национальной политики. На службе большевикам перешли многие члены ТУП (Товарищества

украинских постепенцев — главной сепаратистской организации того времени), такие «столпы», как Грушевский и Винниченко. В 1923 году было выпущено знаменитое постановление ЦК ВКП (б) об обязательной украинизации. Согласно этому постановлению, условием трудоустройства, независимо от образования, научной степени и т.д., стала справка об окончании курсов «украинознания». Тотальная насильственная «украинизация» охватила в эти годы пространство от Восточной Волыни до Кубани и Ставрополя. «Несдавшихся врагов», как известно, уничтожали. В связи с этим стоит отметить, что человек, с именем которого неразрывно связан страшный голод 30-х годов, председатель СНК УССР с 1923 года Чубарь (именно он подписал печально знаменитое Постановление СНК УССР «О борьбе с саботажем в хлебозаготовках» от 6 декабря 1932 г.), одновременно являлся ярким большевистским «украинизатором». Очень поучительно также проследить географию большевистского геноцида. Он охватил в первую очередь житничные края — Волынь, Полтавщину и т.д., бывшие испокон веку оплотом именно русских консервативных, охранительных сил. Волынь практически не была затронута революцией 1905 года, в ней полностью отсутствовали сепаратистские настроения. Именно на Волыни, как это сегодня ни удивительно, проживало больше, чем где-либо, членов «Союза русского народа». Одним из главных духовных центров всей Руси, в том числе Волыни, была Почаевская Лавра, а духовным вождем того времени — архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) — выдающийся православный богослов, и почаевский наместник архимандрит Виталий (Максименко), считавшийся неформальным «диктатором края». Без его благословения ни один депутат не мог быть избран в Госдуму. А Полтавщина? Именно здесь вспыхнуло некогда восстание Матфея Пушкаря против Выговского, пытавшегося повернуть Малороссию назад к Польше, именно полтавский полковник Искра обнародовал факт измены Мазепы. Полтавская земля дала миру великого русского писателя Гоголя. С историей этого края связан характернейший эпизод: когда на Полтавщину приехал с агитационными целями знатный «самостийник» П. Чубинский (автор гимна «Ще не вмерла Украина»), он был попросту избит полтавскими крестьянами. Советская власть продолжала политику «украинизации» и после Второй мировой войны. В те же годы в результате операции «Висла» было депортировано более 230 тыс. лемков — карпаторусской народности, традиционно русофильски ориентированной. Массовым репрессиям подверглись карпато-

россы, обитатели западной части Карпат. А ведь закарпатские русины, несмотря на многовековые усилия по их ассимиляции и неоднократный геноцид, всегда были в авангарде русофильского движения. Так, в 1939 году на местном референдуме 82% населения высказались в поддержку русского языка. Однако карпаторусская элита была уничтожена без всякой амнистии, а закарпатские русины переименованы в «украинцев». Отметим также, что именно советская историческая наука легализовала терминологический и понятийный аппарат «самостийной» школы, замалчивая, за редким исключением, подлинно национальную, общерусскую историко-культурную парадигму. Показательно: в СССР в каждом городе были памятники и улицы имени Тараса Шевченко, но в то же время таллерговская трагедия, карпато-русская борьба, большевистская политика украинизации — все это оказалось наглухо закрыто в зоне умолчания.

Приведу диагноз, поставленный «самостийничеству» одним из серьезных исследователей этого феномена русским историком Н. Ульяновым: «Когда-то считалось само собой разумеющимся, что национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения. Ныне украинское самостийничество дает образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: оно подвергло гонению церковно-славянский язык, утвердившийся на Руси со времен принятия христианства и еще более жестокое гонение воздвигнуто на общерусский литературный язык, лежавший в течение тысячи лет в основе письменности всех частей Киевского государства, меняют культурно-историческую терминологию, традиционные оценки героев и событий прошлого. Все это означает не понимание и утверждение, а искоренение национальной души... Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена. Оно всегда выглядело движением ненародным, ненациональным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует (по причине ярко выраженного национального духовного и физического облика), то для украинских самостийников главной заботой все еще остается доказать отличие украинца от русского. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой.

Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Костомаров), потом двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами... И это обилие теорий, и лихорадочное культурное обособление от России, и выработка нового литературного языка не могут не бросаться в глаза и не зарождают подозрения в искусственности национальной доктрины» (Происхождение украинского сепаратизма. — М., 1996).

Развивая мысль Николая Ульянова, необходимо отметить, что деятели, именующие себя «украинскими националистами» поднимают на щит греко-католическую церковь — т.н. унию, которая была объектом самого активного неприятия всего малороссийского народа, насаждалась путем грубого насилия. Свидетельство тому — огромный корпус богословских и апологетических и полемических трудов киевских и львовских православных интеллектуалов XVI—XVIII веков. В XVII веке католические круги отстаивают новую идею, призванную не допустить консолидации русского народа и усиления влияния Русской Православной Церкви, что было бы губительным для с трудом сколоченной Брестской унии и терявшей стабильность Речи Посполитой. Сами униаты признают, что проект создания «Киевского Патриархата» был изобретен Ватиканом. Под этим названием имеется в виду именно католический Патриархат восточного обряда (Рим создал свои униатские «патриархаты» в противовес Православным патриаршим кафедрам — Антиохийской и Иерусалимской и др.) В этих условиях Православные братства, возникшее в XVI веке во Львове, Вильне, Луцке и Киеве с целью защиты религиозной и национальной идентичности, корпоративные объединения духовенства и мирян, получают от восточных Патриархатов права на «чрезвычайное управление Церковью», на контроль за деятельностью шатающихся в вере архиереев, церковного суда и т.д. Важным документом эпохи является переписка между архиереями, отступившими от Православия во главе с Киевским митрополитом Михаилом Рагозой и ревнителями Православия — Львовскими братствами, афонским иноком Иоанном Вишенским, Александрийским Патриархом Мелетием Пигасом.

В данном контексте невозможно пройти мимо фигуры Иоанна Вишенского (1550—1623), афонского инока, ревнителя веры православной, достойного скорейшей канонизации. На Афоне Иоанн Вишенский велел заживо «похоронить» себя в пещере у Эгейского моря, откуда беспощадно порицал принявших унию: Михаила Рагозу, Ипатия Потяя,

епископа Брестского. Иоанн Вишенский написал множество ярких посланий, в которых прямо называет латинян не просто еретиками, а слугами дьявола (в своей знаменитой «книжке»). Принявших унию он беспощадно бичует в «Послании к митрополиту и епископам, принявшим унию». Из всех произведений, несомненно написанных Иоанном Вишенским, до нас дошло 17: «Книжка» («Термин о лжи»), «Сборник о десяти главах с вступлением и двумя предисловиями»; Послания львовскому братству, Домникии, Иову Княгинскому, Михаилу Вишневецкому, знаменитая «Зачапка мудрого латынника с глупым русином» — полемика со Скаргой, вышеупомянутый «Краткословный ответ Петру Скарге», «Позорище мысленное».

В заключение хочется вспомнить крепкую и подлинно национальную традицию Гоголя и Максимовича. Последний писал: «Уроженец южной, Киевской Руси, где земля и небо моих предков, я преимущественно ей принадлежал и принадлежу донныне, посвящая преимущественно ей и мою умственную деятельность. Но с тем вместе, возмужавший в Москве, я также любил, изучал и северную, московскую Русь как родную сестру нашей Киевской Руси, как вторую половину одной и той же святой Владимировой Руси, чувствуя и сознавая, что как их бытие, так и уразумение их одной без другой — недостаточны, односторонни».

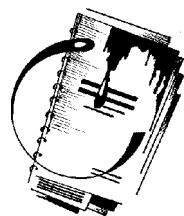
Итак, «самодостаточной и полноценной культурной, исторической и политической единицей может быть только единая Русь». Только в воссоединенном состоянии она сохранит статус мировой силы или добьется такового. И только в этом случае она сможет проводить действительно «незалежную и самостийную» внешнюю и внутреннюю политику, сохранит и приумножит свою самобытную и почитаемую в мире культуру.

СМЕРТЕЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

**Из академической науки —
в олигархический топ-менеджмент**

Ольга Голодец родилась в 1962 году, подобно многим другим членам либерального клана, как говорят американцы, «с серебряной ложкой во рту»: не просто в Москве, но и в семье весьма известных людей. Мама, Валентина Григорьевна, долгое время заведовала рестораном «Черёмушки», что во времена всеобщего дефицита объективно позволяло причислять ее к кругу «хозяев жизни»; отец, Юрий Соломонович, преподавал в Московском институте народного хозяйства имени Плеханова — знаменитой «плешке», готовившем лучших специалистов для советской торговли. Ее дядя, Адамас Соломонович, был выдающимся футболистом и великим тренером московского «Динамо», которого болельщики помнят и по сей день.

В школе была отличницей, профессию выбрала по примеру родителей, без труда поступив на экономический факультет МГУ. Биографы трогательно уточняют, что отцу «даже не пришлось «подстраховывать» ее при поступлении. В университете училась хорошо и по оконча-

ДОСЬЕ "МГ"

нии в 1984 году была приглашена в аспирантуру НИИ союзного Госкомтруда; работала в его Центральной научно-исследовательской лаборатории трудовых ресурсов. В 1986 году родила дочерей-двойняшек, в 1990-м успешно защитила кандидатскую и устроилась старшим научным сотрудником в Институт проблем занятости РАН.

Активно участвовала в реализации совместных проектов с иностранными университетами, однако академическая наука в 90-е годы деградировала стремительно и никакого влияния на реальную жизнь не оказывала. В 1997 году Голодец расстается с ней, став (как сообщается, при помощи связей отца и мужа, выпускника мехмата МГУ, игротехника, в то время — начальника отдела по работе с ценными бумагами гремевшего на всю страну банка «Империял») директором социальных программ фонда «Реформуголь».

Одним из ключевых направлений деятельности либеральных реформаторов в 90-е годы было массовое закрытие угольных шахт; реструктуризация отрасли осуществлялась, по сути, уничтожением ее значимых фрагментов. При этом были и многочисленные злоупотребления (так, помнится, таинственно исчез выделенный Всемирным банком транш кредита на реструктуризацию отрасли в четверть миллиарда долларов — похоже, он пошел на обеспечение победы Ельцина на выборах, и Запад не задавал лишних вопросов), и закрытие вполне конкурентоспособных шахт, но, главное, были чудовищные социальные последствия: целые города лишались средств к существованию.

Когда стало ясно, что порождаемые фактической социальной утилизацией сотен тысяч «не вписавшихся в рынок», по крылатому выражению либералов, недовольство и протест создают серьезные политические проблемы, по соглашению между правительством реформаторов и Всемирным банком был создан фонд «Реформуголь». Его задачей было переобучение шахтеров, развитие бизнеса и микрокредитования в безысходных шахтерских моногородах.

Голодец курировала там создание новых рабочих мест и зарекомендовала себя как твердый и грамотный управленец, вникающий в детали, доводящий дело до конца, много ездящий по регионам.

В 1999 году «Реформуголь» как выполнивший свою миссию был закрыт, и генеральный директор и председатель правления «Норильского никеля» Хлопонин, на которого ее менеджерская эффективность произвела большое впечатление во время ее поездок в Норильск, сделал Голодец начальником управления социальной политики и персонала корпорации.

Когда в 2001 году Хлопонин стал губернатором Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа, она стала его заместителем по социальным вопросам, — однако уже через 10 месяцев вернулась в более комфортную корпоративную среду заместителем по персоналу и социальной политике нового генерального директора «Норильского никеля» Михаила Прохорова.

Главный выбор карьеры

Прохоров ценил её высоко, и по делу: Голодец много раз входила в рейтинг лучших управленцев России, признавалась лучшим в стране директором по персоналу. Прохоров не жалел денег на социальное обеспечение, и оно было у «Норильского никеля» одним из лучших среди российских компаний, но заслуги Голодец бесспорны. Она управляла «железной рукой», работала сколько надо, без оглядки на рабочее время, и подчиненные, от которых она требовала того же, буквально плакали от нее.

При этом социальное обеспечение, насколько можно судить, не касалось важнейшей проблемы Норильска — экологии. «Норникель» обеспечивал, по оценкам, до 10% всех загрязнений России, выбросы составляли до 9,5 тонны на каждого жителя, продолжительность жизни работников в среднем была на 10 лет ниже среднероссийской. В обращении к Путину жители Норильска указывали на превышение предельно допустимых концентраций в сточных водах «Норникеля» в сотни раз; активисты «Гринпис Россия» сообщали о 30-километровой «мертвой зоне» вокруг Норильска, журналисты писали, что жители города болеют раком в 1,65 раза чаще, чем в среднем по России, а жители центрального района — в 2,7 раза. И при этих условиях администрация «Норильского никеля» закрыла оздоровительно-профилактический комплекс: мол, его услуги не пользуются спросом. Представляется, что этот факт очень ярко характеризует систему ценностей, в которой занимавшаяся социальной сферой «Норильского никеля» Голодец считалась высокоэффективной.

В 2008 году, после грандиозного скандала в Куршавеле, когда Прохоров по странному обвинению был задержан французской полицией (а представители российской «офшорной аристократии» пригрозили Франции бойкотировать ее курорты), он покинул «Норильский никель». Расставание прошло, насколько можно судить, по-хорошему, благодаря чему Прохоров оказался едва ли не единственным человеком в мире, вошедшим в тяжелейший кризис конца 2008 — начала

2009 года без долгов и падающих предприятий, но зато с огромной суммой (называлось 5 млрд. долл.) абсолютного дефицита того времени — свободных денег.

Голодец не захотела оставаться с Потаниным и ушла с Прохоровым, передав пламенный привет владельцу «Норникеля» в весьма специфической, характерной для российского бизнеса форме. Насколько можно понять, сохранив должность руководителя пенсионного фонда «Норильского никеля», она изменила его устав так, что «Норникель» практически утратил контроль за собственным пенсионным фондом. Спор длился полгода, и в конечном итоге Прохоров отступился от фонда, но за это время Голодец вместе с другими его топ-менеджерами, как сообщается, обеспечили себе поражающие воображение пенсии: бывшие члены совета директоров — по 125—150 тыс. руб., а сама Голодец — 200 тыс. руб. в месяц до конца жизни. То, что эти пенсии были сформированы за счет пенсий работников «Норильского никеля» и жителей Норильска, «эффektivных менеджеров», похоже, не волновало. Вернув контроль за пенсионным фондом, «Норильский никель» обратился к его бывшим руководителям с официальной просьбой добровольно отказаться от этих пожизненных пенсий; отреагировал ли кто-то на это обращение, неизвестно.

После ухода из «Норникеля» Голодец стала членом правления Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Когда Прохоров возглавил Комитет РСПП по рынку труда и кадровым стратегиям, была его заместителем, в том числе и во время скандала после выдвижения им инициатив об упрощении увольнений и введении с формального согласия работника 60-часовой рабочей недели (то есть 12-часового рабочего дня при сохранении двух выходных).

В то же время Голодец была исполнительным директором группы «ОНЭКСИМ» Прохорова и возглавляла совет директоров страховой компании «Согласие», выведя ее в рейтинге страховых компаний с 14-го на 8-е место. Этот результат так впечатлил Прохорова, что он собрался создать страховую «суперкомпанию» во главе с Голодец, но тут подвернулась качественно новая возможность.

Властелин московской «социалки»

В 2010 году в результате хитроумной интриги либералов, добившихся откровенных высказываний от не привыкшей к общению с журналистами жены Лужкова и опубликовавших ее невычитанное интервью, Лужков «утратил доверие» тогдашнего президента-либерала Медведева и был заменен

Собяниным. Своей команды он не имел, и Прохоров, как сообщается, сумел пролоббировать Голодец на пост вице-мера по здравоохранению и образованию.

Ее успехи на этой должности также бесспорны. Именно она энергично взялась за укрупнение школ, которое предусматривалось федеральной политикой и которому активно противодействовал любивший Москву Лужков. В результате в некоторых школах один директор стал приходиться на несколько зданий (что привело к анекдотическим ситуациям, когда 1 сентября праздничная линейка начиналась где в 8.30, где в 9.00, где в 9.30, — чтобы директор успел поприветствовать всех учеников во всех зданиях), но зато некоторое число ценных объектов недвижимости было высвобождено для продажи.

Голодец инициировала антикоррупционные проверки в Первом кадетском корпусе, но все попытки доказать, что директор брал взятки за поступление в него (и обвинить во взяточничестве родителей учеников), провалились, а потом выяснилось, что, по ряду сообщений, на здание корпуса «положили глаз» структуры, близкие к Прохорову.

Кстати, нечто подобное происходило и в Норильске: по имеющимся сообщениям, Голодец пыталась расформировать созданный в нем в 1998 году еще Хлопониным кадетский корпус; проверки не принесли результата, но директор был уволен, а корпус разделен на два учебных заведения с почти двукратным сокращением учащихся, и это при том, что у «Норильского никеля» вполне хватало денег на содержание кадетов.

Возможно, причина заключается в борьбе за недвижимость, а возможно — в органическом неприятии либералами патриотического воспитания как такового.

Но в Москве главное заключалось в том, что навязанные Собянину либералы положили конец «лужковскому социализму», и после выборов в Госдуму 2011 года Голодец стала вице-мэром уже по всем социальным вопросам, сменив в декабре работавшую с Лужковым Людмилу Швецову, которой настоятельно посоветовали не отказываться от полученного по списку «Единой России» депутатского мандата.

Но потрудиться на этой должности удалось совсем недолго.

На гребне скандалов — на гребне успеха

При формировании правительства Медведева в 2012 году Голодец стала вице-премьершей, курирующей всю социальную сферу (по оценкам, вновь сказалось влияние Прохорова), и прославилась заявлением о своем намерении посетить все регионы России.

Некоторое время она осваивалась на новых высотах, ограничиваясь простым продолжением политики Зурабова, Голиковой и Фурсенко, но затем начала генерировать собственные феерические инициативы.

Так, летом 2013 года объявила о передаче Минобразования 300 млн. руб. на дополнительную защиту проведения ЕГЭ от неких «хакерских атак». «Хакерских атак», правда, не оказалось, но зато деньги на них были исправно освоены. В связи с осмысленностью этой траты бюджетных денег невольно вспоминается, как депутаты одного из региональных парламентов не застраховали себя от изнасилования инопланетянами.

То же ливановское Минобразования (как сообщается, по инициативе Голодец) получило 9 млрд. руб. для продвижения в мировых рейтингах 15 российских университетов. Насколько можно судить по имеющимся сообщениям, именно по настоянию этого «эффективного менеджера» конкурс на получение соответствующих грантов проводился в закрытом режиме. Как тут не вспомнить закланиния самих либералов о том, что всякая закрытость неминуемо порождает коррупцию? Есть подозрения, что победа в конкурсе досталась вузам, ректора которых были близки к Ливанову.

Именно Голодец, насколько можно судить, инициировала весьма сомнительные конкурсы по разработке программного обеспечения для управления санитарным транспортом и по созданию нового сайта Минздрава (вскоре после освоения денег на создание старого сайта). В них побеждали странные компании, конечным бенефициаром в которых злые языки называли саму Голодец.

По имеющимся данным, именно она возглавила войну за изгнание из Роспотребнадзора академика РАМН Геннадия Онищенко, и в октябре 2013 года добилась успеха, хотя тот и назвал ее «странным персонажем», который «не относится к числу людей, принимающих решения».

Интересно, что источники в Роспотребнадзоре объясняли нетерпимость Голодец по отношению к Онищенко... интересами тогдашнего экс-министра экономики и миллиардера, нынешнего президента Украины Порошенко. И, действительно, Онищенко был уволен именно после запрета продажи в России продукции скандально известной ныне фирмы Roshen. Реакцией медиа Украины на заявление Голодец о его отставке стало откровение: «Порошенко избавился от главного врага». Отмечалось, что Порошенко даже поспешил дать комментарий, но, когда пресс-секретарь Медведева Тимакова опровергла заявление Голодец (потом оказавшееся правильным), он был удален со страниц украинских интернет-изданий.

Решая поставленные перед ней задачи, Голодец часто демонстрирует великолепное презрение к деталям и даже к здравому смыслу, не мешая себе даже собственными оговорками. В апреле 2013 года широкий отклик получило ее заявление на конференции Высшей школы экономики (знаменитой «кузницы либеральных кадров», в просторечии именуемой «вышкой» или «вшой») о том, что она не понимает, «где заняты, чем заняты, как заняты» 38 миллионов россиян. Тем самым вице-премьер, по сути, расписалась в некомпетентности как собственной, так и своих подчиненных. Но, главное, своими словами о том, что эти 38 миллионов человек (почти половина рабочей силы) «создают серьезные проблемы для всего общества», она оскорбила не только вынужденно занятых в теневой сфере, но и военнослужащих, домохозяек, безработных и других полностью честных людей, что через несколько месяцев вынудило ее поправиться, указав, что в теневой сфере занято лишь 20 млн. россиян. Однако ей, похоже, и в голову не пришло задуматься над причинами этого, попытаться выявить и устранить факторы, выталкивающие массы людей в «тень». Причина, скорее всего, в том, что она действительно является исполнителем, не склонным к раздумьям и попыткам изменить «правила игры», даже когда они доказывают свою полную негодность.

Именно Голодец запустила процесс изъятия имущества из ведения Российской академии наук (РАН) и его передачи под управление Федерального агентства научных организаций (ФАНО): мол, проблема российской науки в том, что она «обременена огромным грузом федерального имущества и земельных площадей... Это 260 тысяч гектаров: на каждого академика приходится по 2 гектара». Тем самым она на своем примере ярко охарактеризовала уровень «эффективных менеджеров», взявшихся за российскую науку: получилось, что она пытается убедить слушателей (в данном случае Госдуму), что в России есть 130 тысяч академиков, совершенно не интересуясь их реальным числом (в РАН было около 500 академиков, чуть более 750 членов-корреспондентов, а в академических институтах работало 55 тыс. научных сотрудников).

Но числа не важны: надо освободить РАН от груза имущества, передав его «эффективным менеджерам», — и российская наука немедленно воспарит к небесам свободного познания. Об эффективности управления со стороны ФАНО свалившимся на него разнородным и никак не связанным друг с другом имуществом, насколько можно судить, ярко свиде-

тельствует чудовищный по своим последствиям пожар, практически уничтоживший ключевой в сфере общественных наук ИНИОН.

Увидев масштабы недовольства освобождением РАН от имущества, Голодец сумела быстро отступить в тень, вытолкнув «на линию огня» Ливанова, но об отношении ее к российской науке наглядно свидетельствует эпизод, когда она лично выгнала директора Института философии РАН академика Гусейнова с совещания, на котором обсуждалось выселение этого института из занимаемых им помещений в центре Москвы. Академик получил срочное письмо из аппарата правительства с приглашением на это совещание, однако Голодец заявила ему, что она его не приглашала, и он должен покинуть помещение.

В конце апреля 2015 года она категорически заявила о невозможности возвращения ранее замороженных средств в накопительную пенсионную систему, что вызвало скандал: и президент Путин, и министр экономического развития Улюкаев указывали на необходимость вернуть эти деньги, а в начале апреля замминистра финансов Моисеев говорил о возврате как о деле решенном. Речь шла, по оценкам, о более чем триллионе рублей: около 500 млрд. за 2013 год, 243 млрд. за 2014 и 309 млрд. за 2015 год. И, действительно, в начале июня почти полтриллиона рублей уже поступили в пенсионные фонды.

Похоже, Голодец просто была не в курсе или же озвучила в качестве уже принятого решения интересы одной из групп влияния, потерпевшей в итоге поражение, однако это, насколько можно судить, полностью сошло ей с рук. И действительно: на фоне безумного хаоса пенсионной реформы, практически отменившей пенсионные гарантии большинству граждан России, кроме чиновников и депутатов (так как никто не знает, сколько будут стоить в рублях начисляемые будущим пенсионерам баллы), подобные действия выглядят чем-то невинным.

Либеральный вице-премьер и дети

В декабре 2012 года Голодец (как потом заявил Медведев, по его просьбе) направила президенту Путину ставшее достоянием либеральной общественности письмо, в котором указала, что принятый Госдумой «закон Димы Яковлева», запрещающий усыновление российских детей гражданами США, нарушает соглашение между Россией и США, Венскую конвенцию, Конвенцию о правах ребенка и Семейный

кодекс России. Ответ был по-путински элегантен: она была назначена ответственной за исполнение Указа президента России о защите детей-сирот.

Об эффективности Голодец как современного менеджера, умело и разнообразно использующего для купирования недовольства людей современные методы связи с общественностью, свидетельствует скандал с высокотехнологичной помощью больным детям. В День защиты детей, 1 июня 2014 года, Голодец поручила министру здравоохранения Скворцовой обеспечивать оказание высокотехнологичной помощи больным детям в России, а не за ее пределами. По сообщению «Аргументов недели», она «велела... оказывать больным детям всю высокотехнологичную помощь в России», заявив: «Практически вся высокотехнологичная помощь сегодня может быть оказана в РФ. Мы знаем, что часто по результатам она оказывается на уровне выше европейского». Министр здравоохранения заявила: «Каждый случай, когда (благодарителями) собираются деньги (на лечение больных детей), с нами обговаривается, но бывают случаи, когда нет. И вот тогда возникают вопросы».

Из этих заявлений возникло твердое ощущение, что вице-премьер и министр собрались помешать благотворительным фондам, собирающим деньги на лечение больных детей, отправлять их за границу. Одна из несостоявшихся жертв российской медицины, самарский блогер Антон Буслов, которого «высокотехнологично» едва не залечили насмерть (его форма рака была вполне излечима и в России, но ему отвели не более 2 лет жизни, после чего он вылечился в США), написал ей открытое письмо о состоянии российской медицины, приведя ряд душераздирающих примеров (как в больницах мам не пускают в реанимацию к умирающим малышам, а онкобольным не дают категорически необходимое им мясо). Голодец отреагировала эффективно: позвонила блогеру, поговорила с ним по душам, рассказала о своей озабоченности, попросила прислать письмо с конкретными предложениями и, разумеется, заявила, что имела в виду не ограничение лечения за рубежом, а всего лишь более эффективное взаимодействие врачей и благотворительных фондов.

Об этой трогательной истории написал (и вряд ли случайно, без дружеского совета вице-преьера или ее аппарата) ряд СМИ, что сильно улучшило имидж Голодец, но, насколько можно судить, не положение онкобольных. Более того: судя по сообщениям об их самоубийствах от невозможности получить даже обезболивающее (в Москве!), ситуация, скорее, даже ухудшилась.

Однако Голодец весьма эффективно использует современные пиар-технологии: реагирует на проблемы, вступает в дискуссию, идет на контакт с оппонентами, добиваясь ослабления критики и ее переноса на непосредственных исполнителей либеральных реформ, разрушающих медицину и образование, — от врачей до министров. По оценкам, в 2014 году цена этих реформ составила 30 тысяч преждевременно умерших россиян, но, скорее всего, это только начало.

Доходы Голодец увеличились в минувшем году более чем на три четверти — с 8,4 млн. руб. в 2013 до 14,9 млн., хотя и составляют малую толику от ее коммерческих заработков (в 2010 году, за который она отчиталась при переходе в московскую мэрию, они превышали 57 млн. руб.). Как и многие другие члены правительства Медведева, она не отказывается от иностранной недвижимости, задекларировав треть (250 кв. м) квартиры в Италии и половину (220 кв. м) дома в Швейцарии.

Голодец единодушно оценивается знающими ее людьми как великолепный, эффективный, неотягощенный никакими сантиментами исполнитель, не задумывающийся ни о цене выполнения поставленной перед ней задачи, ни о самой этой задаче.

Похоже, люди для нее являются лишь безликими носителями тех или иных функций, расходным материалом для построения карьеры. Поэтому ее искренне ненавидят подчиненные — и высоко ценит нуждающееся в нерассуждающих исполнителях руководство.

Нет сомнений, что, пока Россией будет управлять либеральный клан, методично уничтожающий ее социально-экономический потенциал, Голодец будет находиться «на острие удара», решая важнейшие задачи, требующие не только эффективности, но и безжалостности, граничащей с бесчувствием. В этом качестве она, похоже, незаменима, и потому неприкосновенна. Карьерный потенциал Ольги Юрьевны Голодец далеко не исчерпан, и ее ждут как новые повышения, так и расширение сферы влияния.

Когда же либеральный клан рухнет (в силу политического поражения или же уничтожения разьедаемой им России), Голодец с легкостью вернется в корпоративную среду, для которой ее стиль является вполне органичным.

<http://zavtra.ru/content/view/golodets/>

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2015 г.
(Май — август)

Министр обороны С.Шойгу отозвал судебный иск к Е. Васильевой с тем, чтобы списать с неё украденные у МО деньги в сумме 3 миллиардов рублей. После этого прокурор предложил суду назначить обвиняемой условный срок наказания. Ну кто бы сомневался, что вслед за Сердюковым последует попытка отмазки от ответственности и его подельницы, «поэтессы» и «художницы» Васильевой... Так они борются с коррупцией.

Однако суд влепил подельнице пять лет заключения, скостив ровно половину этого срока за то, что она провела его под следствием, находясь в «заключении» в своей многокомнатной квартире с регулярными посещениями подельника. Прогулки по городу, презентации книг и выставки ее «картин» не повлияли на решение суда

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

об учёте квартирного «заключения». Теперь, в связи с тем, что она уже «отсидела» половину срока, в скором времени можно ожидать ее условно-досрочного освобождения. И на этом громкая эпопея о многомиллиардном сердюковско-васильевском ограблении государства будет закончена.

Между прочим, В.Квачкову два года нахождения в СИЗО во время следствия суд не зачел в срок отсидки. Как нам объяснили тогда юристы, нет такого положения в Уголовном кодексе. А вот для Васильевой, оказывается, такое положение есть...

* * *

Вот к чему приводят рукопожатия с подобострастной улыбкой. После всех путинских рукопожатий с «Петром Алексеевичем» последний подписал закон о «декоммунизации страны». По этому закону за демонстрацию советской символики гражданам Украины теперь грозит уголовное наказание.

Надо полагать, после следующего путинского рукопожатия, сопровождаемого заискивающей улыбкой, г-н Порошенко запретит любую российскую символику и объявит ее вражеской. И это будет очень логично: таково требование фашистской пропаганды.

* * *

Бессмысленная Рада бессмысленной Укропии приняла закон, разрешающий бессмысленному правительству не платить по иностранным долгам. В Кремле решили, что Укропия тем самым объявила о дефолте, до сих пор еще не понимая, что Укропия о нём не будет объявлять никогда. По единственной причине: а зачем? Зачем ей объявлять о дефолте? Она хоть и бессмысленная, но не настолько безмозглая, какой хочет казаться. И долги теперь она может просто элементарно не возвращать. Европа промолчит и сделает вид, что ничего об этом не слышала, а Россию можно послать, причём очень далеко — без каких-либо последствий. В Киеве это знают. Д.Медведев немного повозмущается и успокоится. Вместе с «лидером нации» и обладателем высокого рейтинга.

Отказ от выплаты долгов — это не абсурд и не укропская наглость. Это подсказка из Вашингтона.

* * *

Как ни горько и больно об этом писать, но не уберегли луганского комбрига Алексея Мозгового, бесстрашного командира, прекрасного человека и русского патриота. Укра-

инские диверсионные подонки устроили ему засаду на той же дороге, где до этого дважды покушались на его жизнь. На третий раз смерть настигла и его, и семь человек сопровождения. Ведь ясно же было всем, что за ним охотились. Но о его надёжной охране, видимо, всерьёз мало думали. Таких людей теряем! И потому — масса вопросов к руководству Луганска...

Алексей Мозговой не скрывал, что его цель — создание новой народной партии, способной возглавить единую Новороссию. Он прямо говорил о необходимости объединения всего русского народа в борьбе против финансовой олигархии и построении государства на основе совести и справедливости. Это, конечно же, пугало властные структуры Москвы, Киева и двух столиц Донбасса. И мы, скорее всего, никогда не узнаем, кто стоит за его ликвидацией.

* * *

Укроебилы продолжают каждый день и каждую ночь обстреливать из артиллерии окраины Донецка и Луганска. Люди там по-прежнему ночуют в подвалах и бомбоубежищах. А всё потому, что под нажимом Москвы лидеры Донбасса пошли на новое перемирие с мерзавцами и трусливыми садистами. Представьте себе послевоенный мир с Гитлером... А ведь слизняк Порошенко даже подлее Гитлера. Тот не бомбил свой народ и не орал на каждом шагу, что он канцлер мира...

По ящику нам по-прежнему показывают слёзы людей, живущих под обстрелом и ежедневно теряющих своих близких. Но ни российская армия, ни ее хвалёный верховный главнокомандующий даже не пытаются эти слёзы остановить. Остановить единственно возможным способом. Вместо этого — «внезапные военные учения» и всем обрыдшее политиканство. Тогда для чего государственные каналы ТВ со всеми подробностями показывают слёзы и страдания людей?! Чтобы морально над нами поиздеваться? Чтобы вызвать у нас чувство безнадежности и безысходности? Вот это и есть один из методов применения информационного оружия.

Теперь вдруг заговорили о том, о чём я писал год назад — в мае 2014-го. Но тогда никто не хотел этого слушать, все кричали: это бред! этого не может быть! мы своих не бросаем! Но за прошедший год все вдоволь нахлебались путинской «хитрости» и бросания своих. И теперь чуть ли не каждый политический аналитик и эксперт пишет о том, что Москва и Вашингтон еще год назад обо всём договорились и неравноценно поделили Украину...

Надо наконец всем уяснить, что антироссийская т.н. либеральная «оппозиция» — никакая не оппозиция официальному режиму. Было время, когда многие ее известные болтуны находились здесь у власти (при Ельцине) и сами являлись основой этого режима. Но отторгнутые от власти (далеко не все), они открыто возопили о своей ранее скрываемой ненависти абсолютно ко всему — стране, народу, Великой Победе, нашей истории, русской культуре и многому другому, что составляет славу и гордость Отечества. И нельзя, неправильно их называть оппозицией. Они — настоящие враги России, радующиеся любым нашим неудачам и поражениям. Они — русофобы и антирусисты. Так и надо их называть. (Кстати, заметьте, их болтливые, циничные губошлёпы не сходят с экрана телевизора на всех центральных каналах. Нетрудно сделать вывод о том, кто руководит этими каналами.)

Однако подлинной оппозицией кремлёвской власти, олигархическому режиму и экономической системе являемся мы, русские патриоты-государственники. Только мы и есть единственная в стране **реальная** оппозиция, ратующая за процветание своей страны и своего народа. Но именно нас не допускают в телеэфир, именно против нас возбуждают уголовные дела за честные и прямые высказывания, за публикацию смелых статей и книг. Достаточно привести в пример красноречивый факт: среди чуть ли не еженедельно награждаемых Кремлём деятелей культуры — **исключительно они**, т.н. «либералы».

Кремль наплевал на погибающих за Россию молодых парней — русских ополченцев Донбасса. Они гибнут безвестно для России, их хоронят без государственных почестей и без материальных возмещений их матерям. Но они гибнут за Россию, за нас, глядящих на эту войну по телящику. Они вышли на бой против всей фашистско-сионистской мрази как вне, так и внутри России. Их убивают фашистско-украинские пули и либерально-сионистская пресса. Они — безвестные герои небесной России, отдавшие за нее свою жизнь, спасшие свою душу и нас, грешных, не знающих, по большей части, их имён.

В Америке полицейские убивают чёрных при их малейшем сопротивлении или неподчинении. В ответ — по всей стране происходят акции протеста как чёрного, так и белого

населения. В России чёрные режут полицейских при молчаливом безразличии населения и главного начальника страны.

Водитель-кавказец направляет автобус с детьми из Казани в лобовое столкновение с гружёной фурой. (Он якобы уснул за рулём, но при этом, как ни странно, остался жив... А колёса автобуса у спящего водителя на ровной трассе и при сухой погоде самостоятельно резко повернули влево в тот самый момент, когда впереди находилась фура...) По ящику помусолили этот случай ровно один день и больше не вспоминали.

Под Тулой находящийся нелегально узбек вырезает русскую семью из семи человек. Пятеро, из которых трое детей, погибают сразу, двое других — в реанимации. Но что более всего в это время занимает страну? Переизбрание президента ФИФА Блаттера. А все информационные СМИ в одну секунду хором загалдели: «Это убийство никак не связано с межнациональной рознью». На этом все успокоились и продолжили обсасывать переизбрание Блаттера вкупе с новым назначением Саакашвили.

Кавказско-азиатская преступность уже давным-давно перехлестнула все возможные пределы и обрушилась на нас, как лавина. Министр МВД Колокольцев не раз открыто заявлял, что она составляет две трети всех преступлений в стране. Однако его обращение к президенту с просьбой остановить азиатско-закавказскую иммиграцию никакой должной реакции не возымело.

А рейтинг Солнцеликого, по данным ВЦИОМа, — 86%.

* * *

Многие из нас по инерции всё еще продолжают называть украинцев частью русского народа. Когда-то, действительно, малороссы были этой частью. Но теперь (и уже немалое время) они таковыми себя не считают. И более того, многие из них относятся к нам крайне враждебно. Мало ли что пишут и доказывают наши учёные и публицисты! Мол, мы с украинцами — один народ. Нет, господа, уже давно это не так. Они, украинцы, бывшие малороссы, действительно переродились. Они на самом деле давно уже нам не братья, во всяком случае те, кто не желает быть с нами одним народом.

Они так решили. Им так приятнее, удобнее, свободнее, проще. Им захотелось стать самостоятельными. Казалось бы, хотите — будьте ими. Но чтобы вытравить из себя русскость, им потребовалось ее возненавидеть — сначала в самих себе. А затем нужно было со всей страстью возненавидеть нас, носителей русскости. Возненавидеть до истерики, до крика,

до лозунгов и проклятий, до жестокости и кровавых расправ над русскими. Им понадобилось запретить и изгнать русский язык, «москальскую» Церковь, русские песни и фильмы, памятник наших героев и писателей.

Ненависть не имеет предела. От нее невозможно избавиться, ее невозможно в себе заглушить, тем паче когда она поощряется и разжигается извне, киевской властью и лизоблюдскими СМИ. Эта вскормленная злоба и разожжённая ненависть были впитаны, как губкой, заждавшейся почвой, которая дала буйные всходы специфического укрошовинизма.

И хватит нам называть новоиспечённых «укров» одним с нами народом! Нет, мы уже не один народ. Нельзя считать русскими тех, кто нас ненавидит, кто называет нас своими врагами, кто убивает детей и женщин. Они не могут быть нам братьями. Кто скрежет зубами при слове «Россия», тот не русский, и пути назад для него не существует. Но им, ненавистникам русскости, придётся смириться с некоторыми обстоятельствами: например, с тем, что Донбасс уже **никогда** не будет украинским.

Настанет время, когда русских на Украине не останется: одни уедут, других поубивают, третьи, как янычары, превратятся в неких «укров». И на этом история Украины закончится.

Теперь вопрос должен ставиться только так: хочешь быть русскими — будь им. Но быть русским — значит желать России добра и защищать ее от врагов. История доказала: Украина не способна быть самостоятельной. Она может иметь историческое существование только в составе России. В любом ином виде ее просто не будет.

* * *

Кремль настойчиво выпихивает Донбасс назад, «в Украину». В фашистскую, нацистскую, бандеровскую, шовинистическую, в какую угодно, но «в Украину». Ах как боится Кремль независимого «самопровозглашённого» Донбасса! Про Новороссию власть российская уже больше вообще не вспоминает, как будто и не было никогда этого понятия.

Но вот вопрос: за что там погибли тысячи людей? Ради путинских улыбочек и рукопожатий с «Петром Алексеевичем», на котором до сих пор, по логике Кремля, «нет крови». Никто ведь до сих пор там, в Кремле, не сказал, что на нём кровь **есть**. А это означает, что она на руках «легитимного президента» отсутствует... И, значит, Донбасс можно вновь вернуть потрошенковской «нэньке». И уже с удовольствием вернули бы, когда бы потрошенковские гаубицы каждый день

не долбили по жилым кварталам Донецка и его пригородов. Хотя людей Донбасса (не говоря уже о людях Новороссии) официально никто не спрашивал: а хотят ли они вернуться в эту ненавидящую их «нэньку», лишившую жизни и светлого детства тысячи, десятки тысяч их маленьких граждан? Подумать об этом в Кремле почему-то ни у кого ума не хватает.

* * *

Телевизионные ведущие различных дискуссионных программ, корчащие из себя больших либералов и плюралистов, неизменно приглашают в студию выразителей интересов незаконной украинской хунты. И какую ахиною несут с экранов эти апологеты насилия и государственного терроризма! Какую наглуую, циничную, ехидную, тупую лож впаривают они в ответ на вопросы уничтожаемых людей из Донбасса! Более того, прямым текстом в российском телеэфире они внедряют человеконенавистническую, шовинистическую идеологию официального Киева.

Спрашивается, зачем, для чего нам по ящику изо дня в день транслируют нацистские речи украинских посланников — всех этих дегенеративных ковтунов и яхно? Разве это не пропаганда фашизма, экстремизма и терроризма, запрещенная Уголовным кодексом? Почему об этом никто не задумывается? Почему все делают вид, что это, мол, у нас такая «свобода слова»? Тогда за что, спрашивается, у нас в стране осуждены более двух тысяч человек по 280 и 282 ст. УК РФ? И не пора ли всех этих киевских адвокатов экстремизма и шовинизма изгнать с российского телевидения или привлечь их к ответственности за человеконенавистническую пропаганду?

* * *

Мы давно говорили: если в стране не будет русской патриотической идеологии, то ее место в сознании молодёжи займёт нечто иное. Нас не хотели слушать, более того, нас преследовали за подобные мысли или, по меньшей мере, высмеивали их. И вот результат: это место стремительно занимает радикальный ислам. Теперь можно вздыхать и разводить руками. Но виновата в этом явлении, которое уже невозможно скрыть, — российская власть. Она долгое время считала своими союзниками либералов, но они оказались элементарными предателями, ненавистниками и врагами России. Она долгое время заигрывала с исламистами (и продолжает это делать), завозя их сюда каждый год из Средней Азии сотнями тысяч. И теперь *эта власть* недоумённо удивляется: как

же так, отчего это наша молодёжь вдруг стала увлекаться идеями ислама? Почему, по какой причине наших девушек, студентов университетов, легко завербовывают агенты ИГИЛ?.. И поэтому уже в который раз мы должны задать прямой вопрос: а что вы, сидящие в кремлёвских и думских кабинетах, дали им взамен этой радикальной идеологии, крайне привлекательной для не сформировавшегося сознания?

Для *этой власти* все прошедшие 25 лет пропаганда русского национального воспитания была страшнее атомной войны. И о радикализме ислама власть молчала. Плоды этого ее природного страха мы пожинаем теперь. Она собственными руками посеяла это зло. Холила, защищала и поливала его антирусской 282-й статьёй УК. И когда пришло время пожинать плоды, она вдруг запричитала: мы не это сеяли!.. Врёте, господа, вы **именно это сеяли**, и мы вас об этом все 25 лет предупреждали.

Русские дети, с глазами, полными страха и отчаяния, ноچуют в подвалах. А он встречается с папой римским и улыбается. Из «Градов» и «Ураганов» вновь ежедневно разрушают жилые дома и убивают русских людей, а он едет в Баку на Европейские игры, встречается с Алиевым и Эрдоганом и улыбается. На Донбассе хоронят погибших женщин и детей, ополченцы своими телами закрывают Донецк и Луганск от прорыва фашистских танков, а он на т.н. «день России» разглагольствует о «российском патриотизме» и улыбается. Плачущие женщины спрашивают на телекамеру для российского ТВ: «За что нас убивают?» «Почему нас никто не защищает?» «Зачем, кому нужны эти дурацкие минские договоренности?» «Нас что, всех должны здесь уничтожить?» Но им никто ничего не может ответить. А он награждает усыпанных наградами киношников и мило улыбается...

А что, его должность ему нравится. То «Петру Алексеевичу» ручку пожмёт, то папе Франциску... И рейтинг у него 85%. Чем плохо?

— Владимир Владимирович, а где Новороссия?

— А ее больше нет, — сказал он и застенчиво улыбнулся.

Кремль заигрался в политику. Причём именно заигрался вместо проведения четкой, честной, вразумительной и, главное, понятной своему народу политической линии. Мы видим наглое, лживое, подлое поведение Запада по отношению к нам, но и российская власть — мимикрирует, изворачивается, приспосабливается к обстоятельствам, ведет двойную

игру, нередко подтасовывая карты. Нет в Кремле ясной и четкой политики. Сколько уже предано наших интересов ради избежания пресловутых «санкций»? И что? Это изворачивание и пресмыкательство перед откровенными врагами что-нибудь изменило? Целый год предавали русских в Донбассе — и что это дало России? Закрыли тему Новороссии в информационном пространстве, решили вернуть Донбасс фашистско-нацистской Укропии — и что? Это уберегло Россию от экономических санкций? Ничуть. В европейских банках уже начались аресты российских государственных активов. Но дешёвое политиканство Кремля продолжается, как ни в чём не бывало. И приторные улыбочки Путина, честно говоря, уже вызывают тошноту...

Сдача китайцам в аренду огромных территорий в Сибири — это взятка, данная Поднебесной, за оплату строительства газопровода в Китай. А еще точнее говоря, это было китайским условием после долгих переговоров. Ведь нефть и газ Китай в избытке получает из Ирана...

Таковы политические игры.

* * *

На т.н. Украине абсолютно всё незаконно — в том числе и само существование «самостийного» государства с этим названием, не говоря уже о преступной киевской хунте, совершившей государственный переворот. Главари этой преступной хунты более года долдонят о том, что референдумы об отделении от Украины Донецкой и Луганской республик незаконны, т.к. не получили одобрения в Киеве. Однако многие уже забыли, что прежде всего был незаконным референдум о независимости самой т.н. Украины, т.к. голосование должно было проходить отдельно по автономной республике Крым. Так гласил «Закон о выходе союзной республики из состава СССР», принятый Верховным Советом СССР. Но этого сделано не было. Поэтому, повторяю, **само существование т.н. независимой Украины — незаконно.**

* * *

Согласно конституции Украины отстранить от власти ее президента возможно только с помощью импичмента. Никакого другого способа отстранения президента конституцией Украины не предусмотрено. (Предусмотрен и добровольный уход, но по собственноручному заявлению.) Естественно, в отношении Януковича никакого импичмента не было (как и не было его заявления о добровольной отставке), и потому он до сих пор является **единозначно законным прези-**

дентом Украины, нравится нам это или нет. И в то же время некий г-н Вальцман-Поросенко, преступным путём захвативший власть и заставивший народ участвовать в псевдovyборах, — самозванец, не имеющий права называться президентом Украины согласно ее конституции. Этот самозванец, по закону Украины, должен, даже обязан быть немедленно арестован и предан суду за узурпацию власти и цепь преступлений против человечности. Следовательно, все законы, указы и постановления, подписанные международным террористом Вальманом-Поросенко, — незаконны, преступны и антиконституционны. Выполнять их никто не имеет права. А тот, кто их выполняет, автоматически является таким же террористом, преступником против человечности и подлежит немедленному аресту. Преступники должны знать и понимать свою дальнейшую судьбу. Но главное, им необходимо сознавать, что в будущем они никогда не получат ни оправдания, ни прощения.

Лжедмитрий, за которого, кстати, тоже проголосовала боярская дума, был сожжён, а его пепел заложили в пушку и выстрелили в сторону Запада.

* * *

В свое оправдание главари майдана утверждают: любая революция — это смена власти. Но ради чего совершаются революции? — Ради улучшения жизни народа. Но если в результате нее жизнь народа резко ухудшилась, это означает, что данная революция — антинародна, и она подлежит отмене, а ее главари должны оказаться за решёткой. Если жизнь народа резко ухудшилась, это значит, что революция совершалась не ради него, а ради власти банды заговорщиков. Украинский майдан (второй по счёту) в течение года это высветил со всей ясностью.

И что же мы видим в результате? Как в России, так и на Украине бандитский майдан прояснил очевидное: т.н. украинская «самостийность» и т.н. «президент» Вальцман-Поросенко, развязавший гражданскую войну, — нелегитимны, антинародны и преступны, а значит, не имеют права на законное признание и существование.

С каждым днём становится всё яснее и понятнее: американский проект майданной цветной революции в Киеве — провалился. Этот проект унесёт еще немало человеческих жизней, принесёт новые разрушения и людские страдания. Но позорный конец его приближается с каждым днём, и чем раньше киевская банда американских преступных марионеток будет устранена от власти, тем раньше народ Украины вернётся к нормальной человеческой жизни.

Но мы лишний раз убедились: всё, к чему прикасается дьявольская империя США, превращается в кровь, разрушения, трагедию, хаос и угрозу земному миру.

Кто бы мне объяснил: зачем бесконечно смотреть на труп? И в чём здесь смысл? Зачем ходить и смотреть на мёртвое тело? Ведь это противоестественно, нормальному человеку смотреть на труп всегда неприятно. И для чего, скажите мне, смотреть на мёртвое тело Ленина? Что это за ритуал сатанинско-языческий — ходить и смотреть на труп? Даже мощи святых — скрыты от глаз. Но атеистам важно **увидеть труп вождя...**

Повторяю: я не против мавзолея. Я только лишь спрашиваю: **зачем?** Не пора ли избавиться от когда-то навязанной нам инерции мышления и от вбитых в голову абсурдных догм?

Я считаю Сталина величайшим руководителем нашей страны. И слава Богу, что его вынесли из мавзолея! Мне совсем не нужно смотреть на его мертвое тело. Мы можем прийти на его могилу, возложить цветы, поклониться, постоять, подумать... Но смотреть бесконечно на его труп нам было бы абсолютно ни к чему.

Коммуно-атеисты то и дело повторяют еще одну глупость: мол, Ленин лежит «ниже уровня земли»... И это, мол, — согласно христианской традиции... Но при чём тут вообще какой-то «уровень земли»? Какая разница, где лежит труп, чтоб на него смотрели, — выше или ниже «уровня земли»?

Тело умершего должно слиться с землей, вновь стать той самой землею, из которой изначально было взято. Как сказано в Библии: создал Бог человека из праха земного и вдохнул в него душу живую. Душа после смерти возвращается к Богу, а тело должно вновь стать землей, из которой было взято. Земля же нетленна, значит, и тело наше, став землей, тоже становится нетленным. А нам всё про какой-то «уровень земли» глупости рассказывают. Но главное, пусть каждый сам себя спросит: зачем, для чего в центре Москвы лежит незахороненный труп? И для какой цели на него нужно смотреть?..

В июне Верховная рада проголосовала за постановление, объявляющее Россию страной-агрессором. В ответ правительство Медведева решило сохранить для Украины скидку на газ на третий квартал. «По просьбе украинского правительства», как сказал Д.Медведев. Всё правильно, так поступают настоящие агрессоры...

Абсурд, в котором мы живём, перешел в ту стадию, когда он перестал удивлять, возмущать и вызывать вопросы. Ну, абсурд и абсурд — и ладно... Правительство и центральные СМИ сплошь состоят из либералов, русофобов и предателей, а нам говорящие головы из Госдумы что-то впаривают про патриотизм, про «Крым наш», про укрепление экономики... Рубль продолжил свое падение, и цены вновь поползли вверх, но нас по-прежнему успокаивают: всё нормально, ничего страшного, это хорошо для инвестирования нашего производства... Однако санкции запрещают западному капиталу финансировать Россию. Но говорящим телевизионным головам это не помеха для извержения пустой, бессмысленной и, главное, абсурдной болтовни.

Власть по-прежнему боится говорить правду. Видимо, страх правды проник так глубоко во все властные кабинеты, что враньё стало единственным и даже естественным способом общения властей с населением. О Крыме говорят много, но о передаче Китаю на 50 лет в аренду огромных сибирских территорий предпочитают помалкивать. В Греции у рядовых граждан пенсия — 500 евро. В России — 150. Но Кремль решил оказать Греции финансовую помощь. А та в ответ присоединилась к антироссийским санкциям. И кремлёвские «менеджеры» этот абсурд молча проглатывают. Украине, ежедневно уничтожающей русских людей и их жилища, они считают нужным сделать скидку на газ. И одновременно — с первого июля увеличивают для нас тарифы на все коммунальные услуги. Но это уже не тот абсурд, на который можно махнуть рукой. Это абсурдистско-авангардное течение в политике властей имеет много нецензурных эпитетов...

* * *

Незалежные друзья Кремля решили ни в чём не потакать «агрессору». Скидка на газ — это наглые происки «москальских оккупантов», унижающие суверенитет свободолюбивого народа! Так расценили в Киеве кремлёвско-газпромское постановление по газу для «независимой» Украины и отказались от газовых поставок из России — оккупанты обязаны поставлять его бесплатно! Правильно соображают. Только бесплатно! Иначе какие же мы «оккупанты»? Всякие там дефективные агрессоры, вроде США, бесплатно **забирают** нефть и газ на оккупированных территориях, а вот настоящие — обязаны задарма их **поставлять!** И киевские друзья Кремля это знают абсолютно точно из опыта близкого общения с американскими партнёрами.

С этим излюбленным для кремлёвской элиты словечком «партнёры» Путину теперь придётся что-то делать, т.к. зву-

чать оно отныне будет очень двусмысленно... Америка объявила себя однополой страной (если не сказать, педерастической). Хозяин Кремля, конечно, может и дальше иметь дело и общаться с однополыми «партнёрами» как ни в чём не бывало. Но если раньше это словечко в его устах вызывало у нас кривую усмешку, то отныне оно будет порождать саркастически-стеснительную улыбку как у мужского, так и у женского населения...

* * *

Малодушие и политиканство всегда ведут к поражению. То, что Кремль сдал Донбасс, ясно абсолютно всем. Даже тем, кто открыто не желает этого признавать. Слово «Новороссия» окончательно ушло из информационного пространства центральных СМИ и провластного чиновничьего лексикона. А расстрел Донбасса занимает уже далеко не первое место в новостных программах. И как на священную корову кремлёвские лидеры молятся на бессмысленные «минские соглашения», которые не выполнены ни по одному пункту. И не будут выполнены, потому что этого не нужно ни киевской властной банде, ни тем более Вашингтону. Сближение с Китаем, со странами, входящими в БРИК и ШОС, — это, конечно, правильно, однако не лицемерно ли это осуществлять на фоне бесконечного и безысходного уничтожения русских людей на Донбассе? И как тут не вспомнить слова Ивана Карамазова о слезинке ребёнка?.. Да-да, г-н президент, это тот самый случай, который описал Достоевский... Для того и дана нам русская классика, чтобы высокие чиновники не зарывались в своём политиканстве.

* * *

Европа, как собачонка, пристёгнутая к американскому поводку, с какой-то безоглядной щенячьей радостью выполняет все команды хозяина по экономическому удушению России. Даже себе во вред, но лишь бы хозяин похвалил и погладил по холке. Кажется, европейские т.н. «лидеры» настолько примитивны, что реально не понимают духовной благотворности для России отторжения от Запада. Не понимают, и никто не способен им втолковать, что чем жестче Запад будет по отношению к нам, тем больше у нас шансов на вынужденную реакцию Кремля по развороту к национальной политике, хоть к каким-то действиям по защите страны от мертвящего влияния западного мира — цивилизации, враждебной нам по своей природе.

* * *

Какой номер «Молодой гвардии» ни возьми за последние два года, в каждом, как минимум, половина объёма материалов посвящена теме Украины. Но что делать, если Украина за два истекших десятилетия стала разломом всего Русского мира. И разлом этот только усугубляется, обостряется, становясь окончательно необратимым. Слово «украинец» на глазах превращается в синоним слова «русофоб». Собственно, цель эта преследовалась сто с лишним лет назад, когда создавалась «украинская нация». Но именно теперь, на наших глазах цель эта реализовалась по полной программе.

Результатом украинского разлома станет понимание главного: или ты с Россией, или против нее. Или ты часть Русского мира, или — никто, перекасти-поле. Или ты русский, или Иван, не помнящий родства (т.е. «украинец»). Украинский разлом, не сомневаюсь, совершён Свыше, по Божьей воле, но руками тех самых Иванов, не помнящих родства. Значит, другого выхода не оставалось...

* * *

Фактически Соединенные Штаты захватили всю Украину, оставшуюся без Крыма и Донбасса, — вторглись в неё и поставили здесь марионеточную власть. То есть они нагло и бесцеремонно хозяйничают на, в общем-то, **нашей**, русской земле. Факт, немислимый еще лет пять назад. Но, как и прежде, киевских марионеток и вашингтонских бульдогов Путин называет «нашими партнёрами»... У нормальных русских людей это не укладывается в голове.

* * *

Основное наше внимание, конечно, обращено на украинские события. Однако в России происходят не менее трагичные и не менее кровавые происшествия. Результат ли они случайностей или спланированных действий (а точнее говоря, терактов и диверсий) — думайте сами. В прошлых размышлениях на эту тему я все вещи называл своими именами.

25 июня под Омском на свободной дороге водитель рейсового автобуса «ЛиАЗ», в котором находилось 22 пассажира, неожиданно выскочил на полосу встречного движения и лоб в лоб столкнулся с «КамАЗом», гружённым кирпичами. Погибли 16 человек, в том числе водитель «КамАЗа» и его сменщик. 11 человек получили тяжелые ранения.

9 июля на федеральной трассе «Енисей» в 30 км от поселка Балахта в Красноярском крае около пяти часов утра по местному времени при отличной видимости, в сухую погоду во-

дитель рейсового автобуса «Hundai», следовавшего из Кызыла в Красноярск, резко вывернул машину на встречную полосу и совершил лобовое столкновение с микроавтобусом «Mercedes». Погибли 11 человек. 9 — попали в больницу. В Интернете промелькнуло сообщение, что 59-летний водитель «Hundai», виновный в столкновении и оставшийся в живых, — уроженец Украины.

Как обычно, российские СМИ в качестве всевидящих и всезнающих оракулов сразу же озвучили главные версии этих трагедий. Не вылезая из своих московских офисов, они разглядели «уснувших за рулём водителей». Прямо-таки какая-то эпидемия сна захватила в России водителей рейсовых междугородных автобусов... И при этой «сонной болезни», видимо, по интуиции, они умудряются точь-в-точь направлять свои машины в движущиеся навстречу грузовики...

12 июля около 23 часов местного времени в Омске произошло обрушение одной секции трёхэтажной казармы штаба учебного центра ВДВ. Погибли 24 новобранца, 19 получили ранения. И опять виновных пытаются найти среди «стрелочников», сделавших якобы некачественный ремонт казармы в 2013 году. Но почему тогда обрушилась не вся казарма, а только одна секция?... И отчего-то военное руководство не пожелало связать воедино странные, но важные совпадения, связать и задуматься: в этот день новопризванные десантники приняли присягу, затем они были отпущены в увольнение, к многим из них приехали родители, и после того, как они вернулись из увольнения и прозвучала команда отбоя, произошло обрушение... Мгновенно был арестован начальник по хозяйственной части, производивший косметический ремонт... Ну, естественно: это первое, что пришло в голову главному военному руководству... А то, что некоторые солдаты перед обрушением слышали хлопок, обсуждать нежелательно.

14 июля под Хабаровском потерпел катастрофу стратегический бомбардировщик Ту-95. Во время тренировочного полёта у него отказали все четыре двигателя. Семь пилотов успели катапультироваться, но два из них, в том числе командир ракетноносца, погибли. У командира не раскрылся парашют... Как заявил вице-премьер Д.Рогозин, самолёт был заправлен некачественным топливом. Казалось бы, это уму непостижимо!.. Как такое вообще возможно?! Но о том, что данная трагедия является результатом очередной подготовленной диверсии — не заикается никто из высших чинов страны. И как тут не задать вопрос: КТО собирал парашют для командира стратегического воздушного корабля? Похоже,

нас всех держат за идиотов. Чтобы у ТАКОГО самолёта вдруг отказали все четыре двигателя — до этого не смогли бы додуматься даже в фантастических фильмах...

Но думать — это не для нас. Куда удобнее и проще верить тому, что скажет голубой, а точнее, чёрный ящик. Думать — у нас в стране непозволительно, за это могут наказать. Но самое главное, большинству думать и не хочется.

Война на дорогах стала похожа на сводки боевых действий.

22 июля на федеральной трассе «Байкал» у населённого пункта Шишково Красноярского края рейсовый автобус вылетел на встречную полосу и столкнулся с гружёной фурой. Погибших — 11. Раненых — 22 человека.

Сотрудники управления Следственного комитета России по Красноярскому краю установили, что разбившийся в Шишково пассажирский автобус принадлежал компании «Автоколонна 1967-Восток», автобус которой 9 июля попал в аварию возле посёлка Балахта, когда также погибли 11 человек.

Очередная закономерная случайность...

Путин с Медведевым решили еще разок грабануть наше население. Видимо, думали они, думали — и придумали брать с каждого из нас плату за мифический «капремонт» по 15 рублей за квадратный метр жилья ежемесячно. И наши коммунальные платежи сразу увеличились на треть. Всё правильно! Мы ведь не хунта, которой можно сделать скидку на газ, и мы не африканцы, которым можно простить миллиардные долги! «Нашим» высокорейтинговым кремлёвским менеджерам с ельцинских времён известно: мы и это молча проглотим. Никакого «капремонта» не было и неизвестно, когда будет, но всё равно — плати. Об одном в связи с этим сожалею — нет сейчас Салтыкова-Щедрина!..

Неужели пролито столько русской крови, столько погибло детей за «особый статус Донбасса в составе Украины», за который так настойчиво ратует Москва? В сознании не укладывается: неужто кремлевским менеджерам и впрямь не стыдно так бросаться человеческими жизнями ради констатации своего «неучастия» в войне за Новороссию? Неужели

ради сохранения своего «непричастия» можно проигнорировать тысячи погубленных жизней? Люди надеялись на Россию, но Россия в лице ее руководства бросила их на погибель.

И что же выходит? Ополченцы Донбасса воюют за какой-то «особый статус»? Ведь на минских переговорах именно об этом идет речь. И Захарченко с Плотницким только об этом говорят. А киевская фашистская сволочь разрушает города, чтобы не допустить какого-то там статуса?..

Нам тут по ящику показали французских депутатов, приехавших в Крым. Их там, как мы видели, хлебом-солью встречали. Но ехать им надо было не в Крым, а на Донбасс — в Горловку, в Первомайск, в Дебальцево, в Широкино... Вот где была бы для них надолго запомнившаяся встреча с жителями...

Крым теперь — это прикрытие любых несправедливых дел власти.

* * *

Дочь врага России Е. Гайдара «Маша» Гайдар от другого врага России П. Парашенко приняла украинское гражданство. Мечтала, по ее словам, получить израильское, но пока решила остановиться на украинском (сохраняя, естественно, российское). «У нас с вами общий враг», — сказала она на русском языке, получив синюю ксиву из рук, залитых русской кровью. Как говорится, от судьбы не убежишь. Окончательно девушка убила дискредитированную ее отцом фамилию. Туда им и дорога — и девушке, и фамилии.

* * *

В Сибирь впустили китайцев, и она, как никогда, загорелась. Где этим летом были самые масштабные пожары на территории Сибири? В Бурятии. Именно там, где и запланирована передача китайцам в аренду 50 тыс. кв. км тайги. И победить огонь не удавалось до осени. Каждый день возникали новые и новые очаги пламени. Но властям, похоже, не приходила в голову причина этих катастрофических, неслыхаемых, небывалых прежде пожаров.

Местное население резко против китайской аренды огромной сибирской территории. И леса горят вместе с деревнями и поселками. Жители прямо и открыто говорят о поджигателях. Но власти на эту тему предпочитают не откровенничать... И можно не сомневаться, что следующим летом всё повторится.

Восстановил список главных редакторов «Молодой гвардии» за все 93 года ее существования:

- 1922—1924 — Леопольд Леонидович Авербах
- 1924—1926 — Федор Федорович Раскольников
- 1926—1928 — Сергей Иванович Гусев (фактическим редактором журнала был его заместитель В.В. Ермилов)
- 1928—1929 — Тарас Костров (Александр Сергеевич Мартыновский)
- 1929—1930 — Борис Семёнович Ольховый
- 1931—1938 — Анна Александровна Караваева
- 1948—1956 — Василий Андреевич Журавлев
- 1956—1957 — Александр Николаевич Макаров
- 1958—1960 — Илья Михайлович Котенко
- 1961—1962 — Андрей Сергеевич Пришвин (племянник М.М. Пришвина)
- 1963—1970 — Анатолий Васильевич Никонов
- 1970—1971 — Феликс Евгеньевич Овчаренко
- 1972—1995 — Анатолий Степанович Иванов
- 1995—1999 — Александр Анатольевич Кротов
- 1999—2009 — Евгений Юрьевич Юшин
- 2009 — Валерий Васильевич Хатюшин

ЧИТАЯ КЛАССИКУ

Тройка, семёрка, Дубровский!

С замиранием сердца слушал по «Культуре» пушкинскую «Пиковую даму» в исполнении Аллы Демидовой, которая и сама, как призрачная графиня, скрылась под занавес в загадочную арку с видом на Неву и золочёный шпиль Петропавловской крепости.

Экранизация ещё советских, установочных лет с их традиционным плевком в прошлую жизнь великой страны и при полной уверенности в том, что никогда более старое не возвратится. Кто бы тогда мог подумать, что маниакальная тема денег, доведённая до логического конца, когда герой завершает свой путь хуже некуда, в богадельне, высветится с течением времени столь прозорливо? Россия даже не пришла, а прискакала к своей очередной искусственной стадии — приватизационно-чековому индивидуализму с его преклонением перед образом зелёных сокровищ.

Если и дальше так пойдёт, какая проблематика из творческого наследия поэта может вскоре стать насущной?

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Разложим карты старой графини, что они скажут? Самым актуальным героем Александра Сергеевича очень скоро может стать Владимир Андреевич, дворянский Робин Гуд, который похулиганил слегка по своей округе, а потом нашёл проверенный способ, как избежать неприятностей от родного правительства — просто взять и махнуть за границу..

Гоголь и «пропуски»

Пусть поднимет руку тот, кто безгрешен, а грешники, конечно же, знают о своих прегрешениях и помнят, что бывало в случаях нарушения трудовой дисциплины — «выволочка» от начальства.

Великий Гоголь, грезивший литературой, тяготился государственной службой: в Департаменте уделов Министерства императорского двора, по отзывам современников, он «был плохим чиновником» и извлёк из своей бюрократической деятельности ту пользу, «что научился сшивать бумагу».

«Не имея ни призвания, ни охоты к службе, — читаю я Викентия Вересаева «Гоголь в жизни», — Гоголь тяготился ею, скучал и потому часто пропускал служебные дни, в которые он занимался литературой».

После нескольких дней прогулов, в те далёкие времена именуемых более корректно — «пропусками», он всё-таки «являлся в должность» и шёл с понурой головой на ковёр к столоначальнику.

— Так служить нельзя, Николай Васильевич, — слышал он в назидание, — службой надо заниматься серьёзно!

Но у будущего классика, а пока только тривиального прогульщика, уже было предусмотрительно написано «прошение на высочайшее имя».

Гоголь увольнялся, а потом вновь определялся, и так по несколько раз. В письмах к матери он неоднократно подчёркивал, что это ещё не самое «худшее» место, что многие, весьма многие захотели бы иметь даже его.

После приезда Гоголя в Санкт-Петербург фрак его был довольно ветхим, а кроме того, чиновник не имел даже «тёплого плаща, необходимого для зимы».

Вот вам тот самый «маленький человек» Акакий Акакиевич, который будет мечтать о приличной одежде, позарез необходимой для капризной северной Пальмиры! Тяготы и жизненные невзгоды своего будущего героя автор «Шинели» испытал непосредственно на себе...

И вот ещё, собственно, что в этой связи. Уже тогда молодой Гоголь видел главную беду России. Это было неистребимое бюрократическое сословие, которое плодилось и про-

цветало ещё и потому, что люди заступали на службу, не имея к ней ни малейшего призвания. Прельшало их только место.

Может быть, именно в эти дни пресловутых «пропусков» молодой и удручённый Гоголь несколько романтически думал о том, как же сделать всем хорошо: и России, и конкретному человеку? И чтобы люди больше не тяготились трудиться на благо Отчизны! Но уже наступало у литератора прозрение, и грустно становилось у него на душе...

На «зеркало» неча пенять...

Дрисский укрепленный лагерь, в котором русская армия в самом начале Отечественной войны 1812 года планировала дать бой Наполеону...

Именно этот эпизод, кстати, один из ключевых в кампании Двенадцатого года, когда тоже решалась судьба Русской армии и Отечества, литературные критики романа «Война и мир» обходят вниманием.

Подумаешь, какой-то военный совет в Дриссе: собрались генералы, долго спорили и договорились до того, что бросили без толку созданный укрепленный лагерь, в котором, ожидая Наполеона, находились под ружьем всего пять дней.

Одной лишь фразой Лев Толстой раскрывает авторское отношение к свершившемуся событию. Ему, боевому офицеру, через полвека после Великой битвы отнюдь не кажется откровенно бестолковым план генерал-лейтенанта Пфуля, которому в Первой русской армии под командой Баркля-де-Толли устроили настоящую фронтю. Почему?

— Русский человек самоуверен, потому что ничего не знает и знать ничего не хочет, — бескомпромиссно утверждает Толстой.

Конечно, за такие слова можно обрушить весь шквал огня на «зеркало русской революции», загоня писателя в рамки этого «классического» определения, где ничего нет, кроме метафоры-пустоцвета. Но жизнь ведь ещё никогда не умещалась в какие-либо схемы, она всегда полнее, чем мы о ней думаем.

Когда я вновь перечитывал «Войну и мир», аж подпрыгнул от точности наблюдения писателя. Не здесь ли, не в этом ли толстовском приговоре кроется корень многих национальных бед, что будут из века в век передаваться по наследству грядущим поколениям?

Целое столетие нечто вселенское перманентно создаём, строим то, чего абсолютно не знаем, да и узнать-то вряд ли захотим!..

Речная вечеря

Видимо, классики русской литературы всегда будут преподносить нам уроки мастерства, раскрываясь с самой нео-

жиданной стороны. Вот и впечатление от предельно лаконичного рассказа Антона Чехова «Студент» у меня долго не стирается.

Опубликованный впервые в 1894 году в газете «Русские ведомости» под другим, правда, названием — «Вечером», он, по определению автора, — самый лучший его рассказ, совершенный по форме и полностью отвечающий творческому кредо писателя: «Краткость — сестра таланта». Но какая глупина сокрыта между строк!

Будущий священнослужитель, студент духовной академии и сын местного дьячка, возвращается с ТЯГИ, то есть с ОХОТЫ, в страстную Пятницу, когда православному сам Бог велел отправиться в церковь, соблюдая пост во всём. Грех великий — братья в это время за ружьё. По большому счёту, Иван Великопольский — кающийся отступник, как апостол Пётр, трижды отрёкшийся от Христа, и этот поступок будущего святого не зря становится предметом разговора у костра, степенно протекая в отблесках пламени на пашне вдовьих огородов, у тихой реки.

Не прибегая к описательности, Чехов одной лишь фразой показал нам этого студента, который через «ледяные иглы» на лужах и неожиданный возврат зимы, кажется, разуверился и в самом совершенстве мироустройства, и в отсутствии той природной красоты, которой одарил страну Господь:

«И теперь, пожимаясь от холода, студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же дырявые соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнёта, — все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдёт ещё тысяча лет, жизнь не станет лучше».

Так не должен рассуждать без пяти минут клирик, духовный пастырь людской. Это действительно потаённые думы студента, морально готового к тому, чтобы однажды влиться в разномастный протестный стан и отстреливать совсем не вальдшнепов, залпы по которым звучат «раскатисто и весело», — губернаторов и министров Государя, да, впрочем, и его самого.

Но всё ещё зыбко в сознании студента, всё колеблется, как речной туман, на чаше весов, а перевешивает Ванино решение такая деталь, как слёзы Василисы, «крупные, изобильные слёзы» вдовы, бывшей няньки у господ. На исходе девятнадцатого века простолюдинке и её дочери, забитой мужем, был особенно понятен рыдающий апостол Пётр, да и писателю ещё можно было верить в народ, который в глубинных свойствах природы оказывался намного нравственнее образованного и вечно рефлектирующего типажа. Не очень-

то чеховское произведение, совсем не характерное для автора, больше устремлённого взором в русскую интеллигенцию — в самого себя, одним словом. А надо бы, наверное, посмотреть на того, кто в рубище, — на Христа...

«Всё меняется для того, кто взирает на Иисуса», — говорит в своём послании к евреям Святой апостол Павел, разъясняя дальше эту мудрость: взирать на Иисуса очами веры — значит видеть единственно верный путь в Вечность. Ускользнёт ли Истина от Ивана Великопольского, осенённого внезапной мыслью о единстве времени, от которой он только что успел перевести взволнованный дух?

«Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

Рыночник с деревяшкой

Амплуа Эриха Марии Ремарка, который из зарубежных классиков у нас считается едва ли не главным литературным обвинителем милитаризма, вполне может быть расширено ещё и до строгого судьи рыночных отношений.

Как бы ни любил сам писатель сидеть в каком-нибудь кафе за нескончаемой рюмкой кальвадоса, зная не только толк в закуске и выпивке, но и хорошо реагируя на красный фонарь небезызвестного уличного заведения, где-то в глубине души он остался решительным противником безжалостного капитализма.

Хотел сказать «европейского», потому что в России он был, я думаю, несколько иной, и Ремарк в «Триумфальной арке» это неплохо показывает. Всего лишь один литературный эпизод, связанный с автомобильным ДТП и как следствие — несчастным случаем в жизни французского мальчика Жанно, которому раздробило ногу. Её теперь хирургу и главному герою романа придётся, однако, удалять.

О чём же в эти минуты думает попавший под колёса судьбы парижский подросток? Разве не о том, что ему больше не придётся гонять мяч, стараясь в этой тривиальной детской состязательности обойти сверстников, выделиться? А может, кровь вдруг ударяет ему в лицо? Как же он увидит теперь Люси из соседнего дома, представ перед ней искалеченным?..

Писатель являет нам пример классического рыночника, эталонного юного Егора Гайдара чисто французского разлива. Жанно первым делом записал номер машины и теперь предъявит свой счёт страховой компании, получив за это солидный куш.

Разумеется, ему очень важно узнать у доктора, до каких пределов предстоит лишиться конечности. Выше колена — значит, и размер выплаты будет значительно больший. К тому же он сможет сделать бизнес и на протезе: выторгует самый дорогой, затем продаст его в том же ортопедическом магазинчике, а взамен обойдётся элементарной деревяшкой.

На какие только жертвы не пойдёшь, если детской мечтой подростка остаётся открытие собственной молочной? Вот Жанно и задаёт простой риторический вопрос (и герою, и всем нам), и вопрос этот в одночасье делает его не по возрасту взрослым:

— Должно же человеку повезти хоть раз в жизни, а?

Русский классик ответил бы на сей счёт примерно так:

— Скучно жить на этом свете, господа, если даже дети все свои мечты разом обернули в хрустящие банкноты вожделенного рынка...

Противовес тому самому «Мастеру»

Случай в литературе редчайший. Почти в одно время два больших писателя, живших в Москве (Леонид Леонов и Михаил Булгаков), совершенно автономно, не сговариваясь, начали создавать свои фантазмагорические вещи, удивительно похожие фабулой. У одного это вылилось в масштабный роман-наваждение «Пирамида», у другого — в элитарный бестселлер «Мастер и Маргарита», при жизни автора так и не изданный (спасибо за публикацию вдове Елене Сергеевне и главреду «Москвы» Михаилу Алексееву).

Фоном этих произведений явилась столица конца двадцатых годов прошлого столетия — та самая, жителей которой уже «испортил квартирный вопрос». Атмосфера тех переломных лет роднит хорошо известных к тому времени литераторов. Но в чём они решительно разошлись, так это в выборе основных сюжетных пружин. Булгаков предпочёл, чтобы всё так или иначе крутилось вокруг прибытия в столицу таинственного мага. Мессир Воланд, феерический визит нечистой силы — вот кто стал завязкой романа, а компанейское их убийство — последней точкой в многоплановом повествовании.

В отличие от Булгакова, не имея в родословной священнослужителей, а только крепкие и тоже «социально чуждые» крестьянские корни, Леонид Леонов оказался более «почвенником», нежели сын киевского богослова. Правда, и в «Пирамиде» есть «наместник» Князя мира сего — некий профессор с фамилией Штатаницкий, но он способен лишь на мелкие пакости, вставляя в колёса произведения даже не палки — так, пруттики.

Один из главных героев «Пирамиды» — приходский священник, практически сельский батюшка, поскольку службу он несёт в крайнем храме Москвы. Более того, всё в романе, который в этом плане противовес «Мастеру», вращается вокруг появления ангела. Другое и почти небесное создание — дочка православного батюшки Дуня, став случайной хранительницей чуда, называет гостя, сошедшего к ней прямо с иконы захиревшего храма в Старо-Федосеево, по-своему просто — Дымков.

Это с помощью Дуни ангел Дымков, для кого всё материальное чуждо и он, как благовестный голубок, питается одним изюмом, учится человеческой речи. Его первая и поистине детская оценка столь нелегкого для него постижения словарного запаса:

— В роте мало слов...

Безусловно, так бы сказал ребёнок, который путает трудные склонения имён существительных.

Чем закончится это посещение сталинской Москвы для ангела, на какие цели он начнёт расходовать свои невероятные способности? Это вам не Воланд, а простодушный небожитель (в первоначальных набросках роман назвался «Мироздание по Дымкову»). Печален итог этого внезапного пришествия: своими меркантильными интересами москвичи, погрязшие в грехах, способны испортить даже непорочного ангела.

Скажу ещё одну вещь: роман Леонида Леонова — в некотором роде индикатор базисной культуры и подготовленности читателя. Люди, взращённые современной суррогатной литературой, его уж точно не примут, поскольку упадут в изнеможении на диван, не осилив и первого тома. А есть ещё и том второй, и рукопись, привезённая в «Наш современник», не зря смахивала на бумажную гору...

Роман создавался на протяжении почти сорока лет и увидел жизнь только в конце двадцатого века: патриарх литературы, которому было почти 95, теперь мог уходить от нас со спокойной душой...

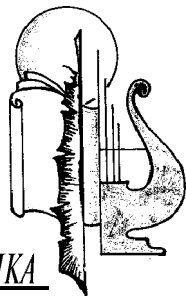
Почему «Пирамида»? Дело в том, что человечество в «поступательном» движении всё время взбирается ввысь. Вроде бы ощутимый прогресс в развитии, но это как посмотреть. Вершина, а дальше идти некуда, да и вниз — обрыв. Спустимся ли в случае чего?..

ЖЕРТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ К РОССИИ

*К 120-летию со дня рождения
и к 90-летию гибели С.А. Есенина*

Литература наша дышит православием.
К.Н.Леонтьев.

Русская литература всегда основывалась на стремлении человеческой души к Царствию Божьему, к преодолению греха, к утверждению добротолубия, нестяжательства, искания правды, воспеванию красоты Природы и Человека. Тысячелетняя история русской литературы открывается бессмертным сочинением митрополита Иллариона «Слово о Законе и Благодати», созданном в XI веке. В этом уникальном произведении Ветхому Завету (закону, национально ограниченному) противопоставляется Новый Завет — благодать, даруемая всему человечеству. Непреходящая ценность этого древнего произведения состоит в том, что Илларион не только обосновывает великое благо для Руси в распространении христианского света в ней и воздаёт хвалу князю Владимиру, крестившему Русь, но и решает эту задачу в изумительной поэтической форме, раскрывающей глубину и красоту русского языка.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Богата Россия поэтическими талантами. Об этом свидетельствуют многочисленные литературные памятники Древней Руси, изложенные в былинах, сказаниях и песнях. Это древнее наследие получило развитие в творчестве многих сотен и даже тысяч поэтов, среди которых сияет созвездие М.В.Ломоносова, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Ф.И.Тютчева, А.А.Блока, А.Т.Твардовского, Н.М.Рубцова. Произведения этих великих русских поэтов знают и любят миллионы читателей. Но нельзя не признать и тот отрадный факт, что поистине всенародной любовью пользуется светлое имя Сергея Есенина и его светоносная лирика.

Я вспоминаю, как в годы, когда творчество Есенина большевистской властью осуждалось, с каким волнением и благодарностью, нередко со слезами на глазах, слушали мои импровизированные чтения его стихов в самых разных обстоятельствах: будь то встреча с друзьями или со случайными попутчиками в поезде, на студенческих вечеринках, на субботниках, во время уборки картофеля и овощей в колхозах или на строительных площадках, на праздничных вечерах в институтах и университетах, где мне приходилось работать, или просто в гостях у знакомых. Это было зримое проявление народной любви буквально к каждому слову и к каждой мысли великого певца и гражданина России.

С большим волнением я приступаю к этим запискам о жизни и творчестве гениального русского поэта. Прибавить что-то новое в выражении любви к Сергею Александровичу весьма затруднительно. Надеюсь, в решении этой задачи мне помогут сами произведения поэта. Уверен, что они обрисуют образ Есенина лучше любых рассуждений о нём.

*Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.*

*Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздаётся
Голос по лесам.*

*Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.*

*Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.*
1914

Детство и отрочество поэта

Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября (4 октября) 1895 года в селе Константиново Рязанской губернии, в крестьянской семье. Его родителями были Александр Никитич Есенин (1873—1931) и Татьяна Фёдоровна Титова (1875—1955). Константиново — старинное село, которое впервые упоминается в 1619 году в жалобе местных крестьян царю Михаилу Фёдоровичу на соседних федакинских крестьян, уличённых в грабежах. А жаловались они царю на недобросовестных соседей потому, что село принадлежало его дворцовому ведомству.

В селе была деревянная церковь, освещённая в честь Казанской иконы Божьей Матери. Простояла она почти два века, пока в 1779 году вице-канцлер двора императрицы Екатерины II Александр Михайлович Голицын вместо неё построил каменную Казанскую церковь с приделом в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи.

Новая церковь была просторна и светла, богато украшена образами святых и золочёной утварью. По воспоминаниям сестры Сергея Екатерины, внешний вид Казанской церкви был очень живописен. На фоне зелёных зарослей вязов, акаций и бузины она выделялась своей белизной как подвенечное платье. За церковью — красавица Ока, а на её высоком берегу расположена часовенка, рядом с ней огромный камень-валун, на котором в детстве и юности любил сидеть будущий поэт, любуясь приокскими раздольями. Есенины жили напротив Казанской церкви, в двухэтажном доме, построенном дедом поэта по отцу, Никитой Осиповичем, в котором и родился долгожданный младенец Серёжа.

Таинство Крещения совершил 3 октября (по юлианскому календарю) настоятель Казанской церкви протоиерей Иоанн Смирнов, который нарёк младенца Сергеем в честь преподобного Сергия Радонежского, день памяти которого отмечается 8 октября. После Крещения отец Иоанн сказал матери Сергея: «Он у тебя от Бога». Забегая вперёд, отметим, что с этим священником Сергей Александрович поддерживал близкую связь, начиная с детства до последних дней жизни.

С раннего детства Серёжа был отдан на воспитание деду по матери Фёдору Андреевичу Титову. Будучи грамотным и глубоко ве-

рующим человеком, Фёдор Андреевич читал своему внуку Евангелие, рассказывал ему о священной истории, а к пяти годам научил малыша читать православные книжки самостоятельно. Об этом поэт тепло вспоминал в стихотворении «Письмо деду».

В доме Есениных часто останавливались на постой паломники, кормились нищие и убогие, к которым с большим участием и заботой относился Серёжа. Об этом юный поэт пишет в своём щемящем душу стихотворении «Побирушка».

*Плачет девочка-малютка у окон больших хором,
А в хоромах смех весёлый так и льётся серебром.
Плачет девочка и стынет на ветру осенних гроз,
И ручонкою иззябшей вытирает капли слёз.*

*Со слезами она просит хлеба чёрствого кусок,
От обиды и волненья замирает голосок.
Но в хоромах этот голос заглушает шум утех,
И стоит малютка, плачет под весёлый, резвый смех.*

Дед Сергея Фёдор Андреевич был благотворителем Казанской церкви, поэтому не только регулярно ходил в церковь, пел на клиросе, но имел возможность позволять внуку залезать на колокольню, чтобы любоваться заокскими далями, а в праздники вместе с пономарём участвовать в колокольном звоне, который вызывал в его душе мысли о вечности, о Боге.

На восьмом году жизни Сергей поступил в местную начальную 3-летнюю церковно-приходскую школу, по окончании которой был принят в земское училище, которое закончил в 1909 году. В это же время, по желанию деда, начал обучаться в церковно-учительской школе, в селе Спас-Клепики. По её окончании путь его лежал в духовную семинарию. Однако судьба распорядилась иначе. Юноша чётко понял, что его призвание — литература. Не только понял сам, но и убедил в этом своего любимого деда, который хотел во внуке видеть священника.

Становление духовного мировоззрения

Во все описанные годы в душе золотоголового отрока неугасимо пылала любовь. Любовь к природе, к деревьям и цветам, к рассветам и закатам, к друзьям и всем окружающим его людям, к небесам, солнцу и звёздам. Верующим людям известно, что Бог — это любовь, и эта любовь жила в сердце Сергея, которой он щедро делился с людьми в своих стихах.

ЗВЁЗДЫ

*Звёздочки ясные, звёзды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звёзды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?*

*Частые звёздочки, звёздочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
Чем увлекаете, звёзды небесные,
Силу великую знания жгучего?*

*И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятъя широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звёзды небесные, звёзды далёкие!*

1911—1912

Поразительно, как глубоко и немногословно юный поэт говорит о несравненной доброте сердца русского человека, о его любви к ближнему:

*Шёл Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дуброве,
Жамкал дёснами зачерствелую пышку.*

*Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой, —
Знать, от голода качается, болезный».*

*Подошёл Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».*

1914

Характер у юного Сергея был впечатлительным, эмоциональным и любвеобильным. Но главным его руководящим чувством во всех его поступках была глубокая и светлая любовь к Отечеству:

*Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосёт глаза.*

*Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.*

*Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас,
И гудит за корогодом
На лугах весёлый пляс.*

*Побегу по мятой стёжке
На приволь зелёных лех,
Мне навстречу, как серёжки,
Прозвонит девичий смех.*

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

1914

Трудовые будни

Осенью 1912 года отец Есенина привозит сына в Москву и устраивает его на работу в мясную лавку купца Крылова, где он сам работал приказчиком. Работа в лавке Сергею не понравилась. Он даже пошёл на конфликт с отцом. Какое-то время работал продавцом в книжном магазине, а затем перешёл в типографию известного издателя И.Д. Сытина сначала — экспедитором, а затем помощником корректора. В издательстве он познакомился с выдающимся скульптором Сергеем Тимофеевичем Конёнковым (1874—1971), который в своей книге «Мой век» пишет, что Есенин любил петь песни об «Алексии — человеке Божьем», «О Вере, Надежде, Любви и матери их Софии».

В 1913—1914 годах Есенин создаёт множество стихотворений и поэму о святителе Николае — архиепископе Мирликийском. В 1915 году поэт приезжает в Санкт-Петербург, здесь он встречается с Александром Блоком, читает ему свои стихи, после чего Блок пишет в своём дневнике: «Стихи свежие, чистые, голосистые...» и рекомендует петербургским литераторам Есенина как талантливого крестьянского поэта-самородка. Сергея Александровича начали печатать и принимать в литературных салонах.

В это время он входит в литературную группу «Краса» и литературно-художественное общество «Страда», членами

которых были известные поэты Н.Клюев, С.Клычков, П.Орешин, А.Ширяевец. Особо близкие отношения у него складываются с Николаем Алексеевичем Клоевым (1887—1937), которого Сергей Александрович называл своим наставником и «рачителем». Стихи молодого поэта активно печатаются во многих изданиях. По признанию автора, из 60 представленных стихотворений было принято и опубликовано 51. В начале 1916 года они были объединены в первой книге Есенина «Радуница». Характерной особенностью этого периода творчества была неизбывная сыновья любовь к Родине, к православному образу жизни русского народа.

В 1915 году при поддержке государя Николая II создаётся «Общество возрождения художественной Руси», в состав которого входят известные художники, архитекторы, писатели, в частности, В.Васнецов, М.Нестеров, А.Ремезов, А.Шусев, С.Городецкий, поэты Н.Клюев и С.Есенин. В Марфо-Мариинской монашеской общине сестёр милосердия, основанной великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, было организовано чтение стихов. Творчество Есенина и Клоева ей понравилось, и по окончании вечера она долго беседовала с крестьянскими поэтами и подарила им по экземпляру Евангелия и образки с изображением иконы Пресвятой Богородицы. Несколько позднее, в день именин Есенина, Елизавета Фёдоровна сделала ему особый подарок — икону преподобного Сергия Радонежского, в честь которого поэт получил своё имя. Выступал Есенин и перед Государыней Императрицей Александрой Фёдоровной в Царскосельском лицее, просил и получил разрешение посвятить ей цикл стихов.

В апреле 1916 года Сергея призвали на армейскую службу и назначили санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Её Императорского величества Императрицы Александры Фёдоровны. В этом поезде трудились сёстрами милосердия сама Императрица и её дочери — царевны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Есенин неоднократно читал стихи в лазарете в присутствии царственных особ. Впечатление от этих встреч поэт отразил в стихах:

*В багровом зареве закат шипуч и пенен
Берёзки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих младых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.
...Всё ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладёт печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.*

Во время Февральской революции 1917 года Есенин отказался присягать Временному правительству и дезертировал из армии. В октябре этого же года власть в России перешла к большевикам. В советской литературе нередко звучали утверждения о том, что Есенин был одним из тех русских писателей, которые с восторгом встретили Октябрь. На самом деле всё было не так однозначно. Поэт надеялся увидеть в революционном перевороте движение общества к разумной светлой жизни, а не уничтожение традиционной культуры русского народа, в том числе и православной веры.

В поэме «Товарищ», написанной под впечатлением буржуазной, организованной масонами Февральской революции, С.А. Есенин с потрясающей прозорливостью показал, что в действительности она была направлена против народа и православия.

*«Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовёт и кличет
Товарищ твой Мартин!»*

*Отец лежит убитый,
Но он не пал, как трус.
Я слышу, он зовёт нас,
О верный мой Исус.*

*Зовёт он нас на помощь,
Где бьётся русский люд,
Велит стоять за волю,
За равенство и труд!..»*

*И, ласково приемля
Речей невинных звук,
Сошёл Исус на землю
С неколебимых рук.*

*Идут рука с рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бедою
Седая тишина.*

*Мечты цветут надеждой
Про вечный, вольный рок.
Обоим нежит вежды
Февральский ветерок.*

*Но вдруг огни сверкнули...
Залаля медный груз.
И пал, сражённый пулей,
Младенец Иисус.*

1917

Есенин был подлинным гуманистом, он стремился воспевать то, что было в жизни «крепче и живей». Его стихи полны любви к людям и природе, но вместе с тем они проникнуты тревожным беспокойством о судьбе Родины, о её настоящем и будущем. Он трагически переживал события братоубийственной Гражданской войны. В своей поэме «Страна непогоды» поэт напишет:

*Пустая забава,
Одни разговоры.
Ну что же,
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен.*

1922

Этот великий обман Сергей Есенин вскрывал пристальным наблюдением за реальной жизнью, происходящей в стране.

*...Ещё закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода,
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.*

*Россия! Сердцу милый край!
Душа сжимается от боли.
Уж сколько лет не слышит поле
Петушьё пеньё, пёсий лай.*

*Уж сколько лет наш тихий быт
Утратил мирные глаголы.
Как оспой, ямами копыт
Изрыты настбища и доли...*

Сергей Александрович решительно отказывался быть трубадуром большевистской власти, к чему его лично призывали вожди — Троцкий, Дзержинский, Калинин. Напротив, он от-

крыто высказывал недопустимость политизации русской литературы. На заседании пролетарских писателей, состоявшемся в 1921 году в Народном Комиссариате Просвещения, поэт заявил: «Здесь говорили о литературе с марксистским подходом. Никакой другой литературы не допускается. Это уже три года! Три года вы пишете вашу марксистскую ерунду! Три года мы молчали! Сколько же ещё вы будете затыкать нам глотку? И... кому нужен ваш марксистский подход?» (цитирую по: Игорь Евсин, «Судьба и вера Сергея Есенина». Рязань, «Зёрна», 2007).
Да, у Есенина есть такие слова:

*Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.*

Чему же удивляться в этом заявлении поэта? Ведь все русские люди во время революционного переворота большевистской пропагандой были объявлены активными сторонниками их разрушительной идеологии. Однако Есенина никак нельзя причислить к идеологам большевизма. Он и большевиком-то объявляет себя, глубоко озабоченным трагическими событиями, происходящими в России. Анализируя неслыханные разорения русской жизни в период Гражданской войны, он охарактеризует своё душевное состояние следующими стихами:

*Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь,
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.*

Сами практические поступки поэта свидетельствуют о том, что православная вера не покидала Сергея Александровича. Приведу два конкретных примера. В 1924 году умер его друг — поэт Александр Ширяевец. На его похороны Есенин не только пригласил священника, чтобы отпеть друга, но и сам искренне молился за упокоевание души усопшего, дружбой с которым он очень дорожил. Не менее убедительным было и дерзкое по тем безбожным временам «Послание «евангелисту» Демьяну», гласившее:

*Когда я в «Правде» прочитал
Неправду о Христе блудливого Демьяна,
Мне стыдно стало так, как будто я попал
В блевотину, изверженную спьяна.*

*...Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил,
Ты не задел его своим пером нимало.
Разбойник был, Иуда был —
Тебя лишь не хватало.*

*Ты сгустки крови у креста
Копнул ноздрей, как толстый боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.*

(Настоящее имя Демьяна Бедного — Ефим Алексеевич Придворов). Это послание в защиту Христа не было опубликовано, но, по свидетельству современников, широко распространялось в списках по всей России.

Сергей Александрович глубоко скорбел, наблюдая разрушения, происходившие в историческом укладе жизни крестьян, в их традиционной православной культуре, в языке, в любви к людям, не только ближним, но и к каждой человеческой душе, созданной по образу и подобию Божию, к своей малой родине и Отечеству в целом. Однако он был уверен, что эта болезнь мировоззрения русских людей пройдёт, и Россия вернётся на путь своего славного многовекового развития.

Эту свою святую веру он с потрясающей силой изложил в произведении «Русь советская»:

*Тот ураган прошёл. Нас мало уцелело.
На перекличке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.*

*Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.*

*...Ах, родина! Какой я стал смешной.
На щёки впалые летит сухой румянец.
Язык сограждан стал мне как чуждой,
В своей стране я словно иностранец.*

*...С горы идёт крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Весёлым криком оглашая дол.*

*Вот так страна!
Какого ж я рожна*

*Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.*

*Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе — и тем уж я доволен,
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой болен.*

*Приемлю всё.
Как есть всё принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.*

*...Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.*

*Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, -
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

1924

Краткие сведения о семейной жизни поэта

4 июля 1917 года Есенин познакомился с русской актрисой Зинаидой Райх. 30 июля того же года состоялось венчание молодых, которое происходило в церкви Кирика и Иулиты, в деревне Толстикovo Вологодского уезда. Поручителями жениха были Павел Павлович Хитров, крестьянин из деревни Ивановской Спасской волости, и Сергей Михайлович Бараев, крестьянин из села Улья Устьянской волости, поручителями невесты — Алексей Алексеевич Ганин и Дмитрий Дмитриевич Девятков, купеческий сын из города Вологды. А свадьба происходила в здании гостиницы «Пассаж». У супругов родились двое детей — дочь Татьяна и сын Константин. 19 февраля 1921 года поэт подал заявление о разво-

де, в котором обязался материально обеспечивать бывшую супругу и детей.

Осенью 1921 года Есенин познакомился с танцовщицей Айседорой Дункан, с которой через полгода заключил законный брак. После свадьбы Есенин и Дункан совершили свадебное путешествие в Европу и Америку, посетили Германию, Францию, Бельгию, Италию. Европа Есенину не просто не понравилась, она поразила его чудовишной бездуховностью и лицемерием. Из Дюссельдорфа он пишет своим друзьям: «Что сказать мне вам об этом ужасающем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока ещё не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее — мюзик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину...»

Ещё более неприятное впечатление на Есенина произвели США. В своём письме А. Мариенгофу поэт признаётся: «Милый Толя! Как я рад, что ты не со мной здесь, в этой Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься».

Свои впечатления об этой стране Есенин изложил в очерке с красноречивым названием «Железный Миргород», в котором написал о высоких технических достижениях и показал духовное убожество людей, трагическую опустошённость их душ, изъеденных властью денег и потребительской моралью. «Лучше всего, что я видел в этом мире, это всё-таки Москва. В Чикагские «сто тысяч улиц», — считает поэт, — можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире. При этой культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу».

Показательно, что Есенин в США отказывался от встреч с эмигрантами, покинувшими Россию. «Чёрт с ними, — говорил поэт, — ибо они все здесь прогнили за пять лет эмиграции. Живущий в склепе всегда пахнет мертвечиной». Более того, когда еврейские литераторы добились встречи с Есениным, вместо того, чтобы отвечать на их вопросы, он прочитал им отрывок из своей поэмы «Страна негодяев», в частности, монолог одного из главных персонажей поэмы — Замарашкина: «Я знаю, что ты — настоящий жид. Фамилия твоя Лейбман. И чёрт с тобой, что ты жил за границей. Всё равно в могиле твой дом». Слушатели организовали шумный скан-

дал в газетах, клеймили поэта «антисемитом и большевиком». Есенин не осознавал, что по возвращении в Россию ему не избежать неприятностей. Так оно и случилось.

По истечении 4 месяцев, в августе 1923 года путешественники возвратились в Москву. Вскорости после этого брак поэта с актрисой Дункан распался. Осенью 1925 года Есенин женился в третий, последний раз на внучке Л.Н. Толстого Софье Андреевне Толстой (1900—1957), заведующей в ту пору библиотекой Союза писателей. После смерти поэта С.А. Толстая посвятила свою жизнь сбору, сохранению и подготовке к печати произведений великого поэта и оставила свои мемуары о нём.

Трагический финал земной жизни гениального поэта

В Москве развернулась открытая ненависть к поэту со стороны русофобской власти и подхалимствующей бездарной писательской братии. По сведениям С.Ю. и С.С. Куняевых, 20 ноября 1923 года отмечался день Союза поэтов. В этот день Есенин, Клычков, Орешин и Ганин зашли в Госиздат, где вели переговоры об издании своих книг, после чего посетили столовую на Мясницкой, где состоялся их откровенный разговор о России, о Советской власти, её отношении к крестьянству. Среди посетителей оказался осведомитель Марк Родкин, спровоцировавший процесс преследования поэтов в соответствии с ленинским законом «О борьбе с антисемитизмом». За 1924—1925 годы на Есенина было заведено 6 уголовных дел по обвинению в «хулиганстве» и «антисемитизме», завершившихся трагедией в декабре 1925 года.

Зловещую роль в гибели Сергея Александровича сыграл «самый грамотный», по определению Ленина, марксист Бухарин Н.И. (1888—1938). 12 января 1925 года этот теоретик насилия написал в «Правде»: «есенинщина — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания явление наших литературных дней, поскольку ... Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого национального характера». Выступая 26 января 1925 года на Ленинградской партийной конференции, он говорил: «Я больше всего должен сказать о русском шовинизме. Недавно я выступил в «Правде» против Есенина. Я считаю, что это не столько, так сказать, по «узконациональным» мотивам по линии развенчания Есенина, сколько по другим мотивам. Имелся в виду, прежде всего, русский национализм и «русский дух».

По существу это было прямое указание на расправу с Есениным. Ведь Бухарин был не просто редактором «Правды», а

«авторитетным» членом Политбюро ВКП(б) — идеологом организации массовых репрессий против русского народа. Уместно напомнить здесь высказывание из его книги «Экономика переходного периода», которое гласит: «Пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как это парадоксально ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Очевидно, что дальше дело передавалось в руки ОГПУ, одним из руководителей которого в то время был известный палач Менжинский.

Поэт чувствовал смертельную опасность. Он решает оставить Москву и 24 декабря 1925 года приезжает в Питер, где он рассчитывал заняться изданием толстого литературного журнала. Остановился поэт в гостинице «Англетер». Здесь и совершилась трагедия. Утром 28 декабря великий поэт России был найден повешенным к трубе парового отопления в номере гостиницы. Версии его гибели были различными. Официальная из них гласила, что Есенин покончил жизнь самоубийством. Но есть свидетельство и другого рода. Так, утром 28 декабря в «Англетере» присутствовал художник В.Сварог, который сделал рисунки погибшего поэта, свидетельствующие о насильственной смерти. В частности, на голове была рана, нанесённая рукояткой нагана. Сразу после гибели поэта известный писатель Борис Лавренёв опубликовал статью с красноречивым названием «Казнённый дегенератами».

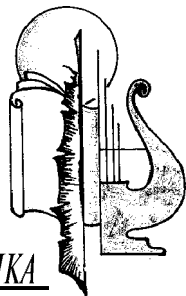
О лживости версии о самоубийстве поэта свидетельствует также и то, что православная церковь провела панихиды по погибшему — в Москве, в Питере, в Казанской церкви села Константиново и в соседнем селе Федякино, где отпевал поэта священник Василий Гаврилов. Его правнук А.Б. Калякин вспоминал, что отец Василий постоянно служил панихиды по Есенину вплоть до своего ареста в 1938 году. А ведь известно, что за отпевание самоубийц и панихиды по ним церковью налагалось на совершающих это таинство отречение от священнического сана.

Пора и всем нам наконец открыто и прямо отвергнуть эту клевету о самоубийстве великого русского поэта.

«И Я ПОЙДУ ДОРОГОЙ ВОЗВРАЩЕНЬЯ...»

О главной теме стихотворений Эммы Меньшиковой

Если посмотреть на стихи последних лет, посвящённые России, её трудному настоящему и смутному будущему, то видна совершенно отчетливая черта, отделяющая женскую лирику подобного рода от стихов, вышедших из-под пера поэта-мужчины. В подобном разграничении нет ничего необычного: женщине — домашний очаг, мужчине — ратное поле и тяжкий труд на земле. Древние символы с течением времени множат свои смыслы, но в главном остаются неизблемыми. Именно по этой причине образ родины в женской поэзии столь подробен, детали картины органично соединяются друг с другом, а панорама как будто окутана дымкой тепла и сердечности — даже в горьких сюжетах, на фоне отчаянных коллизий. Женщина стремится оживить дом, навести в нём порядок, поддержать непрерывность жизни, преодолевая роковое деление времени на вчера-сегодня-завтра. Восстанавливая тихое течение дней даже на пепелище, она, подобно птице, как будто мистически кружит по спирали над любимым местом, над дорогами людьми, над предметами,

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

которые долговечнее человека, — и сшивает прорехи, стягивает раны, вновь вылепливает саму форму существования, назначенную человеку Небом. Оттого тема возвращения столь органична в женской лирике, многолика и неисчерпаема.

Стихи липецкой поэтессы Эммы Меньшиковой знакомы читателям уже давно. Они кажутся привязанными к рубежу веков крепчайшей духовной нитью, сплетённой из беды и счастья, благодарности и горя, покаяния и веры в лучшие дни. Этот рубеж, который Россия преодолевает с великим трудом, с кровью и слезами, — бытийная межа, что отделяет горькую эпоху последнего десятилетия XX века от начала поступательного, неуклонного пути в новый мир, где русская правда утвердится со всей ясностью и живой силой. А пока в поэтическом космосе Меньшиковой ещё раз проживаются минувшие годы, и «возвращение» становится словом, обнимающим русскую жизнь современной эпохи.

Рождённая в Литве, она долго жила «отдельно» от русско-го пейзажа, и сейчас его детали особенно остро и рельефно проступают в лирике поэтессы. Неустанное, почти ненасытное вглядывание в родную природу, жажда слиться с деревьями и полем, лесом и озером — это свойственно нашему человеку, вернувшемуся с чужбины.

*Но Русь жива, её исток — деревня.
Она поёт — и песнь её легка...
Она проста, как труд, как вдохновенье,
Её одежды — сосны да река...*

«Повышенная русскость» стихотворений Меньшиковой в какой-то степени ещё и следствие прежнего периода её жизни, когда автору приходилось бережно и тайно хранить в себе чувство родины. Такая организация души не размывается с годами и напоминает сложенную «в гармошку» картину, которая, разворачиваясь, наполняется реальным воздухом, светом, простором, высотой.

Между тем, возвращение в Россию для поэтессы не было безоблачным, её лирическая героиня преодолевает многие житейские и нравственные тяготы.

*К родне по вере, по Великим Лукам,
Где русским духом был благословлён
Весь род мой до скончания времён,
Рвалась я после тягостной разлуки.
Шестнадцать лет хождения по мукам,
По деревенским избам и углам,*

*Жила с грехом и горем пополам,
Наперекор пророчествам и слухам...
Ну не ходила разве что за плугом,
Зато и по воду, и с тяжкой в борозде.
И заслужила в этой простоте,
Чтоб русская земля мне стала пухом...*

В финале стихотворения эхом вспоминается ахматовское: «Но ложимся в неё и становимся ею, // Оттого и зовём так свободно — своею»*. Однако есть важные отличия современных слов от строк полувековой давности. В формуле Ахматовой присутствует величавая отдельность героини от пыли, грязи и праха, которые сопутствуют её нелегкому быту, слияние внутреннего «Я» автора с родной почвой тут отчётливо «засмертное». Тогда как у Меньшиковой — прижизненное, с незаметным переходом смертного рубежа.

У поэтессы — пристальное зрение, она выделяет детали окружающего мира любовно, а не отчуждённо, в тоске; берёт предметы родины и словно бы гладит их ладонью издали, не касаясь. Чувство возвращения диктует ей пропорции, формы, цвета земли, на которую рвалось её сердце. Драгоценность обрётённой отчизны — важнейшая скрепа нашего духа, часто склонного к унынию и легкомысленному отношению к богатству — пространственному, историческому, нравственному, которое дано русскому человеку изначально, можно сказать, даром.

*Кто мы — без этого села,
Без этих круч над Доном?
Здесь русских с русскими свела
И примирила, как могла,
Земля, с тяжёлым стоном
Укрывшая своих детей
Одним на всех покровом...
И нет для нас земли святей.
И обойдёмся без гостей
С горящим жадным взором,
И обойдёмся без родни,
С которой общей болью
И верой не породнены...
И пусть не зарятся они
На нашу волю...*

В стихах Меньшиковой ясно видна неприкаянная женская судьба, когда душевный разлом касается самого главного смысла и назначения женщины — благоустроить дом,

крепить семью, обихаживать каждый дорогой уголок. Скитания, связанные с обретением родной, корневой земли, испещрили глубокими трещинами это поле домашних, изначальных забот. Потому и для лирической героини возвращение означает не только стремление соединиться с почвой, но и тягу к дому как таковому — когда семья распалась, и неполнота женского существования теперь должна восполняться из мельчайших предметов вокруг: бытие может быть только полным, а не «клочковатым», «кусочным». Вот тут *женская душа* в силах преодолеть *женскую долю* — так устроил Бог само существо русской женщины — матери, жены, сестры, дочери. Их ведёт непостижимая в своей высоте интуиция, в полной мере неизъяснимая словами.

*Ну, а вдруг откроется дорога...
Слава Богу! — помолюсь Ему.
И пойду осмысленно и строго
По дороге той, где мокла я и дрогла,
Где смиренно волокла суму,
Замирая от печали и восторга
И не понимая — почему...*

Здесь же и чувство рода, прежде стеснённое, но сегодня властно заявляющее о себе «родительницей жизни»:

*Да, русский — это доля и судьба.
Не грянет гром — не перекрестит лба.
Но если грянет — уж не обессудьте,
Восстанет всюю праведною сутью
За мать-Россию, отчее село,
Где ничего былём не поросло
И где за храмы наши и погосты
Воспрянут даже лики, даже кости...
Поднимутся за Русь и стар, и млад,
И ненависть пойдёт огнём гулять.
И вспомните тогда о русском бунте,
Не будет вам прощения, забудьте,
Что русские безропотны, просты
И что патроны наши холосты...
Нам с духом собираться — не впервые,
Уже слышны раскаты грозовые...*

Пронзительны по интонации стихотворения Эммы Меньшиковой, посвящённые старым людям, главным образом — старухам, пережившим в молодости войну. Их духовный подвиг почти не виден — одно имя и облик становится рядом с другим.

Все вместе они могут быть названы народом, или вернее — «матерью русского народа». Такая смысловая характеристика хоть как-то сглаживает невнимание государства к вдовам и невестам 1940-х, хотя и прощения тут не может быть. Счёт по совести нынешней власти однажды, без сомнения, будет предъявлен, и это время не за горами. Но пока, доживающие свой век в одиночестве или рядом с согбенными редкими подругами, они являют собой горький упрек родной стране, рациональному уму внуков, холодной риторике чиновников. И это тот редкий случай, когда государство невозможно отделить от родины, потому что сегодняшняя жизнь — в неоплатном долгу у вчерашней.

*Поле боя да поле хлебное —
Вот их доля и их судьба.
А за грамотами хвалебными —
Покосившаяся изба.
На икону вдова помолится,
А потом начнёт вспоминать,
Как цвела сирень за околицей,
Как напал на Россию тать...
Как впрягались в плуги, чтоб борозды,
Словно жилы, тянуть сверх сил,
Как пришла похоронка вскорости...
Но он ждать, уходя, просил —
И она, все глаза повысмотрев,
Не поверила никогда,
Что в бою он погиб от выстрела, —
И ждала его сквозь года.
Оглянулась — а стёжка давняя
Поросла: никого на ней.
Одиночеством и страданием
Из дощатых сквозит сеней...
А за «галочки» и за «палочки»,
За колхозные трудодни —
Социальные им хожалочки
Варят суп и пекут блины.*

У Меньшиковой очень точно показано соединение русского Неба с землёй. Подобный образ, практически, невозможно найти ни в одной поэзии мира, что обусловлено не только нашими просторами, но и устройством души здешнего человека. Живописно русский пейзаж, как правило, включает в себя воздушную высь как особое место в окружающем человека пространстве. А сокровенно русская душа не мыслит себя в отрыве от таинственного небесного существования — грозного и справедливого, в котором наказание и милосердие.

*...И небо наше — не украсть.
В окошке рядом облаками
Плывёт оно в белёсой мгле,
Чтоб за лесами, за полями
Прижаться к матушке-земле...*

Не случайно в стихах поэтессы тема возвращения на родину неявно перекликается с мотивом возвращения души к Создателю. Более того, в одном из стихотворений мы встретим поразительный по смыслу образ Руси, которая молится за нас, её детей, подобно нищенке у монастыря. Зримая земная картина внезапно обретает огромное содержание, прежде ускользавшее от суетливого разума, несмотря на поучительные примеры, знакомые нам по православной литературе. Здесь лирика берёт верх над доводами рассудка, поэзия обнимает сердце читателя и напитывает его соками отчей земли, дыханием непостижимого неба.

*И Он дарует мне Своё прощенье,
Призвав к Себе в урочный день и час.
И я пойду дорогой возвращенья,
Божественной мелодией томясь...*

В строках Меньшиковой много предметов. Более того, те сюжеты, в которых она взвешивает понятия в отрыве от их земной конкретики, определённо проигрывают её «предметным» вещам. Мир у неё очень узнаваем, но автор вместе с графикой реальности видит ещё и едва уловимую дымку смыслов, значений, связей прошлого с настоящим и будущим. Это бытийное свечение словно облакает по широкому контуру жёсткие линии повседневности. Некоторая женская непоследовательность в перемещении взгляда с одного на другое придает лирике поэтессы своеобразное обаяние. Потому что тут эмоциональная женская душа вступает в тихий диалог с высоким духом русской женщины.

*Каштаны только что прозрели,
Упав в осеннюю траву.
Взросли во мраке колыбелей,
Не видя неба синеву.
В игольчатых снаружи плюсках,
Что мягко выстланы внутри,
Чуть уместаясь в створках узких,
Они лежали до поры,
Укрытые от непогоды,
Влача во тьме глухие дни...*

*Почти касаясь небосвода,
О нём не ведали они.
И лишь внизу, в осенней прели,
Когда на землю сорвались,
Каштаны счастливо прозрели,
Глядят не наглядятся в высь...*

Этот развёрнутый образ каштанов — до поры висевших на ветках и более близких небу, нежели кустарник или трава, — оказывается тонкой и глубокой, яркой и тактичной, сдержанной параллелью к теме возвращения. Многие люди рубежа веков, рождённые и выросшие в СССР, только с распадом страны смогли оценить её достоинства, рядом с которыми западный мир со всей очевидностью предстаёт территорией цинизма, меркантильности, неправды, пронизывающей существование человека. Такое позднее знание, к сожалению, сопряжено с нынешней неуверенностью в будущем, отсутствием защиты со стороны государства, а самое главное — с исчезновением социалистической идеи, в которой прежде была все-таки *часть неба*.

Кроме того, стихотворение будто скользит рядом со словами Христа о зерне, которое не даст живого ростка до той поры, пока не умрёт. Здесь видна своего рода евангельская «подложка» первого, более ясного художественного слоя. При видимой простоте авторского письма, перед читателем — очень тонкое владение поэтической образностью.

Совсем не случайно сегодня многие фотографии прошлых десятилетий кажутся нам снимками, запечатлевшими *советскую святость*, отражённую в лицах людей — крестьян, солдат, рабочих... Будто ушло все характерное — и проявилось надличное, родовое; исчезли недостатки — и засияли доброта и жертвенность, подвиг, страдание и подлинно православное смирение.

*Крестьянские лица — как лики...
Взирают из рам вековых —
И в избах печальных и хлипких
Как будто светлее от них...
...Казалось бы, что в них святого?
Солдаты в шинелях до пят,
Солдатки в суконных понёвах,
Ребята на лавке сидят...
Но словно лучатся их лица —
И взгляда от них не отъять...
Нам есть за кого помолиться,
За нас есть кому предстоять...*

Для человека нового тысячелетия в процитированных строках не только связь времён, но и связь времён с вечностью. Это чувство, которое так старались изгнать из сердца русского человека в минувшие четверть века, становится всё более явным и видится той незримой духовной скрепой, которую не разрушить менялам, *приказным* и *половым* всех мастей.

Поэзия Меньшиковой примечательна ощущением *утекания жизни* — убывания любви, ухода молодого восприятия мира, свежести впечатлений. И тут не возрастная вежа, а странное, интуитивное знание, которое можно обозначить только косвенными приметами. Душа будто хочет куда-то вернуться — и возвращается. Кажется, что перед нами негромкий отголосок плача первого человека, потерявшего Рай, в котором осталась надежда на завтрашний день и уверенность в сегодняшнем. Хотя теперь — зрелость, в которой есть место сосредоточенной воле, открытому взгляду, мужеству сердца.

Заметим, что лирическая героиня поэтессы специально не заботится о спасении собственной души: в ней живёт необъяснимая вера в милосердие Христа («...и не взываю в иступлённом раже // к иконам о спасении своём...»). Все главные её помышления — об общем, родном для всех и во все года: о единении и способности к терпению, о верности слову, о жажде чистого в помыслах поступка. Это ещё одно — и уже современное, скромное и чисто русское подтверждение давних слов святителя Николая (Касаткина) о свершении и цене, когда страстотерпцу даже души собственной не жаль для великого и благого дела**.

*Ничего не имеет значения,
Кроме Неба, Любви и Души.
Высотой бы жить и прощением
Где-нибудь в деревенской глуши,
О несбывшемся плакать и каяться,
И взывать к откровенью Небес,
Чтоб душа — вековуха, скиталица —
Причастилась бы вечности здесь
И незримую птицей вечернею
Что-то грустное пела в тиши...
Ничего не имеет значения,
Кроме Неба, Любви и Души.*

* Ахматова А.А. «Родная земля», 1961.

** Святой Равноапостольный архиепископ Японский Николай (Касаткин), великий русский миссионер, записал в своём дневнике: «Что-то с душою будет? Ох! Пусть гибнет. Лишь бы Япония сделалась православною». — Цит. по: Диакон Игорь Филяновский. «Держись мира и сотвори любовь...». — Подъём, 1999, №5. С. 205.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Сергей АБИЧЕВ. Слово о верховном главнокомандующем — 11-12.
Борис АГЕЕВ. В тени крыла чёрного ангела — 10.
Василий БИДОЛАХ. Освенцим — дорога назад — 5-6.
Игорь БРАТИЩЕВ. Славянский экспресс направляют в тупик — 10.
Роман ВАСИЛИШИН. Бойня — 1-2.
Сергей ГЛАЗЬБЕВ. Хватит кормить Америку! — 1-2.
Василий ГРИБОВСКИЙ. День русской цивилизации — 7-8.
Михаил ДЕЛЯГИН. Судить о каждом по меркам времени — 3.
Сергей ЕЛИШЕВ. Вскормившие нацизм — 11-12.
Валентин КАТАСОНОВ. Пора предъявлять иски Западу — 3.
Валентин КАТАСОНОВ. «Русская тайна» или очередной блеф? — 4.
Валентин КАТАСОНОВ. Развязал войну — плати! — 5-6.
Валентин КАТАСОНОВ. Вклад К.Н. Леонтьева в создание теории цивилизации — 9.
Людмила КЕШЕВА. Возможен ли четвёртый рейх? — 4.
Лев КРИШТАПОВИЧ. Исторические традиции в судьбе наших народов — 10.
Владимир КРУПИН. Эти непонятные русские — 7-8.
Сергей ЛЕБЕДЕВ. Сахалин — 11-12.
Михаил ЛЕМЕШЕВ. Альтернатива урбанизации России — 9.
Иван ЛЕОНОВ. Кары современной цивилизации — 4.
Геннадий ЛУКИНЫХ. Миф или грядущая реальность? — 7-8.
Леонид МАСЛОВСКИЙ. Величие нашей Победы — 5-6.
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни — 11-12.
Дмитрий МИНИН. Варшава боится опоздать — 3.
Денис МИРОНОВ-ТВЕРСКОЙ. Сковородка — 11-12.
Александр ОЛЕЙНИК. Кто толкает мир к нацистскому мракобесию? — 7-8.
Николай ОРЛОВ. Банковское ростовщичество — 5-6.
Фёдор ПОДОЛЬСКИХ. Дилетанты и временщики — 1-2.
Валентин РАСПУТИН. Нравственность или успешность? — 7-8.
Василий СМИРНОВ. Некомпетентность или измена Родине? — 9.
Владимир СМЫК. Он спас страну — 9.
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Перед грядущим судом истории — 3.
Руслан УХОВ. Разговор с ветераном — 5-6.
Константин ФЁДОРОВ. Погубленные уникамы отечественной авиации — 1-2.
Людмила ФИОНОВА. Встречи в Мексике — 1-2.
Людмила ФИОНОВА. От роста к балансу — 4.
Алексей ШВЕЧИКОВ. Тоталитарная секта по имени США — 4.
Светлана ШОРОХОВА. О трагедии гуманизма — 5-6.
Александр ШУМСКИЙ. Дом восходящего солнца — 9.
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. О создании антицеркви — 9.
Ольга ЧЕТВЕРИКОВА. Они строят электронный мир — 10.
Владимир ЮДИН. Неистовый воитель и созидатель Кубани — 3.

ПРОЗА

- Александр АЗ. Человек с горы. Повесть — 10.
Эдуард АЛЕКСЕЕВ. Пасека. Рассказ — 11-12.
Валерий БАРАБАШОВ. Майдан. Повесть — 3.
Нина БОЙКО. Рассказы — 7-8.
Игорь БОЙКОВ. Гроб Сергея Митяева. Рассказ — 1-2.
Вячеслав ДЁГТЕВ. Аустерлиц. Рассказ — 1-2.
Степан ДЕРЕВЯНКО. Посылка из Сибири. Рассказ — 9.

Борис ЕКИМОВ. Продажа. Рассказ — 5-6.
Михаил ЕСЬКОВ. Мать. Рассказ — 4.
Станислав ЗОТОВ. Русский крест. Рассказ — 3.
Анна КОЗЫРЕВА. Память-пуповина. Рассказ — 3.
Татьяна КУЛИК. Рассказы — 5-6.
Анатолий КОЗЛОВ. Рассказы — 7-8.
Николай КОКУХИН. Тимоха. Рассказ — 9.
Николай КОНЯЕВ. Рассказы — 1-2.
Короткие рассказы — 1-2.
Алла ЛИНЁВА. За рекою в непокое. Рассказ — 7-8.
Александр ЛОМТЕВ. Короткие рассказы. — 10.
Антон ЛУКИН. Рассказы — 9.
Леонид НАЛИВАЙКО. Короткие рассказы — 11-12.
Юрий ПАХОМОВ. Прощайте, герои... Повесть — 1-2.
Владимир ПРОНСКИЙ. Провинция слёз. Роман — 4, 5-6, 7-8, 9.
Надежда СЕРЕДИНА. Зеркало. Новелла — 11-12.
Олег СКРЫННИК. Святая тема. Рассказ — 7-8.
Иван ЧУРКИН. Рассказы — 11-12.
Сергей ЩЕРБАКОВ. Собрат по блаженству. Рассказ — 3.
Иван УХАНОВ. Окалина. Повесть — 10.

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. Где русская кровь проливалась... Стихи — 5-6.
Евгений АРТАМОНОВ. Любовь неизяснима. Стихи — 3.
Владислав АРТЁМОВ. Унесённое ветром тепло. Стихи — 9.
Юрий ВОРОТНИН. Ожидание света. Стихи — 7-8.
Андрей ГАЛАМАГА. Свой крест нести. Стихи — 1-2.
Татьяна ГРИБАНОВА. Душистые зори. Стихи — 3.
Михаил ГУСАРОВ. Девятый вал. Стихи — 7-8.
Юрий ДЕНИСОВ. Радуница Стихи — 10.
Ольга ДЬЯКОВА. Снежный гость. Стихи — 1-2.
Валентина Ерофеева-Тверская. С весенними дождями. Стихи — 3.
Валентина ЕФИМОВСКАЯ. Гены памяти. Стихи. — 1-2.
Александр ИВУШКИН. Шагну тебе навстречу. Стихи — 4.
Васильев КАЗАНЦЕВ. Утолителное слово. Стихи — 9.
Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА. Свет одиноких фонарей. Стихи — 4.
Дмитрий КОВАЛЁВ. Ознобом утренним согрет. Стихи — 5-6.
Николай КОНОВСКОЙ. Под перекрёстным огнём. Стихи — 10.
Алексей КРЕСТИНИН. Присядем у реки... Стихи — 1-2.
Елена КРИКЛИВЕЦ. Кружился листопад... Стихи — 3.
Вера КУЗЬМИНА. Кого люблю. Стихи — 11-12.
Игорь КУНИЦЫН. За гранью льдин. Стихи — 5-6.
Евгений КУРДАКОВ. Преображенье. Стихи — 7-8.
Алла ЛИНЁВА. По небесным протокам. Стихи — 10.
Владимир МАРУХИН. Солнечные зёрна. Стихи — 3.
Виктория МОЖАЕВА. Живём на краешке войны. Стихи — 5-6.
Владимир МОЛЧАНОВ. Ранний полёт. Стихи — 4.
Эмма МЕНЬШИКОВА. Русская тетрадь. Стихи — 7-8.
Юрий ПАРКАЕВ. Ушедший песнями в народ. Стихи — 7-8.
Анна ПЕРЕВОЗОВА. Что тебе снится? Стихи — 4.
Геннадий ПОПОВ. Душою слышу глас небесный. Стихи — 11-12.
Николай РАЧКОВ. В родных полях. Стихи — 4.
Андрей РЕБРОВ. Свежие звёзды. Стихи — 1-2.
Наталья РОЖКОВА. Последний день весны. Стихи — 5-6.
Стихи поэтов России — 9.
Елена САПРЫКИНА. До края истины. Стихи — 11-12.

Светлана СУПРУНОВА. Зеленеют братские могилы. Стихи. — 1-2.
Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ. На берегу меня встречают... Стихи — 3.
Валерий ХАТЮШИН. Спелая рябина. Стихи — 10.
Людмила ШИПАХИНА. Костёр души. Стихи — 9.
Евгений ЮШИН. О любви сказать еще желаю. Стихи — 5-6.

РУССКИЙ ВОПРОС

Алексей АНПИЛОГОВ. Сомоса придёт, порядок наведёт — 10.
Василий ГРИБОВСКИЙ. Украина — проект Ленина — 7-8.
Александр ДУГИН. Новороссия для России — 9.
Александр ИЗРАИЛЕВ. Русский мир — это где? — 7-8.
Роман ИЛЮЩЕНКО. Успеть стать русскими — 7-8.
Сергей КАРАМЫШЕВ. Мать и мачеха — 1-2.
Сергей КАРАМЫШЕВ. Русский мир — преддверие неба. Чтобы воскреснуть Русью — 7-8.
Ольга ЛУКИНА. Русский мир и планы Запада — 9.
Марк ЛЮБОМУДРОВ. Размышления о Всемирном русском соборе — 4.
Сергей ПОПОВ. Русских — в правовое поле России — 10.
Всеволод ТРОИЦКИЙ. Имя народа — знамя его — 4.
Владимир ТУРЧЕНКО. Остановить притеснения русских! — 4.
Александр ШУМСКИЙ. Константинополь должен быть наш! — 1-2.
Алексей ЧИЧКИН. О воссоединении с Родиной — 1-2.

РУССКИЙ МИР

Сергей КАРАМЫШЕВ. Агония Европы — 11-12.
Геннадий КОЛДАСОВ. Роль князя Владимира в создании Русского мира — 11-12.
Николай ОРЛОВ. Спасите Донбасс! — 11-12.
Сергей СОКУРОВ. Россия — имя нетленное — 11-12.

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Алексей БОГАЧЁВ. Бич сектантства и трагедия Украины — 5-6.
Максим БЫКОВ. Они это сделали: обрушили рубль — 4.
Валентин КАТАСОНОВ. Доллар и война — 5-6.
Людмила РЯБИЧЕНКО. По законам расчеловечивания — 3.
Людмила РЯБИЧЕНКО. Охотничий билет на человека — 4.
Ольга ЯКОВЛЕВА. Модернизация или подготовка к капитуляции? — 1-2.

ДОСЬЕ «МГ»

Михаил ДЕЛЯГИН. Смертельная эффективность — 11-12.
Людмила РЯБИЧЕНКО. Нам объявлена война — 10.
Владимир СМЫК. Терроризм как отношение Запада к России — 10.
Геннадий СТАРОСТЕНКО. О «кремлёвских ретрансляторах» — 1-2.
Александр ЧУЙКОВ. Пора платить по долгам — 5-6.

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Михаил ДЕЛЯГИН. Маньяк либерализма — 10.
Иван ЛЕОНОВ. Сеятельница русофобии — 10.

СИМВОЛ ВЕРЫ

Николай БУЛГАКОВ. Почему вернулся фашизм? — 1-2.
Алексий КАСАТИКОВ. Вселенская местечковость — 1-2.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Вазген АВАГЯН. Вето на отмену совести — 5-6.
Ирина МЕДВЕДЕВА. Почему появилось так много психов? — 4.
Николай ПАТРУШЕВ. Вторая «холодная» — 3.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир АНИЩЕНКОВ. Что мы празднуем 23 февраля? — 5-6.
Александр КАРЕВИН. Проект против России — 10.
Сергей СОКУРОВ. Половецкие пляски современного украинства — 7-8
Кирилл ФРОЛОВ. Святой князь Владимир против «ереси украинства» — 11-12.

УРОКИ ИСТОРИИ

Ярослав БУТАКОВ. Польша — поделница гитлеровской Германии — 9.
Игорь ИЛЬИНСКИЙ. Правда о «цене Победы» — 9.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Сергий КАРАМЫШЕВ. Опыт изъяснения русской идеологии — 9.
Фёдор ПАПАЯНИ. Быть или не быть идеологии Отечества? — 7-8.

ПОДВИЖНИКИ

Нина БОЙКО. Стратег — 1-2, 3, 4.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир МЕЛЬНИК. О русском — 10.
Валерий ХАТЮШИН. Четверть века с «Молодой гвардией» — 4.
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспомина-
ния — 5-6, 7-8, 11-12.
Николай ЮРЛОВ. Читая классику — 11-12.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Михаил ЛЕМЕШЕВ. Жертвенная любовь к России — 11-12.
Вячеслав ЛЮТЫЙ. «И я пойду дорогой возвращения...» — 11-12.
Владимир СМЫК. Друзья и недруги Шолохова — 1-2.
Алексей ШОРОХОВ. Русский вопрос у Валентина Распутина — 9.
Владимир ЮДИН. Её звали Чайка — 9.

ЭКСПЕРТЫ

Константин СИВКОВ. Умерщвление Европы — 5-6.

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Тамара ПАНКОВА. Служил Гаврила финансистом... — 10.
Высказывания Черномырдина — 7-8.

КРУГ ЧТЕНИЯ

Владимир ЛИЧУТИН. Душа неизъяснимая. — 10.
Нина ЧЕРЕПЕННИКОВА. Книга непридуманной жизни — 10.